

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTITUTO DE LATINOAMÉRICA
ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA

Borís Martynov

*“Occidente” y “no Occidente”:
el pasado, el presente ...
el futuro*

Moscú

2015

Борис Федорович Мартынов

*«Запад» и «не-Запад»: прошлое,
настоящее...
будущее?*

Москва

2015

УДК 32
ББК Ф 66
М 29

Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? – М.: ИЛА РАН, 2015. – 172 с.
ISBN 978-5-9905542-7-6

В новой книге известного российского латиноамериканиста Б.Ф. Мартынова исследуется эволюция и становление «Коллективного Запада» как цивилизации, которая главенствовала в мире на протяжении свыше 500 лет. Рассматриваются причины, как исторического восхождения западной цивилизации, так и ее неизбежного, по мнению автора, заката. Глубоко, с учетом новых факторов мирового цивилизационного развития, анализируются перспективы глобального восхождения новых государств – цивилизаций в процессе строительства многополярного мира, особая роль в котором принадлежит России и другим странам БРИКС.

En el nuevo libro del conocido latinoamericanista ruso B.F. Martynov se investiga el proceso de la evolución y la consolidación del Occidente como la civilización que dominaba en el mundo durante más de 500 años. El autor destaca las causas tanto de su ascenso histórico, como del inevitable, a su parecer, ocaso. Contando con los nuevos factores del desarrollo mundial civilizacional, él analiza profundamente las perspectivas del ascenso global de nuevos estados–civilizaciones en el proceso de la construcción del mundo multipolar, en el que el papel especial pertenece a Rusia y a otros países del BRICS.

ISBN 978-5-9905542-7-6

© Мартынов Б.Ф., 2015
© ИЛА РАН, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7
1. «Многополярность» старая и новая.....	14
2. Право и культура.....	30
3. Испытание силой.....	42
4. Латинская Америка: «последнее хранилище и депозитарий».....	60
5. Россия: «У ней особенная статья».....	84
6. На изломе эпох.....	103
7. «Китайский синдром».....	124
8. БРИКС: искомая альтернатива?.....	134
9. Вместо послесловия.....	160

«Проблема на сегодняшний день совсем не в том, сохранится ли западнцентричный мир, а в том, успеет ли человечество выработать принципиально новые формы своего планетарного бытия до того, как его постигнет всеобщая катастрофа...»

/ Ian Morris. Why the West Rules – For Now. London, 2011, p. 36 /

Введение

В кулуарах одной международной конференции, которая проходила в середине «нулевых» в прекрасном Рио, довелось услышать следующее: «Мир катится в пропасть. На смену биполярности пришла анархия, которая доразрушит то, что осталось от международного права и основ мировой экономики и политики. Никакие БРИК, никакая многополярность не помогут, если в кратчайшие сроки не будет установлен *новый* мировой порядок...».

В этом эмоциональном выступлении присутствовали, как минимум, три плохо осмысленные проблемы: во-первых, – что на самом деле представляет из себя формат БРИК (с весны 2011 г. – БРИКС) и каковы могут быть его реальные перспективы; во-вторых, – в чем «плюсы» и «минусы» этой столь желанной многим «многополярности» и, наконец, в третьих, – прихода какого «нового мирового порядка» мы, все-таки, ждем?

Мрачноватый пафос сказанного выше основывался на видимой невооруженным глазом неспособности людей оперативно реагировать на умножающиеся глобальные вызовы. Ведь **ни по одному пока еще не было принято никаких ответственных решений**, при том, что их глубина и драматизм, если судить по мировым масс-медиа, кино- и видео «блокбастерам», начинают навевать на людей катастрофические предчувствия.

В начале 90-х годов прошлого века британский автор – профессор К. Бус, заявил о том, что наука о международных отношениях «нуждается в переосмыслении базисных концепций» в целях «открыть то, что раньше было закрыто, регуманизировать дегуманизированное, отдать предпочтение сомнению перед уверенностью, заполнить пограничные зоны между этой наукой и другими дисциплинами, переосмыслить роль человека, и, наконец, внимательно вслушаться в *пронзительное молчание предметов*» (*Курсив мой* – Б.М.). Принятие такой программы, как считал К. Бус, неизбежно повлечет за собой риск «втянуться в «черную дыру» философии»¹. Ну, что же, ученым, наверное, не пристало бояться рисков, тем более что нынешнее состояние международных отношений (МО) и методов их осмысления, чем дальше, тем больше нуждается в качественном обновлении.

Конфликты наступившего XXI-го столетия, вопреки радужным надеждам на лучшее будущее, «сохранили многие особенности конфликтов конца XIX века»². Только в 2013 г. в мире имели место 35 вооруженных конфликтов, к шести из которых было вполне применимо понятие «война». Большинство имели внутривосточный характер. На фоне возобновления «старых» угроз, усилились «новые»: ухудшение экологической и климатической ситуации, угроза дефицита минеральных и продовольственных ресурсов, распространения ОМП и новых смертоносных эпидемий, появления новых видов вооружений (кибероружие). Кризис, поразивший «развитый» мир в конце его первого десятилетия, со всей очевидностью показал неадекватность старой социально-экономической модели развития, основанной на

¹ Приводится по: Международные отношения: социологические подходы (под ред. проф. П.А. Цыганкова). М., 1998. С. 309.

² Современные глобальные проблемы. (Отв. ред. В.Г. Барановский, А.Д. Богатуров). М., 2010. С. 171.

расширенном (порою – «вмененном») потреблении, наступившим новым временам. Усилилась угроза деградации глобальных финансово-экономических и политико-правовых структур – тех самых, которые до сих пор «худобедно» поддерживали порядок в глобальном социуме.

Еще в начале 1990-х годов газета «Лос Анжелес Таймс» опубликовала статью, где был сделан прогноз относительно дробления в ближайшие десятилетия существующих государств и выделения из их состава новых. К нашим дням он оправдался уже примерно на 60%. После самопровозглашения независимости Нагорного Карабаха и Приднестровья, в мире появились признанные полностью или частично-признанные Эритрея, Босния и Герцеговина, Хорватия, Словения, Македония, Косово, Черногория, Южная Осетия и Абхазия, Восточный Тимор и Южный Судан. При этом «развод» по мирному сценарию имел место только в случае между Сербией и Черногорией. Сегодня угроза распада стоит не только перед такими проблемными странами, как Украина, Афганистан и Ирак, Сомали и Ливия, но и перед вполне благополучной в материальном отношении Бельгией. Она не снята и для упомянутых в американской газете Испании, Канады, Италии, США, Великобритании, Китая и Индии. При этом международное право, как это ни прискорбно, не в состоянии разрешить противоречие между базисными принципами самоопределения и территориальной целостности, государственного суверенитета и «прав человека», что открывает перспективу силового решения конфликтов.

В начале нового столетия мировые интеграционные структуры существенно замедлили свое развитие. Региональные рынки не только не переросли в глобальный, но и наметилась тенденция к усилению протекционизма. В 2005 г. провалилась идея создания «Всеамериканской зоны свободной торговли» (АЛКА). Обострились проблемы в

НАФТА, Меркосур и ЕС. «Европейская идентичность» так и не стала заменой национально-государственной идентичности, а формирование трансграничного европейского пространства не привело к исчезновению сепаратистских устремлений в ряде государств Европы. Кризис в зоне «евро» в 2011 г. (а он стал частью более широкого кризиса «европейских ценностей») заставил заговорить о перспективе ее распада. В сегодняшнем мире вообще пока мало кто испытывает желание *объединяться* со своим соседом или соседями. На фоне углубления глобальных проблем, структурного кризиса на Западе, роста ксенофобии, национализма, протекционизма и усиливающегося недовольства главным *глобализатором* – Соединенными Штатами говорить о некоем торжестве «глобализации» (тем более что единого понимания этого явления все еще нет) пока не приходится...

По-видимому, глобальным социумом сегодня «дорабатываются» *последние остатки* того мирового порядка, который был установлен после Второй мировой войны. Какой придет ему на смену? И придет ли вообще?

Предпринятая Соединенными Штатами Америки попытка обустройства однополярного мира окончилась неудачей, как, впрочем, и всякая попытка достичь какого-то нового качества с помощью *старых методов*. При этом начавшееся бурное восхождение Китая, Индии, Бразилии, ЮАР, Индонезии и других стран, заставило усомниться в незыблемости содержания таких выработанных западной цивилизацией, казалось бы, «вечных» понятий, как «свобода», «прогресс», «демократия», «развитие», «права человека» и т.д. Силовые линии в традиционном биноме «Восток - Запад» постепенно стали менять направление. Что несет людям прогнозируемый переход от продолжавшейся примерно пять с лишним веков *«вестернизации»* к *«истернизации»* и *«саутизации»*? Что изменится в глобальной расстановке сил через двадцать, а, может быть, уже через десять

лет? И самое главное: какая роль в череде этих глобальных мегатрансформаций отведена России?

Возможность приоткрыть завесу над будущим всегда будоражила умы людей. Однако предпринимавшиеся ими раз за разом попытки создать четкую прогностическую теорию, способную хоть как-то упреждать развитие событий, до сих пор не оправдывали себя. Последней холистической теорией подобного рода был марксизм. Теперь же, как в отечественной, так и в зарубежной литературе начали появляться работы, где отмечается присутствие в Истории некой независимой от людей *силы*, способной воздействовать на принимаемые ими решения, порой *качественно* трансформируя их конечные результаты¹. Действие ее протекает в сфере *иррационального*, которая ранее полностью или почти полностью игнорировалась в науках об обществе. Проявляя себя через элемент *случайности*, иррациональное не раз опровергало воспитанную в представителях цивилизации Запада уверенность в линейном характере прогресса.

Отход от марксизма и начавшееся переосмысление канонов *либерализма* – этих двух исключительно западных по своему происхождению учений, которые отдают безусловный приоритет рационально-материалистическому, образно говоря, «математическому» восприятию мира, похоже, может существенно изменить картину. Масштаб стоящих сегодня перед миром проблем диктует необходимость подключения к их решению – *на научной, а не на политической!* – основе все более широких слоев общественности, в том числе и принадлежащих к другим *цивилизационным архетипам*.

Выработка более адекватного понимания происходящих в мире процессов и способов безболезненного встраивания в них людей, невозможна без освоения *новых междисципли-*

¹ См.: Современные глобальные проблемы, с. 19-20.

линарных подходов, которые равно принимали бы в расчет экономическую науку, политологию, культурологию, историю, археологию, антропологию, философию, социологию, право, сравнительную лингвистику, общественную психологию и др. С лавинообразно нарастающей активизацией связей между людьми, странами, регионами и целыми цивилизациями естественно ожидать добавления и каких-то новых дисциплин. Идеальным вариантом при этом было бы не дальнейшее дробление гуманитарных знаний и умножение перегородок между ними, а создание *синергетической науки о человеке и обществе*, что, естественно, потребует и создания нового *междисциплинарного языка*.

Приведем один пример:

«Никто из тех, с кем я говорил, так и не смог нарисовать общей картины», – с грустью отмечал один молодой английский автор, взявшийся написать книгу о климатических изменениях в Арктике. «Я обнаружил, что специалистов по Арктике, как таковой, нет, как нет и общих источников информации. Существуют профессионалы – «академики», каждый из которых занимается какой-то одной микроскопической частью целого: от поведения китов до изучения течений. Есть политики, обеспокоенные правами своих стран на арктические границы, геологи, собирающие сведения для определения этих границ, киты и тюлени, свободно проплывающие над этими границами. Юристы спорят о содержании ст. 234 Конвенции по морскому праву («районы, покрытые льдом»), а инженеры рассматривают лед только как препятствие, которое приходится преодолевать ледоколам. Экологи считают, что любую добычу нефти в Арктике следует немедленно запретить, в то время как коренные народы Севера ждут, когда же часть накопленного мирового богатства доберется, наконец, и до их становищ. Для того чтобы сформировать общее представление, нужно было переговорить с более чем сотней различных экспертов, прослу-

шать более ста выступлений на конференциях в разных частях света, прочитать гору статей и книг, в которых говорилось о том, что было известно еще сто лет назад»¹. То же самое, наверное, можно сказать и о проблемах глобальной экономики, и о природных аномалиях и, наверное, - об Америке, Африке и России. Причина, как отметил этот англичанин, – «переизбыток несвязанной друг с другом информации». Так как же мы дошли до жизни такой?

Очевидно, что преодолеть подобный «разнобой» значило бы подготовить почву для ответа на многие сложные вопросы нашего бытия.

Все это, разумеется, – дело будущего, которое потребует немалых затрат времени и сил. Задача автора гораздо скромнее. В данной работе ему представляется необходимым обобщить и вынести на предварительное научное обсуждение некоторые свои идеи относительно перспектив нарождающегося глобального миропорядка и участия в этом процессе пятерки государств БРИКС.

Тема БРИКС давно изучается в Институте Латинской Америки РАН. По ней опубликован ряд важных исследований (например, Давыдов В.М., Бобровников А.В. «Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике». М.: ИЛА РАН, 2009; «БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия». М.: ИЛА РАН, РУДН, 2010; «БРИКС и Латинская Америка. Позиционирование и взаимодействие». Под общей редакцией члена-корреспондента РАН Давыдова В.М. М.: ИЛА РАН, 2014). В работах специалистов ИЛА РАН уже давно и активно используется *цивилизационно-культурологический подход* (Константинова Н.С., Шемякин Я.Г.), который стал методологической основой для данного исследования. Важное место в освещении

¹ Anderson A. After the Ice. Life, Death and Politics in the New Arctic. London, 2009. P. 8.

избранной темы занимали проблемы *права и правосознания*, в связи с чем автор считает необходимым вспомнить добрым словом ныне покойного доктора юридических наук, профессора Лазарева М.И, который внес существенный вклад в понимание особенностей латиноамериканского правосознания и специфики «латиноамериканской» школы международного права.

1. «Многополярность» старая и новая

Распад биполярной системы подтолкнул практиков к поиску реакции на новые глобальные вызовы, а теоретиков – к дискуссиям о новой системе МО, мировом порядке и *полярности* новообразовавшейся системы. Специалисты заговорили об «однополярности», «многополярности», «полуполуполярности», «полицентричности», «остаточной биполярности», «неполярности» и пр. Это многословие не привело, однако, ни к выработке понятийного консенсуса, ни к более или менее согласованной интерпретации действительности. За дискуссиями о применимости понятий «система» и «полюсность» к мировой политике, о том, может ли «беспорядок» в свою очередь считаться «порядком» и т.д., просматривались элементы схоластики, мешавшие более или менее внятно постичь смысл происходящего.

Споры о понимании термина «международный» или «мировой порядок», наверное, могут вестись до бесконечности. Фрагментация гуманитарных наук приводит к такому положению, когда философ вправе говорить о беспорядке как о «специфической форме порядка», юрист, в отсутствие четкой правовой нормы, прецедента или обычая – однозначно о «беспорядке», экономист отдаст пальму первенства в мировой таблице о рангах, руководствуясь «макроэкономическими показателями», а политолог предположит, что все зависит от «конкретного соотношения сил»...

Международные отношения, однако, – вещь сугубо ове­щественная, завязанная на *интересы, судьбы и жизни* миллионов людей, поэтому любая попытка легитимизации «порядка», основанного не на *праве*, а на *силе*^{*} (а этому, вольно или невольно, способствует упоминавшаяся выше неразбериха), – это, по сути дела, оправдание конфликтов и войн. «Насилие становится «порядком» для тех, кто постоянно прибегает к нему». «Нам, – отмечал немецкий ученый Х. Вельцер, – необходимо «развенчивать логику анархии вместе с логиками анархии» для создания новой теории МО¹.

Идея многополярного мира начала становиться стратегическим направлением внешней политики России с середины 1990-х годов^{**}. В Концепциях внешней политики (КВП) Российской Федерации от 2000, 2008 и 2013 гг. было закреплено положение о том, что Россия будет добиваться

* Понятие «порядок» в нашем представлении должно быть связано с четким если уж не *юридическим*, то хотя бы с *практическим содержанием*. Говорить о «консолидации» какого-то «нового» (!) порядка на этапе, когда все еще «ведутся активные дискуссии о том, станет ли военная интервенция (по решению одной державы, группы стран или мандату ООН) легитимной нормой международного права» и пр. (Международные процессы, 2011. №2. С. 29-30), на наш взгляд, некорректно.

¹ Weltzer H. Guerras Climáticas. São Paulo, 2010. P. 23.

^{**} Мы склонны согласиться с мнением А.Д. Богатурова о том, что однополярный мир существовал около 10 лет – с подписания в июне 1992 г. в Вашингтоне Хартии российско-американского партнерства и дружбы до начала войны в Ираке в 2003 году. Это совпадает с выводом такого документа, как «Обзор внешней политики Российской Федерации» от 2007 г., о том, что «миф об однополярном мире окончательно рухнул в Ираке» (http://www.mid.ru./brp_4.nsf/sps/690A2BAF968B1FA4). Первыми практическими шагами России в сторону установления многополярности можно считать латиноамериканское турне тогдашнего министра иностранных дел РФ Е.М. Примакова в 1997 г., в ходе которого им был подписан ряд важных документов о сотрудничестве с ведущими государствами этого региона.

формирования многополярной системы международных отношений, отражающей многоликость мира с разнообразием его интересов. Гарантией эффективности многополярного мироустройства провозглашались взаимный учет интересов, *приоритет международного права* (курсив мой – Б.М.) и широкая демократизация международных отношений»¹.

Считая «нарождающуюся многополярность» одной из «фундаментальных тенденций современного развития», КВП в редакции 2008 г. констатировала «объективное повышение роли многосторонней дипломатии, международных институтов и механизмов в мировой политике и экономике, вызванное усилением взаимозависимости государств, необходимостью повышения управляемости мирового развития». Она подтверждала стремление России «продолжать добиваться укрепления многосторонних начал в мировых делах, формирования такой архитектуры международных отношений, которая основывалась бы на признании международным сообществом принципов неделимости безопасности в современном мире и отражала бы его многоликость». При этом в качестве цели намечалось установление «справедливого и демократического миропорядка, основанного на коллективных началах в решении международных проблем и на верховенстве международного права». В редакции этого документа от 12 февраля 2013 г. говорилось о том, что «международные отношения переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы. Этот процесс проходит непросто, сопровождается повышением турбулентности экономического и политического развития на

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Москва. 28 июня 2000 г. // Системная история международных отношений в четырех томах 1918-2003. Под редакцией А.Д. Богатурова. Т. 4. Документы. М., 2004. С. 538-539.

глобальном и региональном уровнях. Международные отношения, – говорилось далее, – продолжают усложняться, их развитие становится все более труднопредсказуемым»¹.

Наверное, определение переживаемого нами исторического момента как «нарождающейся многополярности» ближе всех к реальной действительности несмотря на наличие массы других определений. Но что такое «многополярность» и почему она должна быть заведомо лучше «биполярности» или «однополярности»? В массовом сознании «много» – это, как правило, всегда хорошо. Однако поставленная задача активного участия России в построении полицентричного миропорядка требует более углубленного анализа данной концепции, которая, как, наверное, и любая другая, имеет свой баланс позитива и негатива. К тому же, с учетом признания нами культурно-цивилизационного многообразия современного мира, такой анализ необходим для выявления ее основных цивилизационно-культурных составляющих.

Сложность задачи связана с тем, что при часто констатируемой общности взглядов, существующих у России и целого ряда других стран на необходимость установления многополярной системы, такая общность не исключает нюансов, обусловленных спецификой цивилизационного, исторического и социально-политического развития. По мере усложнения отношений в рамках формирующегося миропорядка эти нюансы, очевидно, могут либо нивелироваться, либо превращаться в противоречия. Ведь, как было сказано в КВП 2013 г., «глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение... Все более громко заявляет о себе культурно-цивилизационное многообразие современного мира. Обратной стороной процессов глобализации становится тен-

¹ <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218099/>

денция повышения значения фактора цивилизационной идентичности. Стремление вернуться к своим цивилизационным корням отчетливо прослеживается в событиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где политическое и социально-экономическое обновление общества зачастую проходит под лозунгом утверждения исламских ценностей. Схожие процессы наблюдаются и в других регионах, что выводит в разряд первоочередных приоритетов мировой политики задачу предотвращения межкультурных разломов, наращивания усилий в интересах формирования партнерства культур, религий и цивилизаций, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества. В этих условиях попытки навязывания другим собственной шкалы ценностей чреваты усилением ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах, а в конечном итоге – сползанием к хаосу и неуправляемости в международных отношениях. Негативно на перспективы укрепления глобальной стабильности влияет обозначаясь тенденция реидеологизации международных отношений¹. Таким образом, диалектическая связь, которая существует между «полярностью» и цивилизационным измерением МО для нас очевидна. Рассмотрим ее в ретроспективе.

Принято считать, что «многополярность» сложилась еще до Первой мировой войны. Годы, которые предшествовали ей, определялись балансом сил «великих держав»: Англии, Германии, Франции, России, США, Австро-Венгрии, Италии и Японии. «Для многополярности, – отмечал А.Д. Богатуров, – характерна примерная сопоставимость совокупных возможностей одновременно нескольких государств мира, ни одно из которых не обладает явно выраженным превосходством над остальными. Приблизительно такая структура международных отношений была в Европе XIX века, когда

¹ Там же.

европейские великие державы ревниво следили друг за другом, не позволяя ни одной из них усилиться до такой степени, чтобы коалиция всех остальных не обеспечивала им заведомого превосходства над пытающимся «уйти в отрыв» соперником»¹.

Однако, несмотря на «почти научный», по мнению Дж. Кеннана, характер этого баланса сил, обязанного своим происхождением Бисмарку, достаточно было одной искры - выстрела в Сараево, чтобы противоречия между участниками системы вырвались наружу, а система «сдержек и противовесов» обрушилась. Неспособность «классической» многополярности начала XX в. предотвратить скатывание мира к всеобщей войне, сегодня является чуть ли не главным аргументом в руках тех ученых (З. Бжезинский, Ч. Краутхаммер, Р. Кохейн и др.), которые в «благожелательном гегемонизме» одного, самого сильного участника системы, либо в биполярном «разделении ответственности» за мир двух самых сильных держав (К. Уолтц, Дж. Миршеймер) видят залог глобальной стабильности. «Многополюсный мир был очень стабильным, но одновременно и слишком предрасположенным к войнам»², – заключал К. Уолтц.

«Система Бисмарка», однако, обладала рядом таких специфических черт, которые в корне отличали ее от «нарастающей многополярности» наших дней. В нее входили разные страны с порой полярно различавшимися государственными интересами. При этом все они (включая Россию и даже Японию!) *de facto принадлежали к одной – западной цивилизации* и использовали одни и те же *методы «жесткой силы»* (“*hard power*” по терминологии Дж. Ная)

¹ Очерки теории и прикладного анализа международных отношений. М., 2003. С. 284.

² Waltz K. The Emerging Structure of International Politics // International Security, vol. 18, n2, 1993. P. 321.

для восхождения в мировой «табели о рангах». Конкурируя и даже часто враждуя друг с другом, они выступали, как правило, единым фронтом в отношениях с неоформившимися, недостаточно оформившимися или откровенно слабыми в государственно-правовом, экономическом и военно-политическом плане «не-западными» цивилизациями: Китаем, Индией, странами Африки и большинством государств Латинской Америки. Международное право тех лет носило «очаговый», европейски-ориентированный характер, существуя лишь как право «цивилизованных народов», что *ipso facto* обрекало так называемые «нецивилизованные» быть пассивными объектами «приложения сил» и изгоями в мировой политике.

Подчеркнем еще раз: фактически все без исключения «великие державы» в начале XX в., в широком политико-экономическом смысле (отметим это обстоятельство особо!) принадлежали к одной и той же западной цивилизации и, соответственно, – к западной политической культуре. Добровольный отказ России и Японии, соответственно, в XVII и XIX вв., от своей цивилизационно-культурной самобытности в обмен на допуск в эксклюзивный «клуб Запада», сделал этот миропорядок цивилизационно-гомогенным, а значит – однополярным. Эта однополярность основывалась на безраздельном и долговременном (по П. Кеннеди – примерно, с 1500 г.) господстве в мире западной цивилизации.

Принципиальная ущербность применения понятия «многполюсный порядок» к тому периоду связана, на наш взгляд, также с тем, что в то время из международных отношений и, соответственно, из сферы действия международного права (МП) были исключены цивилизации и культуры народов Азии, Африки и Латинской Америки. В силу этого ни бурное развитие академической науки о МП в Европе и США, ни образование первых международных организаций (Международный Красный Крест – 1863, Между-

народный телеграфный союз – 1865, Всемирный почтовый союз – 1874), ни усилия, предпринимавшиеся рядом государств по кодификации норм дипломатических и консульских сношений и правил ведения войны, также не могли остановить сползание мира к глобальному конфликту.

Сравнение тогдашнего мира с миром нынешним облегчается схожестью двух этапов глобализации: конца XIX – начала XX века и сегодняшнего. В годы, которые предшествовали Первой мировой войне, мир впервые «уменьшился в размерах», а время ускорило благодаря налаживанию паромных, железнодорожных и телеграфных сообщений, увеличению объемов международной торговли, миграционных потоков и т.д. По словам Дж. М. Кейнса, «любой джентльмен до 1914 года мог свободно, дешево и комфортно путешествовать по миру без каких бы то ни было особых формальностей, пользоваться своей валютой в любой стране, независимо от господствующей там религии, языка, культуры и традиций, и что самое важное – считать такое положение вещей стабильным и нормальным, подлежащим изменению только в связи с грядущими улучшениями»¹. Главное отличие, однако, заключалось в другом. Глобализация конца XIX – начала XX в. по сравнению с сегодняшней носила характер *глобализации в себе*, т.е. кроме представителей «клуба великих», никто другой не мог пользоваться ее благами. В условиях господства *моноцивилизационного «миропорядка»* все «не-джентльмены» предварительно «отфильтровывались» и *заранее исключались* из процессов принятия решений. Это и сказалось на последующих судьбах мира.

Смертельный удар по «системе Бисмарка» был нанесен не обострением борьбы за дележ колоний, как это было

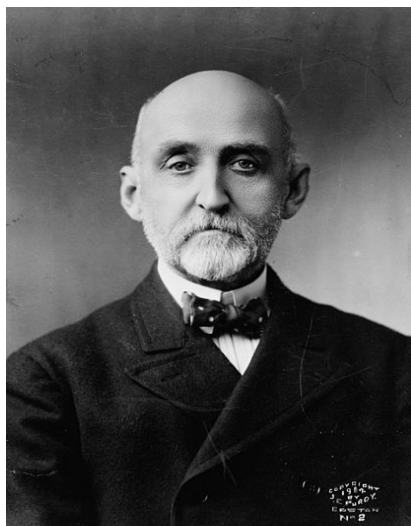
¹ Приводится по: Kennedy P. The Parliament of Man. The United Nations and the Quest for World Government. London, 2006. P. 5.

принято считать раньше («великие державы» прекрасно научились договариваться о разделе сфер влияния и преодолевать колониальные кризисы) и, уж, конечно же, не убийством австрийского эрцгерцога в июле 1914 года. Цивилизационно-культурная общность «великих держав» помогла им не только успешно разрешать трения между собой в плане дележки «ничейных» пространств (два Марроканских кризиса – 1905, 1911 гг., инцидент в Фашода – 1898 г. и пр.) и «благородно» не пользоваться «затруднениями», возникавшими друг у друга (нейтральная позиция России во время восстания в Британской Индии (1857), России и Германии во время англо-бурской войны (1888-1889) и т.д.). В ряде случаев члены «западного клуба» действовали в унисон, проводя совместные карательные операции против *иноцивилизационных* «варваров» и «дикарей» (подавление «Боксерского восстания» в Китае – 1900 г., англо-итало-германская интервенция против Венесуэлы – 1902 г.)^{*}.

Многое, если не все, было запрограммировано появлением в США на заре XX в. теории «морской мощи» адмирала А. Мэхэна, который связал понятие «величия» государства с размерами его флота и глобальной проекцией его военно-морских сил.

Теория Мэхэна, поддержанная британским военно-морским теоретиком Ф. Коломбом, сразу же впиталась в плоть и кровь западных политических и бизнес-элит. Она стала обоснованием захвата Соединенными Штатами у Панамы Зоны Панамского канала (1904 г.) и разработки в Ве-

^{*} Интересно, что в грабительской карательной акции против Китая, в результате которой были убиты тысячи людей и разрушены ценнейшие памятники истории и культуры, к старым колониальным державам Европы впервые с 2,5-тысячным контингентом присоединились и «свободолюбивые» США. Здесь они впервые после победы в испано-американской войне 1888-1889 гг. подтвердили свое право на участие в «глобальном концерте великих».

Адмирал А.Т. Мэхэн (1840-1914)

«дредноута», в три раза превосходящего по огневой мощи прежние броненосцы, что положило начало «дредноутной гонке» в Европе, США и Японии*. Борьба «великих» переместилась теперь из колониальной периферии в центр мирового развития – Европу. Отныне она велась уже не за далекие рынки, а за количество и качество вооружений, когда «на кон» были поставлены не соображения прибыли и «престижа», а интересы выживания европейских наций.

Нечто принципиально иное происходило в ту пору в Южной Америке. В то время как Европа и США лихорадочно готовились к войне, южноамериканские страны создали первый в истории XX в. прецедент сокращения вооружений. В 1902 г. между Чили и Аргентиной, находившимися на грани войны из-за нерешенной территориальной

* О роли «Дредноута» в развязывании Первой мировой войны см. Massie R. Dreadnought. London, 1991.

проблемы, были заключены «Майские пакты» («Соглашения Рока-Эррасурис»), в результате которых каждая из них отказывалась от построенных для нее на верфях, соответственно, Великобритании и Италии, боевых кораблей. Если учесть, что аналогичное соглашение между «великими державами» было заключено только *после Первой мировой войны* (Вашингтонская конференция, 1921 г.), то придется признать, что страны Южной Америки опередили «развитые» державы аж на целых 20 лет! Но дело на этом не закончилось. В 1911 г. аналогичное соглашение было оформлено между Аргентиной и Бразилией (*Соглашения Каркано-Рио-Бранко*), когда они добровольно отказались от дальнейшего приобретения «дредноутов» для своих ВМФ.

На южноамериканском субконтиненте, точно так же как и в Европе, к началу XX в. оформились два противостоящих друг другу геополитических военных союза: Бразилия - Чили – Боливия *vs* Аргентина – Перу – Парагвай. Как и в Европе, правда, с некоторым опозданием, там стала популярной геополитика и появились первые геополитические труды*. Однако, в отличие от Европы, всеохватывающей гонки вооружений, которая привела бы затем к вооруженному конфликту, там удалось избежать. Это не может не привести нас к довольно парадоксальной для привычного европейски-ориентированного менталитета идее о том, что *международно-правовая культура и культура межгосударственного общения государств «периферийного» латиноамериканского региона в начале XX в. оказались выше, чем у*

* Первым исследованием такого рода была книга бразильца С.-А. Дювала «Реорганизация армии» (1901 г.), ответом на которое стало произведение аргентинца П. Сторни «Морские интересы Аргентины» (1916 г.). Среди заметных южноамериканских геополитиков XX в. можно упомянуть М. Травассоса и Г. ду Коуту-э-Силва (Бразилия), Х. Гульямели и О. Вильегаса (Аргентина), Э. Меркадо Харина (Перу) и А. Пиночета (Чили).

стран, которые считали себя представителями наиболее «продвинутой» части человечества.

Упоение силой принесло народам Европы такие колоссальные людские и материальные потери, к которым они изначально не были готовы. После «Великой войны» (само возникновение которой ранее многим казалось невероятным!) были основания полагать, что культ насилия уступит, наконец, место культу права, а формула Бисмарка будет переиначена на: «право – оружие умных». Победители, лишь немногим отличавшиеся от побежденных, вынуждены были вернуться к не востребовавшему ранее правовому регулятору, для чего и учредили Лигу Наций. Но если война в чем-то и «помогла» прогрессу человечества, то лишь предельно напитав его *страхом*. Упование на Лигу как чуть ли не на «универсальный» инструмент предотвращения войн при сохранении стереотипов все той же политической культуры, которая ранее привела к войне, не оправдало и *не могло себя оправдать*. Символичным в этом плане стал выход из Лиги Бразилии (1926 г.), а за ней – и большинства других латиноамериканских государств. Закрепление под давлением США в Статуте Лиги статьи XXI о том, что «Доктрина Монро» «не является несовместимой» с участием в этой организации, против чего активно выступали ведущие государства латиноамериканского региона, заранее вычеркивало их из списка активных участников мировой политики. Чего уж было говорить о Китае, Албании, Либерии, Эфиопии и прочих «лишенцах»!

Ситуация в мире осталась однополярной: а) с точки зрения сохранения господства в мире *практически все того же* конгломерата «великих держав» с *одним и тем же* воинственным менталитетом и соответствующим ему *правосознанием*; и, б) с точки зрения дальнейшей *релятивизации* международного права (МП) и эрозии его основополагающих принципов в угоду политическим интересам.

Версальский договор, который стал питательной почвой для зарождения нацизма, можно было бы считать своеобразной реакцией Запада на появление на востоке Европы потенциально враждебного для него государства большевиков. Во всяком случае, вновь надеяться на безоговорочную поддержку с Востока для отражения эвентуальной германской агрессии Запад, очевидно, уже не мог. *Страх* заставил Англию и Францию загнать Германию «в угол», задав ей предельно-опасный уровень внутривнутриполитического метаболизма, а затем – заняться «канализацией» гитлеровских амбиций на Восток. И в этом смысле вряд ли может вызвать удивление факт многократного усиления *военно-силовой* составляющей на фоне запредельного *цинизма*, обозначившегося в поведении не только тоталитарных государств, но и западных демократий*.

Но мы все же воздержимся определять межвоенную ситуацию как «биполярную» или, тем более, «многополярную». Воплощая по максимуму преклонение перед философией силы, напитанная «под завязку» вероломством, цинизмом и страхом, она, на наш взгляд, представляла собой *саморазрушающуюся однополярность*, ибо в перспективе полагала неизбежный *предел господства цивилизации «коллективного Запада», основанной на последовательном воспроизведении и усилении антропогенного воздействия на общественно-политическую и природную среду. С этой точки зрения эта цивилизация обозначила в себе элементы неизбежного системного кризиса.* И первым

* Здесь можно отметить «нейтральную» позицию демократических правительств Запада, занятую в отношении японской агрессии в Китае и итальянской – в Абиссинии, Мюнхенский сговор, политику «умиротворения» и пр., а в годы войны – бомбардировку англо-американской авиацией в феврале 1945 г. Дрездена (см. Taylor F. Dresden. London, 2004). Не стоит забывать и атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, которая не нуждается в особых комментариях.

его признаком стало сужение сферы ее глобального влияния, с постепенной автономизацией и началом восстановления былого значения древних – китайской, индийской и исламской цивилизаций, и формированием новых – латиноамериканской и африканской.

В первом десятилетии XXI в. в мире можно было констатировать вспышку ностальгии по эпохе биполярности, получившей с «легкой руки» американского историка Дж. Л. Гэддиса наименование «длинный мир» (*The Long Peace*). Многим вспомнилась «предсказуемость» мировой политики в эпоху холодной войны, когда наряду с соперничеством сверхдержав присутствовали и элементы сотрудничества, не позволившие миру скатиться к Третьей мировой. Стали востребованы произведения тех авторов, которые в разгар эйфории «конца Истории» предупреждали о тяжелых последствиях разрушения биполярного миропорядка. «В один прекрасный день мы станем сожалеть об утрате порядка, который благодаря холодной войне пришел на смену хаосу в международных отношениях», – заявлял Дж. Миршеймер¹. «Биполярная система, – подчеркивал он, – имеет более мирный характер, т.к. в состоянии соперничества находятся только две крупные державы. При этой системе великие державы требуют лояльности от малых стран, что с высокой долей вероятности приводит к образованию жестких союзнических структур. Малые государства, таким образом, защищены не только от нападений противостоящей державы, но и друг от друга. Следовательно, биполярная система имеет только одну диаду (пару), в которой может разразиться война. Многополярная система обладает большей подвижностью и содержит множество диад. Поэтому, при равенстве других факторов, вероятность войны выше при

¹ Миршеймер Дж. «Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне» // Россия в глобальной политике, 2008. №6. С.9.

многополярной модели, чем при биполярной. Принято считать, что в многополярном мире вооруженные конфликты, в которых участвуют только малые страны или только одно крупное государство, не столь разрушительны, сколь столкновение между двумя крупными державами. Но малые войны всегда могут перерасти в крупные»¹.

Конкретика биполярного противостояния 1945-1991 гг. была гораздо богаче той жесткой схемы, в которой ее пытался обрисовать Дж. Миршеймер. Нельзя, было, например, не видеть, что ближе к концу холодной войны мир стал практически трехполюсным, учитывая возросшую роль Китая, сложное взаимодействие в треугольнике СССР - США - КНР и реальную угрозу возникновения полномасштабной войны между Советским Союзом и Китаем. «Внутрисистемные» конфликты и войны (китайско-вьетнамская, сомалийско-эфиопская, англо-аргентинская) при этом не исключались. «Лояльность малых стран» была весьма относительной, учитывая, что поведение ГДР, Кубы и Вьетнама в отношении СССР, а Франции и Израиля в отношении США в ряде случаев можно было бы назвать «квазилояльностью». Подчеркивая «заслуги» биполярности, Дж. Л. Гэддис, кстати, признавал, что во многом этот мир был результатом *случайного стечения обстоятельств*. «Холодная война, – написал он в своем обобщающем труде по ее итогам, – могла быть хуже, гораздо хуже. Все могло произойти с точностью до наоборот». «Сегодняшний мир, – заключал он, – стал лучше, потому что эта война была выиграна *правильной* (курсив мой – Б.М.) стороной»².

Но, оставим пока в стороне вопрос о «правильности» победы США в холодной войне. Сейчас важно отметить, что и «классическая биполярность» не смогла стать гаран-

¹ Там же. С. 12.

² Gaddis J.L. The Cold War. London, 2007. P.IX, 266.

тией всеобщего мира, хотя бы потому, что в годы холодной войны в региональных конфликтах погибло свыше 20 млн человек, а новой всеобщей, и теперь, скорее всего, уже окончательной катастрофе человечества помешали лишь фактор *страха (атомная бомба)* и (конечно же!) – *Его Величество Случай*.

Что касается так и не состоявшегося однополярного миропорядка в исполнении США, то фантом «правильной» победы в холодной войне сыграл с этой страной, а заодно и с остальным миром, довольно злую шутку. Практические результаты «благожелательного гегемонизма» оказались плачевны настолько, что даже Р. Кейган, один из признанных конструкторов неоконсервативного дискурса, вынужден был признать: «Сегодняшний мир больше напоминает XIX столетие, нежели конец XX века. Те, кто считает это хорошей новостью, должны вспомнить, что XIX столетие не окончилось так благополучно, как эпоха холодной войны»¹.

Пафос произошедшего заключался в том, что, претендуя на роль глобального лидера, США оказались *физически и морально неспособны нести бремя такого лидерства*. «Мир испытывает дефицит авторитета в условиях падения морально-политического и даже военного влияния мировой сверхдержавы, ослабления международных организаций и умаления суверенитета государства как такового», – вынужден был отметить в 2007 г. журнал «Экономист»². Добавившийся вскоре к этому *структурный кризис* в центрах глобального экономического роста продемонстрировал наступление предела возможностей моноцивилизационной модели с точки зрения проблем глобального регулирования. Дело не только в том, что *существование эксклюзивного*

¹ Кейган Р. Парадигма 12 сентября // Россия в глобальной политике, 2008. № 6. С. 120.

² The World in 2007 // The Economist. London. P. 14-15.

*центра системы исключает необходимость установления равновесных правовых отношений между ее участниками и автоматически сводит все к знаменателю силы. Восприятие такой специфической отрасли права, как международное, представителями цивилизации Запада, прежде всего – ее англосаксонской ветви (о чем речь пойдет ниже) и, соответственно, основанные на нем правовые практики, не могут создать надежных гарантий для формирования основанного на нем мирового порядка. Возьмемся утверждать, что **подлинного мирового порядка – как основанной на юридически-обязывающих договорных нормах глобальной системы отношений, которая могла бы с высокой долей вероятности исключить войны и конфликты из практики межгосударственного общения, в истории человечества до сих пор пока не существовало.***

2. Право и культура

Основное преимущество системы многополюсного устройства перед однополярной и биполярной состоит в том, что для своего функционирования она должна основываться на *праве*. *Сила не нуждается в праве*. Это наблюдение как нельзя более очевидно на примере однополюсного мира, существующего «по понятиям» главного игрока системы. Но применимо оно и к биполярности, где каждый из двух «равноответственных» акторов стремился к обеспечению свободы рук в своей зоне влияния, невзирая ни на какое право. Последнее, разумеется, ими использовалось, но, как правило, не по прямому назначению, а для дискредитации соперника в глобальной игре с нулевой суммой. Но для взаимодействия нескольких крупных игроков, обладающих примерно сопоставимой мощностью и влиянием, право необхо-

димо *per se* хотя бы для того, чтобы обеспечивать разумный *modus operandi*.

В реальности, конечно же, дела обстоят сложнее. Во-первых, само право может быть так переиначено под чьи-то интересы, что на практике исчезнет всякая разница между законом и беззаконием. То есть, при определенных условиях (например, договоренности двух крупных игроков против третьего), оно может стать фиговым листком для прикрытия произвола. Наконец, *культурно и цивилизационно обусловленное расхождение между правовой нормой и господствующим в обществе правосознанием и, соответственно, – правоприменительной практикой, само по себе может существенно изменять правовую норму или даже лишать ее регулятивной функции*. То есть, проще говоря, эффективность правоприменения зависит от того, насколько и каким образом сами люди готовы исполнять правовую норму (уровень правовой культуры – правосознание), и, одновременно, – насколько сама эта норма отвечает их материальным и духовным запросам (уровень общей культуры и ее национальная специфика).

Главная регулирующая функция в системе многополярного мира отводится *международному праву* (МП). Трудность состоит в том, что МП, в отличие от внутреннего права, не знает единого законодателя, не обладает собственным, помимо воли суверенных государств, механизмом правоприменения и основывается, в основном, на *добровольных началах*. «Международное право, – отмечал Ю.М. Колосов, – имеет сугубо согласительную природу. Соглашаться могут только равные. Отказ от постулата *par inter parem non habet imperium* («равный над равным не имеет власти») чреват повторением истории Содома и Гоморры. При отсутствии фактического равенства (а это – объективная реальность!) юридическое равенство – единственная альтернатива». «Именно юридическое равенство, – утвер-

ждал советский юрист, – позволяет выявить и согласовать действительно общие интересы, к которым и может быть применен принцип примата международного права»¹.

Отсюда очевидна и та поистине решающая роль, которая принадлежит *уважению* к МП, в основу которого закладываются важнейшие компоненты *цивилизационного развития: религия, культура и основанное на них национальное правосознание*. К сожалению, ни вчера, ни сегодня не было, и нет никаких оснований считать, что «правосознание государств и народов» воспринимает нормы МП «как высшую ценность, безоговорочному действию и нормативной силе которых не может воспрепятствовать противоречащая им практика, сколь бы широкое распространение она не получила»². Истина в другом: *все существующие в мире правовые системы (и соответствующее им правосознание) глубоко укоренены в национальной почве и, следовательно, по-разному приспособлены к реагированию на существующую реальность. От того насколько в том или ином социуме исторически и цивилизационно распространено уважение к МП, очевидно, и будет зависеть и готовность данного социума считать МП демиургом глобального развития*.

Сегодня согласие сторон по констатирующей части какой-либо общей для всех глобальной проблемы (например: «терроризм – это зло», «с пиратством нужно бороться» и т.д.), как правило, еще не гарантирует согласия в выборе средств и методов противодействия ей. В то время как одни готовы заниматься разработкой нормы, способной дать долгосрочное юридическое решение проблемы, другие пытаются рассматривать ее сквозь призму своих насущных политических, экономических и др. интересов, подверстывая под них правовую норму. Согласие с тем, что с расползани-

¹ Международное право в современном мире. М., 1991. С. 7.

² Там же. С.123.

ем ядерного оружия необходимо бороться отнюдь не гарантирует, что одни будут делать это «невзирая на лица», а другие – в значительной мере *условно*, в зависимости от текущих предпочтений. Отсюда вытекает ***важность нахождения первоочередного взаимодействия между теми глобальными игроками, отношение которых к МП можно квалифицировать, по крайней мере, как уважительное.***

Наблюдающиеся различия в отношении к МП и к практике его применения со стороны основных цивилизаций основываются, в первую очередь, на существующих различиях между двумя основными правовыми системами: *континентальной (романо-германской) и прецедентной англосаксонской (иначе – “Common Law”)*. Согласно мнению Рене Давида – одного из крупнейших специалистов в сфере правовой компаративистики, английское «общее право», основанное на судебном решении (*прецеденте*), которое распространилось затем на США и англоговорящий мир вообще, – «это не право принципов, это право процессуалистов и практиков». Для них восприятие правовой доктрины, – скорее, вопрос «юридической психологии», чем вопрос собственно права¹. Философия прагматизма, заложенная в основу *Common Law*, придает ему дополнительные динамизм и лучшую адаптированность к реальности, что позитивно сказывается на логике хозяйственной жизни и поддержании внутривнутриполитических балансов сил. Сильная же сторона романо-германской системы, воплощенной в писаной норме и жестких кодексах, состоит в том, что *закон нельзя отменить в одночасье, «оперативно» создав на его месте отвечающий «злобе дня» прецедент*. В первую очередь это относится, опять-таки, к МП.

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 263, 332.

Даже все внутренние различия, естественно присущие континентальной системе, которая объединяет протестантские, католические и православные государства Западной и Восточной Европы, страны Латинской Америки, светские режимы арабского Востока, большую часть Африки и Китая, «меркнут» на фоне отношения к МП англо-американских юристов. Для последних нормы этого права «кажутся часто просто общими принципами, выражающими какие-то пожелания морального порядка или устанавливающими скорее политическую программу»¹.

Если рассуждать «по большому счету», то «в основе различий двух крупнейших мировых систем права лежит разный акцент на «веберовской рациональности», как на способе достижения справедливости, понимаемой как равенство, и на прогрессе, определяемом как накопление материальных ценностей»². Однако корни *истинно европейского* правосознания, в отличие от англосаксонского, залегают гораздо *глубже*. Наверное, можно согласиться с Мартой Финнемор и другими авторами, которые полагают, что «протестантизм стал господствовать в Европе не только через познание и убеждение, как показали века религиозных войн». «Западная культура, возможно, выглядит так в результате трех веков англо-американского господства и власти над Западом; господства, которое закреплялось через повторяющиеся военные победы над Францией»³, и, добавим от себя, – над Испанией в XVI-м и Германией – в веке XX.

В основе МП, как известно, лежит принцип *государственного суверенитета*. Но отношение к этому принципу в США глубоко символично. Они, как известно, весьма рев-

¹ Международное право в современном мире, с. 297.

² Международные отношения: социологические подходы, с. 91.

³ Там же. С. 113.

ностно блюдут свой собственный суверенитет, уважительно относясь к суверенитету других только тогда, когда это отвечает их *государственным интересам*.

«Современное употребление этого термина продолжает неудачное стремление относиться к государствам как к неким самостоятельным одушевленным образованиям, способным чувствовать, мыслить и действовать, независимо от участия или вмешательства человека», – укорял своих оппонентов американский юрист-международник Г. Майэр. «Суверенитет – это не больше чем «метафора, обозначающая канал для коммуникации»¹.

Государство – это, разумеется, не живой организм и, тем более, не Левиафан, требующий принесения ему ежедневной дани в виде жизней, прав и свобод отдельных граждан. Но это и не пустая формальность, «метафора», «канал для коммуникации», который, при желании можно переиначить на свой лад, наконец, попросту отменить, в конечном итоге опять-таки принося в жертву чьи-то интересы. Проблема нахождения разумного компромисса между двумя полярными точками зрения затрудняется цивилизационным восприятием парадигмы суверенитета. Когда в 2003 г. представитель Мексики в Совете Безопасности ООН в ответ на «продавливание» Вашингтоном резолюции, разрешающей применение силы против Ирака, заявил, что это «не найдет поддержки у большинства мексиканцев», его заявление было расценено американским делегатом, как «смехотворное».

Заслугой С. Хантингтона стало то, что он впервые выделил *латиноамериканскую цивилизацию* из состава западной, приравняв ее, по сути дела, к таким явно «не-западным», как, например, православная, исламская или конфуцианская. И это несмотря на то, что языковые, религиозно-

¹ Международное право и международная безопасность. Диалог советских и американских экспертов. М., 1991. С. 268.

культурные (католицизм) и институциональные основы латиноамериканской цивилизации имеют отчетливое западное происхождение.

Однако Хантингтон мог бы пойти дальше, обозначив внутри западной цивилизации наличие, как минимум, *двух самостоятельных ветвей*: англосаксонской, протестантской, и иберо-католической, латинской, в составе католических государств «старой» Европы: Испании, Италии, Франции и Португалии. Это не просто соответствовало бы отчетливым экономическим, культурным и пр. различиям внутри Евросоюза, которые так и не может преодолеть никакая «европейская идентичность». Оно отражало бы очевидные различия, наличествующие в правосознании и в правоприменительной практике европейцев.

В годы кризиса, резче обозначившего водораздел между католическим и протестантским Западом, появились исследования, в которых континентальная Европа рассматривается как некая стоящая «особняком» часть Запада, не «сливающаяся» с Великобританией и США. С этой точки зрения, выведение авторами вышедшего в 2010 г. комплексного труда под редакцией П. Каценштайна¹, англоамериканского мира за рамки «единого Запада», когда США рассматриваются *отдельно от Европы* (чего нет у С. Хантингтона), может считаться данью некой новой реальности. По словам Дж. Курта, в Соединенных Штатах «сегодня не осталось почти никого» (в том числе и в академическом мире), кто защищал бы, выражаясь его словами, «идеологический конструкт» – единую цивилизацию Запада¹.

¹ *Civilizations in World Politics. Plural and Pluralist Perspectives*, Routledge, 2010; *Anglo-America and its Discontents. Civilizational Identities Beyond East and West*, Routledge, 2012; *Sinicisation and the Rise of China. Civilizational Processes Between East and West*. Ed. by P. Katzenstein. Routledge, 2012.

¹ *Civilizations in World Politics*, p. 62.

В статье «Изобретение свободы», опубликованной в газете «Уолл Стрит Джорнэл» в ноябре 2013 г., английский автор Д. Хэннан зашел уже настолько далеко, что провозгласил автором концепта «универсальной свободы» единственно и исключительно англосаксонский мир («англосфера»), вынеся «за скобки» все остальные страны и, прежде всего, те, которые «не имеют чести» принадлежать к системе *Common law*. «Чудесное свойство» этой системы, по мнению Д. Хэннана, в том, что она не «абстрактно» (sic!), а «вырастает сама по себе, как коралловый риф, выстраиваясь в стройную систему прецедентов»¹. В этом плане призыв автора к Индии (и, очевидно, далее – к ЮАР) «теснее примкнуть к англосфере», дабы усилить ее наступательный потенциал, явно направлен против их партнеров по БРИКС. Но Д. Хэннон не останавливается и на этом. «Венцом» его труда, явно навеянного идеей об «исключительности» англосаксов и всех тех, кто примыкает к их системе права (просматривается явная параллель со словами Б. Обамы об «исключительности» США) стал вывод о целесообразности выхода Великобритании и Ирландии из ЕС. Если в этом случае еще можно говорить о каком-то «единстве» Запада, то, наверное, уже с определенными оговорками.

С точки зрения проблематики миропорядка акцент на различиях в правосознании, разумеется, важен. Отмечая процесс обособления англосаксонского правосознания от континентального, и *vice versa* (включая и такие страны общего права, как Индия и ЮАР, которые видят в этой системе наследие колониализма и поэтому, несмотря на призывы Д. Хэннона, все же тяготеют к континентальной), мы не можем не затрагивать сферу МП*. Отмечая все достоинства

¹ The Wall Street Journal. 2003. Nov. 22-24.

* О. Карпович в статье «Современные подходы США и Европейского Союза к управлению международными конфликтами» выделяет, как

англосаксонской правовой системы, правосознания и правоприменительной практики, мы обязаны оговорить особо, что сегодня в условиях роста непредсказуемости в мировой политике остро встает вопрос о *выживании международного права именно как «права», а не как инструмента по обслуживанию конъюнктурных интересов.*

В отличие от римской эпохи, когда во всей империи действовало эксклюзивное право Рима и принцип *quod licet Jovi, non licet bovi* («что позволено Юпитеру, не позволено быку»), попытки перевода МП на прецедентную основу в наши дни грозят либо превращением его в «право сильного», либо «войной всех против всех». Разумеется, прецеденту есть место в МП. «Под прецедентом в международном праве мы понимаем решение того или иного конкретного вопроса международных отношений *в рамках международного права* (курсив мой – Б.М.)», – отмечал известный советский юрист-международник И.П. Блищенко. «Вопрос может быть решен международным или национальным судом, с помощью переговоров или путем заключения договора. Таким образом, прецедент в международном праве – это не только судебное решение, как принято считать во внутрисударственной правовой доктрине (США – Прим. авт.), а значительно более широкое понятие». При этом, отмечал автор, «в доктрине права существует точка зрения, что судебные решения следует рассматривать как косвенные источники международного права. Общепризнано, однако, что сами по себе судебные решения не создают пре-

минимум, четыре различные культурно-цивилизационные формы психологического разрешения конфликтов: «англо-саксонскую, восточно-азиатскую, западно-европейскую и ближневосточную» («Право и безопасность», №3-4, декабрь 2011). К сожалению, за рамками его анализа осталась латиноамериканская, доказавшая свою действенность в XIX–XX веках.

цедента»¹. Таким образом, судебное решение, чтобы стать источником (прямым, либо косвенным) МП, должно, во всяком случае, опираться на *весь корпус существующих норм международного права (jus cogens), международный обычай или конкретный международный договор*, в связи с чем сохраняется обязательность принципа «договоры должны соблюдаться».

В 1999 г. бомбардировки Югославии стали рассматриваться некоторыми англо-американскими юристами в качестве «прецедента», который оправдывал бы возможность применения силы «в особых случаях» в обход Устава ООН. *Подход к МП на прецедентной основе с философией «нужного» результата, приводит к искушению создания виртуального «судьи» в лице одного могущественного государства и, таким образом, – к подмене МП внутренним правом и конструированию однополярного мира.*

Примеры этого мы уже не раз наблюдали на практике. Достаточно вспомнить агрессию США против Гренады в 1983 г., минирование Вашингтоном портов Никарагуа в 1986-м, поимку панамского диктатора Норьеги на основе решения *американского судьи* в 1989, принятие в США *внутреннего* закона Хелмса-Бартона, запрещающего третьим странам торговлю с Кубой, создание «прецедентов», дающих «право» на бомбардировки Югославии, вторжение в Ирак и пр. без санкции ООН, произвольные трактовки резолюции Совбеза ООН, «Закон Магницкого» и т.д. Проявлениями *международно-правового нигилизма* стали похищения агентами ЦРУ лиц, подозреваемых в терроризме на территории ряда европейских стран, создание незаконных тюрем на территориях других государств, пытки и издевательства в иракской тюрьме Абу-Грейб, незаконное содержание заключенных на базе в Гуантанамо, отказ от разра-

¹ Блищенко И.П. Прецеденты в международном праве. М., 1977. с. 6, 11.

ботки и принятия международно-признанного определения терроризма и конвенции, регламентирующей использование беспилотников, многократные нарушения Венской конвенции о дипломатических сношениях и т.д. Но это не удивительно, если учесть, что в США международное право *не только не обладает приоритетом над внутренним* (в отличие, например, от Российской Конституции 1993 г., которая закрепила такой приоритет)*. Оно не является и источником права, т.е., создавая прецедент или принимая закон, американский судья или законодатель попросту *не обязаны* учитывать международно-правовую норму. Из этого вытекает, что устойчиво-пренебрежительное отношение Вашингтона и его коллег по «англосфере» к МП – отнюдь не временное явление, продукт чьей-то «злой воли», «не до конца изжитое наследие холодной войны и пр., а эндемичный феномен, основанный на культурно-исторических, цивилизационных реалиях.

С этой точки зрения и доктрину «превентивного удара» (*preemptive action*), и практику «гуманитарных интервенций» с несанкционированным вмешательством во внутренние дела, и односторонний пересмотр договорных положений о стратегической стабильности, и произвольное похищение российских граждан органами американской юстиции на территории третьих стран для предания их суду на территории США следовало бы рассматривать не как плод каких-то

* По нашему мнению, это положение Конституции РФ не всегда гарантирует обеспечение реальных интересов России на международной арене (например, в области морского права). Оно было следствием неумеренной эйфории законодателя по поводу скорого наступления «эры мира и прогресса» в международных делах, которая была распространена у нас в начале 1990-х. Было бы более целесообразно, как, например, в конституциях большинства стран Латинской Америки, не провозглашать «верховенство» МП, а закрепить норму, обязывающую *учитывать* его в процессе подготовки и принятия национальных законов.

«исключительных обстоятельств», а как следствие упорных попыток Вашингтона и его ближайших союзников перевести МП на прецедентную основу. Чем это грозит миру?

На этот вопрос попытался ответить С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций»: «В Москве, Рио-де-Жанейро, Бангкоке, Шанхае, Лондоне, Риме, Варшаве, Токио, Йоханнесбурге, Дели, Карачи, Каире, Боготе, Вашингтоне – везде растет преступность, везде отмирают базисные элементы Цивилизации. Люди говорят о всемирном кризисе управляемости. Подъем транснациональных корпораций сопровождается расцветом криминально-мафиозных групп, наркокартелей и террористических банд, свирепо подрывающих основы Цивилизации. Ее главные опоры – закон и порядок, сдают свои позиции на большей части нашей планеты – в Африке, Латинской Америке, на постсоветском пространстве, в странах Южной Азии и на Ближнем Востоке, они подвергаются серьезной атаке в Китае, Японии и на Западе. В масштабе планеты Цивилизация, похоже, «сваливается» в варварство, повсеместно создавая беспрецедентное впечатление какого-то нового опускающегося на человечество мрачного Средневековья»¹. При всей пессимистичности этого прогноза следует признать наличие в нем рационального зерна. Но ведь история человечества до сих пор всегда была, по сути дела, историей войн*, поэтому и никаких особых оснований для радужных прогнозов на будущее, вроде бы, и быть не может. Но есть ли у людей хоть какие-то основания для надежды? Как это ни странно, но, по нашему мнению, они, все же, есть.

¹ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London, 1997. P. 321.

* По подсчетам ученых, за последние пятьдесят шесть веков произошло около 14 500 войн, в которых погибло более 3,5 млрд человек. Периоды мира в совокупности не превышали 200 лет. (<http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VONA.html>).

3. Испытание силой

Если представить себе траекторию глобального восхождения Запада, то нельзя не отметить присутствия у него *особой синергии*, основанной на ценностях, «в разы» превосходивших по своему историческому предназначению ценности, энергетику и *витальность* всех других (тоже когда-то великих!) цивилизаций. Этот синергийный импульс был задан идеей христианского прозелитизма, подкрепленной *количеством и качеством вооружений*.

«Нельзя утверждать, – писал П. Кеннеди в книге «Взлет и падение великих держав», – что Европа (начиная с 1500 г., который берется им в качестве исходного пункта – Авт.) имела какие-то ощутимые преимущества в области культуры, математики, инженерной мысли и кораблестроения по сравнению с великими цивилизациями Азии». Первенства, как выяснилось, не было даже в такой, казалось бы, «исключительной» для Запада области, как печатание бумажных денег!

Задолго до того, как корабли Португалии и Испании вышли на просторы океана, китайские мореплаватели на своих кораблях, которые превосходили по размерам и качеству современные им европейские *карраки* и *наос*, имели от четырех до шести (!) мачт и команды до тысячи человек, достигли берегов Индокитая, Малайи, Индии, Индонезии и даже отдаленного Мадагаскара. Но в отличие от каррак и наос, а позже – *каравелл* и *галеонов*, китайские корабли *не несли вооружений, прибывая к неведомым берегам с познавательными, демонстрационными и торговыми целями*.

Китайская джонка, XIV век

Китайцам европейцы были обязаны появлением бумаги, компаса, пороха, навигационных приборов и водонепроницаемых переборок (в европейском кораблестроении они стали применяться только со второй половины XIX столетия!), арабам – развитием математики, астрономии, архитектуры, философии и медицины. Над секретом «греческого (византийского) огня», схожего по характеристикам с напалмом, современные ученые бьются до сих пор. Выстраивая средневековые европейские столицы, Карл Великий стремился копировать наиболее удачные образцы византийской архитектуры.

Решающего превосходства, как считает П. Кеннеди, европейцам удалось достичь лишь в такой специфической сфере, как *совершенствование военных технологий*. В основе их превосходства лежала *торговля оружием, которая процветала между разобщенными и часто воевавшими между собой феодальными королевствами, герцогствами, княжествами, городами-государствами и пр.*¹ Началом эпохи Великих географических открытий (а с нею – коло-

¹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y, 1988. P. 50.

ниальных захватов и хозяйственного освоения новых земель) и далее – началом промышленной революции П. Кеннеди считал появление в Западной Европе более простых в изготовлении и относительно дешевых артиллерийских орудий, которые можно было легко устанавливать на кораблях.

Аналогичные идеи развивает и британский ученый Ян Моррис. По его мнению, изрезанность берегов Европы способствовала раздробленности ее государств и междоусобным войнам, а выход к Атлантике и к Средиземноморью – развитию торговли и мореплавания. По мнению С. Хантингтона, Запад, «покорил мир не благодаря превосходству идей, ценностей или религии, а благодаря превосходству в применении организованного насилия»².

Никакие эксклюзивные знания и экзотические средства ведения войны не спасли от разрушения великие цивилизации Америки и Востока. Очевидно, дело было не столько в «железе», сколько в том, что его производство в Европе удалось поставить «на поток», дополнив соответствующей силой *амбиций*. Уже на рубеже XIV – XV вв. раннехристианское учение о равенстве, смирении и укрощении плоти было довольно быстро *перенастроено* на обслуживание практических интересов. Это, кстати, отразилось и в западноевропейском искусстве и архитектуре, когда обремененные духовными запросами образы «предвозрождения» быстро и незаметно уступили место пухлым и нагловатым персонажам Возрождения «высокого», приземленные храмы в романском стиле – гордо пронзившим небеса шпилям готических гигантов, а те в свою очередь – строгим математическим пропорциям Ренессанса. Аскеза святых и отшельников сменилась стяжанием денег и славы. Воинствующий прозелитизм погнал «флибустьеров от Христа» за моря и

² Huntington S. The Clash of Civilizations, p. 55.

океаны: творить на Земле воплощение «Града Божия», попутно вкушая от бранных «земных радостей». Томистский позитивизм, примиривший религию и науку, открыл простор для научно-технического прогресса, а протестантская этика доделала начатое, подготовив этическую основу для безграничного и «безгрешного» материального преуспевания.

Что могли противопоставить этому пассионарному вселенскому «драйву» другие? Фатализм Ислама, традиционализм конфуцианства, трансцендентализм индуизма, буддийская этика ненасилия, мифологизм ацтеков и майя не устояли перед бесконечно уверенной в своей правоте и крайне агрессивной цивилизацией Запада. Ее тяжелая поступь в течение пяти с половиной веков будет сминать хрустальные пагоды и рушить величественные пирамиды наивных мечтателей и фантазеров. «Ты и представить себе не можешь красоту тех дворцов, которые мы там сожгли», – увлеченно рассказывал своему другу участник одной из «опиумных войн» британский капитан Чарльз Гордон¹.

Слова доблестного капитана звучат, может быть, цинично, но они «вяжутся» с канонами протестантской этики в ее экстремальном – англосаксонском исполнении, логос которой «не в пренебрежении мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно – в выполнении мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его призванием».

Продолжение этой линии развития до ее логического конца, полагал М. Вебер, приводит к ситуации, когда уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование

¹ Brandon P. The Decline and Fall of the British Empire. London, 2007. P. 656.

человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни.

В.В. Верещагин «Подавление индийского восстания англичанами»

Где же все-таки пролегла *магистральная линия* цивилизационного становления «коллективного Запада», тот самый «мейнстрим», который стал демиургом нашего времени? Эта линия, на наш взгляд, шла напрямик от греко-римской языческой цивилизации в направлении иудейско-христианской, достигнув кульминационного развития в *протестантской англосаксонской*. Это действительно так, если в качестве основного, самоорганизующего фактора развития брать *материальный*. Уже религия Торы и Талмуда (если не обращаться к каким-либо еще более древним корням) проповедовала идеалы торговой свободы и накопления богатств. «Если держишь в руке саженец, и тебе говорят, что пришел Мешиах, то сначала посади саженец, а потом иди, встречай Мешиаха» – свидетельствует Талмуд. Вполне понятный и по-человечески объяснимый порыв еврейского народа обеспечить людям максимально комфорт-

ные условия жизни на земле нашел отражение в упомянутой выше трансформации раннехристианских постулатов. В процессе саморазвития идея материального прогресса окончательно освободилась от остатков «метафизики» путем Реформации. «Скорее всего, можно считать установленным, – констатировал М. Вебер, – что протестанты как в качестве господствующего, так и в качестве подчиненного слоя населения... проявили специфическую склонность к экономической рационализму, которую католики не обнаруживают ни в том, ни в другом положении»¹.

Дискутировать по поводу исторической востребованности именно *такого* варианта развития Истории, наверное, не приходится. Очевидно, что его конкретика находится в компетенции того самого «*стихийно-сознательного начала*», о котором говорилось во Введении. В результате органичного сплава железа и крови, целеустремленности и фанатизма был дан мощный толчок развитию *материального и научно-технического прогресса*, плодами которого мы пользуемся по сей день. Благодаря ему, удалось обеспечить почти универсальное признание прав личности. С другой стороны, согласимся, что бытовые истины типа «за все надо платить», «бесплатный сыр...» и пр. справедливы не только на микро-, но и на *макроуровнях* социальной коммуникации, а зыбкий баланс позитива и негатива в нашей жизни крайне изменчив. Избыток рационалистического прометейизма (Прометей, как известно, искал «счастье» для людей помимо воли богов) находил выход в войнах и революциях. Он же стал причиной того, что «технический прогресс в XX веке породил больше проблем, чем решил старых»¹.

¹ Вебер М. Избранные произведения, М., 1990. С. 65.

¹ Даймонд Дж. Коллапс. Как и почему одни общества приходят к процветанию, а другие – к гибели. М., 2011. С. 701.

Идейное и материальное превосходство «коллективного Запада» позволило в свое время такой скромной даже по европейским параметрам «величине», как Португалия, широко разбросать свои колонии по земному шару. С течением времени одни передовые носители «прогресса», как в калейдоскопе, сменялись другими: иберийские страны – Голландией, Голландия – Англией, та же увидела для себя конкурентов в лице Франции, России и Германии. Наконец, на историческую сцену вышли США, которые, казалось, воплотили в себе все лучшее и «прогрессивное» в этой цивилизации, отбросив все «реакционное» и «упадническое». О нежелании новой республики с позиций исторического превосходства «дружить» с монархической Европой, свидетельствовали «Завещание Джорджа Вашингтона», «Доктрина Монро» и продолжавшаяся десятилетиями политика изоляционизма. Вскоре, однако, Соединенные Штаты не только возьмут на вооружение методы бывших противников, но и многократно, «в разы», усовершенствуют их.

К началу XX в. поклонение *культу силы* в «демократических» Соединенных Штатах было столь же высоко, как и в «реакционной» Европе. Весь XIX век американцы упорно воевали с индейцами. Эти войны (если почти поголовное истребление целых этносов можно назвать «войной»!) были насквозь пронизаны нарушениями лицемерных обещаний, обманом и беспрецедентной жестокостью. А ведь первые международно-правовые договоры Соединенных Штатов – это именно «договоры» с индейцами! В 1846-1848 гг. американцы цинично «обкорнали» Мексику, не постеснявшись отобрать у своей менее расторопной соседки более половины (!) ее территории.

После Гражданской войны между Севером и Югом в США сформировался мощный пласт производителей оружия, который требовал все новых военных заказов. Ответом на их запросы стала испано-американская война (1898-1899

гг.), которая привела «под руку» демократической республики бывшие колонии монархической Испании – Филиппины, Гуам и Пуэрто-Рико. На «освобожденной» им Кубе Вашингтон установил позорный полуколониальный режим, а на Филиппинах американские морпехи тут же организовали такую «зачистку», которая сделала бы «честь» любой классической колониальной империи. Перечислять интервенции США в странах Центральной Америки и Карибского бассейна (политика «Большой дубинки» Т. Рузвельта), которые не приближали, а лишь *отдаляли* перспективу вызревания там «зрелых гражданских обществ» и «стабильных демократий», не имеет смысла: это заняло бы слишком много места. Теория Мэхэна, вызревшая в лоне оружейного лобби, как никакая другая, способствовала скатыванию мира к мировой войне.

Историк Э. Тейлор, писал: «В результате той «Великой войны», (Первой мировой – Б.М.) обрушился не только старый мировой порядок, но и порядок в человеческих социумах и в умах людей. С исчезновением былых символов авторитета и власти на свет народилось поколение политических психопатов, одержимых духом протеста ради протеста, пусть даже против самих законов природы». Констатируя падение стандартов в искусстве, литературе, нравах и даже моде, Э. Тэйлор отмечал, что «связь между техническим прогрессом и улучшением природы человека оказалась подорвана». Приход к власти в Германии нацистов американский ученый считал не «исключением из правил» или «извращением» европейской культуры, но закономерным следствием ее *исторического развития*¹.

Знаменитая «банальность Зла» Х. Арендт – все из того же порочного исторического континуума. Немецкий уче-

¹ Taylor Ed. The Fall of Dynasties. The Collapse of the Old Order. NY, 1963. P. 385.

ный Х. Вельцер на богатом эмпирическом материале доказал закономерность появления нацизма. Производство трупов, поставленное на поток в концлагерях, отнюдь *не было данью каким-то атавистическим комплексам*. Наоборот, «оно стало результатом естественных процессов, протекавших в недрах всех индустриальных обществ». С этой же точки зрения, Хиросима и Нагасаки были, по его мнению, не чем иным, как практическим воплощением фразы *“nothing personal, pal, it’s only business”* («ничего личного, приятель, это всего лишь бизнес»), которая до сих пор столь популярна в Соединенных Штатах. В связи с этим наступивший XXI век вызывает у Х. Вельцера мало радужных надежд, поскольку, согласно все той же неумолимой «логике» бизнеса, мы «все меньше воспринимаем агрессию с морально-психологической точки зрения, и все больше – с точки зрения элементарной технической целесообразности»². «Величайшие жестокости нашего века, – утверждает Э. Хобсбаум, – были безличными, решения о которых принимались на расстоянии, жестокости рутинные и «плановые», особенно циничные, когда имелась возможность оправдать их «объективной необходимостью»¹.

Оборотную сторону «деперсонализации» войн английский историк усмотрел в их «демократизации». В отличие от аристократических «забав» прошлого, современные войны вовлекают в свою орбиту широкие *массы*. «Бизнес-планы» на войну единиц требуют поддержки от миллионов. Дело же теоретиков и практиков от *информационной войны* – политиков и деятелей культуры, членов религиозных и общественных объединений, юристов и экономистов, каратистов и филателистов – представлять позицию своего правительства в нужном свете, вооружать людей готовностью

² Weltzer H. Op. cit. P. 41.

¹ Hobsbawm E. The Age of Extremes. London, 1994. P. 50.

идти на жертвы, убеждать их в превосходстве (классовом, религиозном, национальном, моральном и т.д.) над потенциальным противником, ибо «нет лучшего способа определить групповую идентичность, чем демонизировать тех, кто не вписывается в нее»¹.

Лучше всех эту истину усвоили в США. «Гордость американцев за свою страну, – отмечал Ф. Закариа, – совершенно оправдана. Мы называем ее патриотизмом. Но при этом американцы искренне удивляются, что другие люди гордятся своими собственными странами. Американцы плохо понимают мир за пределами своей страны, почти не знают иностранных языков, почти ничего не знают о зарубежных культурах и по-прежнему даже не думают о том, что эту ситуацию надо исправлять»².

В рамках подобной «доктрины» (окрестим ее условно «*атавистическим монизмом*») не остается места для цивилизационных и культурных различий между народами, и – самое главное! – для надежд на выработку каких-то более или менее устойчивых, основанных на межкультурном взаимодействии подходов к мировой истории, экономике, политике и праву. Что касается истории, то весьма красноречивый пример весьма релятивистского к ней отношения продемонстрировал «патриарх» американской дипломатии Г. Киссинджер. В своем «классическом» труде «Дипломатия» он писал: «Изучение истории – это не поиск инструкций, готовых к автоматическому применению. История учит по аналогии, высвечивая возможные последствия сравнимых между собой ситуаций. Но каждое новое поколение людей должно при этом определять для себя, какие из этих ситуаций могут быть в принципе сравнимы между со-

¹ Ibid. P. 11.

² Закариа Ф. Постамериканский мир будущего. М., 2009. С. 55, 68, 58.

бой»¹. Нам нечего возразить против первой части этого пассажа, но своей заключительной фразой автор явно «превозмошел самого себя». По Киссинджеру выходит, что каждое новое поколение может толковать историю, как ему захочется. Последствия этого на примере попыток Запада «по-новому» взглянуть на историю Второй мировой войны, нам хорошо известны. Но зачем нужна история как инструмент обеспечения конъюнктурных интересов и чем объяснить, что уважаемый автор рискнул в принципе выступить со столь противоречивым заявлением?

Рискнем предположить, что Г. Киссинджер *вообще* не почувствовал противоречия, поскольку его сознание *цивилизационно* ограничено прагматикой момента, которая требует *извлекать пользу* из ситуации, не считаясь с ее «метафизическими» корнями. Так, если для интересов США сегодня *полезнее* трактовать те или иные исторические события в несколько *ином* ключе, чем вчера, то это как бы «не обсуждается».

Уверенность в превосходстве – первая и, возможно, главная черта американского мировидения. Она свойственна богатым и бедным, уроженцам страны и недавним переселенцам, образованным и не очень, либералам, консерваторам и политически безразличным. На идее превосходства высится машина американского патриотизма. При этом «для американца типична незамутненная вера в то, что его представления хороши для всех, поскольку отражают превосходство американского опыта и успех благоденствующего общества США». Комплекс «исторического предназначения» «позволяет формулировать миссию Америки – нести «свет демократии» всему миру. Представление об оправданности американского превосходства дает возможность отбросить сомнения в уместности расширительных толко-

¹ Kissinger H. The Diplomacy. N.Y., 1994. P. 27.

ваний прав и глобальной ответственности США». «Американцам трудно понять, почему другие страны не хотят скопировать практики и институты, доказавшие свое преимущество в США. Стремление «обратить в демократию» против воли обращаемых – болезненная черта американского мировосприятия»¹. Пожалуй, лучшей иллюстрацией их воззрений на весь остальной мир могли бы стать слова бывшего госсекретаря в демократической администрации Б. Клинтона М. Олбрайт, которая обосновывала необходимость обеспечения глобального лидерства США тем, что американцы просто «лучше других» видят суть мировых проблем (“*see further*”)². Вряд ли стоит, поэтому, испытывать удивление по поводу проводимого США внешнеполитического курса или искать в нем какой-то «потаянный смысл», недоступный для понимания простых смертных. «Когда Джордж Буш-старший говорил о «новом мировом порядке», – отмечал Ф. Закариа, – он попросту имел в виду, что прежний западный порядок распространится по всему миру»³.

Таким образом, квинтэссенцией того, что можно было бы назвать *американским мировидением*, является неразрывная связь между «демократическим романтизмом» Америки, с одной стороны, и своеобразным «бизнесвосприятием» действительности – с другой. «Международная жизнь – последнее, что интересует американцев, Обычно они поглощены внутренними делами – социально-бытовыми, преступностью, развлечениями, затем – экономикой, наличием рабочих мест, выборами, политическими интригами и скандалами. Внешнеполитические сюжеты для них второстепенны за исключением ситуаций вроде войны

¹ Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. №6. Ноябрь-декабрь 2004.

² Приводится по: Fucuyama F. After the Neocons. America at the Crossroads. London, 2006. P. 194.

³ Закариа Ф. Указ. соч. С. 55, 68, 58.

в Ираке. Но и такая война – вопрос для американца внутренних. Соль новостей из Ирака – это не страдания иракцев, а влияние войны на жизнь американцев: сколько еще солдат может погибнуть, и вырастут ли цены на бензин?»¹.

Уход СССР с исторической сцены, наверное, мог бы быть сравним (разумеется, со всеми необходимыми купюрами!) с крахом таких колониальных «сверхдержав» как Испания в XIX в. или Великобритания в XX в., причем – в рамках одной и той же цивилизационно-культурной парадигмы*. А если так, то по «большому счету» после 1991 г. ничего неожиданного в мире не произошло: процесс обновления лидеров в рамках господствующей – западноцентричной – парадигмы продолжился, а устранение бесперспективного и затратного ее «ответвления» (коммунистическая модель) и консолидация лидерских позиций в руках «Англо-Америки», казалось, должны были бы гарантировать ее существование на долгие годы вперед. Так или примерно так рассуждали те в США (Зб. Бжезинский, С. Коэн, Р. Краутхаммер и др.), кто в 1989 г. считал, что мир, отныне, подстраивается под Соединенные Штаты. Почему же тогда уже через какие-то 10 лет люди заговорили о кризисе цивилизации Запада?

М.С. Горбачев, шутливо заявляя Дж. Бушу-старшему во время встречи на Мальте в 1989 г. о том, что «мы нанесли вам более серьезный удар, отняв у вас врага», скорее всего,

¹ Богатуров А.Д. Указ. соч.

* Вряд ли стоит выносить так и не реализовавшуюся в истории «советскую цивилизацию» за рамки западной. Потому что, во-первых, марксизм – это закономерный плод развития западного атеистического материализма, во-вторых, методы завоевания и удержания власти большевиками (макиавеллизм) также соответствовали всем историческим и культурным канонам цивилизации Запада. И, наконец, существование СССР и «стран социализма» на протяжении десятилетий помогало Западу в его самоутверждении и поступательном развитии.

не понимал всей исторической емкости этой фразы, а тем более – ее реальных последствий. Ведь с точки зрения предшествующего развития западного цивилизационного архетипа его состояние после 1991 г. можно было бы считать *беспрецедентно благоприятным*. ***Впервые в истории западной цивилизации лидерство сосредоточилось в руках одной страны, избавленной от необходимости отстаивать свои права на него в борьбе с «нисходящим» или «восходящим» внутрисистемным оппонентом.*** Отсюда и эйфория «Конца Истории», и зажигательные инициативы в духе «благожелательной гегемонии», и все головоломные авантюры по ее практическому претворению.

Но триумфанты глобальной империи упустили из вида одно важное обстоятельство. До сих пор глобальная конкуренция и смена лидеров осуществлялась в рамках *одного и того же цивилизационного архетипа* и реализовывалась на *приблизительно равном уровне информационного, культурного и оперативно-тактического общения, когда смысловые коды, планы и практические действия основных действующих лиц были по большей части предсказуемы и понятны*. Теперь ситуация изменилась. Вместо игры на «своем поле» и по понятным правилам лидеру пришлось вступить в другую игру с командой игроков иного уровня, которые предпочитают играть не по принятым кем-то, а по собственным правилам. События 11 сентября 2001 г., при всей их неоднозначности, перекроили привычные представления о конфликтах, поставив в повестку дня проблему *взаимодействия культур и цивилизаций*.

«Среди всех мировых философий неоспоримый приоритет получили те, которые и эпистемиологически, и морально оправдывали онтологию насилия. Они прослеживались от Макиавелли до Гоббса, от французских материалистов до Дарвина, от Ницше до Карла Маркса. Запад посредством конкретных политических практик сумел оживить полити-

ческие метафоры, касающиеся как символических («лидер», «партия», «харизма», «республика», «политика», «бюрократия», «государственный интерес»), так и материальных представлений («рынок», «собственность», «дефицит», «стоимость»). Эти универсализированные метафоры монополизировали восприятие конкретной реальности и помогли установлению соответствующих практик в глобальном контексте. Соответственно, – продолжал свою мысль аргентинский ученый Х. Речче, – единство Истории – от древнего Рима и до эпохи модерна было не чем иным, как плодом фантазии всего лишь одной-единственной цивилизации – западной». Спорить с Х. Речче вряд ли приходится, тем более на фоне признания им того, что существование наряду с «живыми метафорами» Запада таких же «метафор» других цивилизаций было «до последнего времени недоступно» (“*inaccessible*”) для западнцентричного мировосприятия¹.

Конкуренция и борьба за выживание на протяжении целых веков были демиургом развития Запада. *Выжить и победить* – вот лозунг, который сначала толкал к созданию коалиции, противостоявшей Наполеону, а позднее – «Священного Союза». Ему были обязаны своим происхождением «Тройственный союз» и Антанта, вражда между которыми вскоре возобновилось на уровне борьбы антигитлеровской коалиции против стран «оси». Коминтерн и «Антикоминтерновский пакт», НАТО с ЕС и «Варшавский договор» с СЭВом не были исключениями из этого правила. *Все эти союзы и коалиции работали «в связке», «напрягая» и «подпитывая» друг друга своей витальностью.* Неожиданное прекращение глобального противостояния стало основой кризисного развития Запада, чувствовавшего себя в условиях глобальной конфронтации как рыба в воде. Потеряв

¹ Recce J. Poder Plástico. El hombre simbólico-materialista y la política internacional. Buenos Aires, 2010. P. 298.

причину творчески напрягаться, он начал терять *смысл, цели и ориентиры развития*. Можно согласиться с мнением американского обозревателя А. Ливена, который считал холодную войну «схваткой, в которой одна сторона была уничтожена, но другая получила тяжелое ранение, необратимо подорвавшее ее здоровье»¹.

Результатом этого поистине уникального для мировой Истории расклада стало почти полное *отсутствие* сколь бы то ни было определенного мирового порядка после окончания холодной войны. «Вина» за это горбачевского СССР состояла, пожалуй, только в том, что он развалился раньше, чем можно было наметить хотя бы элементарные юридические «скрепы» чего-то нового. Теперь у лидера «коллективного Запада», в отличие от всех прошлых мироустановлений (Вестфальский мир – 1648, Вена – 1815, Версаль – 1918, Ялта-Потсдам – 1945), уже не было привычного «друга-врага» (диффузная «Аль-Кайеда» и *цивилизационно-инаковый* Китай – не в счет!), с кем можно было бы *de jure* или *de facto* оговорить условия послевоенного мира. Вокруг остались одни «свои», а ведь еще С. Хантингтон справедливо отмечал, что «отсутствие внешнего врага пагубно сказывается на единстве (американского – Авт.) общества и ведет к брожению в социуме». При этом, как «стопроцентный янки», он выказал озабоченность судьбами своей страны, полагая, что в таких условиях на одном лишь «политическом контракте» она «долго не продержится». «Америка быстро превратится в слабую конфедерацию с преобладанием разобщенных этнических, культурных и политических групп, у которых общим будет разве что проживание на определенной территории, некогда представлявшей собой территорию Соединенных Штатов». И все потому, что «если внешняя угроза будет незначительной, периодической, не-

¹ Россия в глобальной политике. 2011, №6, с. 154.

определенной, американцы, вполне возможно, так и не найдут в своем обществе согласия относительно роли «американской веры», английского языка и стержневой культуры в формировании национальной идентичности»¹.

Окончание многовековой *внутризападной* «гражданской войны» параллельно ознаменовалось «неожиданным» обнаружением присутствия других цивилизационных полюсов, и, соответственно, – *иных ценностей и подходов* («метафор»). Сама История предопределила кризис Запада, вся парадигма развития которого доселе основывалась на насилии. Новыми действующими лицами Истории стали цивилизации и культуры, доказавшие способность выживать отдельные экономики, страны и общества. «Коллективный Запад» оказался к этому морально не готов. Отсюда и вся его ностальгия по прошлому и даже, подчас, такому, где мир балансировал на грани самоуничтожения. Отсюда и его – во многом интуитивная! – попытка найти нового врага (Иран? Россия? Китай?). Кандидатура исторически стоящей «ближе» к Западу и, к тому же, стремящейся к тесному «партнерству» с ним России, наверное, представлялась более «удобной», потому что она была на порядок более *известной и предсказуемой*, чем, например, Китай. Да и внутренние скрепы российского общества, еще несущего на себе отпечаток исторических драм XX в., оказались куда слабее китайских. К тому же, Россия – это пока единственная в мире страна, которая способна в случае развязывания термоядерной войны нанести непоправимый ущерб Соединенным Штатам, что совершенно естественно поставило перед ними императив скорейшей *нейтрализации (в любой приемлемой, но желательно в наименее затратной для себя форме) ее ракетно-ядерного потенциала*.

¹ Хантингтон С. Кто мы? М., 2004. С. 44, 47, 279.

Голоса, ностальгирующие по *привычному* (системному) врагу в рамках *привычной цивилизационно-культурной схемы*, раздаются сегодня не только в США. Слышатся они и в Европе, которая, казалось, должна была бы радоваться перспективе превращения из заложника «биполярности» в самостоятельного игрока. Однако, как отмечает П. Цыганков, «французские геополитики убеждены, что Европейский Союз может реализовать свою цель – стать глобальным политическим игроком с общей внешней политикой – только при условии достижения военного могущества и обретения внешнего врага». «Необходимо покончить с исключительной опорой на концепцию «мягкой силы». Не потому, что она неэффективна, а потому, что ее недостаточно, – подчеркивает А. Барб. В этом случае, в целях самоконституирования, Евросоюз должен иметь потенциальных врагов, настаивает Жулиани. Подходящим кандидатом на эту роль в числе других стран оказывается, по его мнению, и Россия». Отсюда происходит *«геополитизация и идеологизация не только экономического соперничества, но и экономического сотрудничества»*, причем «Евросоюз вынужден лавировать, а это его раздражает: хочется простых и быстрых решений, которые кажутся более эффективными с точки зрения приближения к цели»¹.

Как бы то ни было, но следует отметить, что в наши дни, пожалуй **впервые с начала XVI в., внутрицивилизационная конкуренция на планете начала сменяться межцивилизационной. Установление монополии на власть одной страны в рамках цивилизационно-культурной парадигмы Запада парадоксальным образом обозначило начала конца многовекового доминирования самой этой парадигмы в глобальном масштабе.**

¹ П. Цыганков. Французская школа геополитики в 2000 годах: отношения ЕС с Россией // Международные процессы, 2011, №2. С. 10-11.

Из складывающейся картины становится более или менее ясно, что в условиях продолжающейся *вынужденной* для России и, к сожалению, ее во многом *объективной* (особо подчеркнем это слово!) конфронтации с англосаксонским Западом, которая принимает, подчас, форму скрытой холодной войны, ей крайне необходимо иметь новых союзников. Подход России к их выбору на международной арене, очевидно, больше не должен основываться на той или иной идеологии (они, по Хантингтону, «имеют свойство выходить из моды») или на силе и принуждении, а на обнаружении и выявлении общих ценностей и долгосрочных интересов. И здесь, в первую очередь, следует отметить перспективу установления более тесных контактов по линии «родственных» цивилизаций, в частности, *между христианской православной (Россия) и христианской католической цивилизациями*. Это наглядно проявилось в своеобразном «открытии» Россией Латинской Америки в 2005-2008 гг., и в меньшей степени – в традиционно более конструктивных отношениях РФ с некоторыми католическими странами так называемой «старой Европы» по сравнению с государствами англосаксонского мира. На цивилизационных основах сближения РФ со странами латиноамериканского региона следует остановиться подробнее.

4. Латинская Америка: «последнее хранилище и депозитарий»

Джордж Ф. Кеннан, посетивший в 1950 г. Латинскую Америку, пришел в ужас от бедности, социального неравенства, засилья бюрократии, коррупции, преступности и других известных социальных болезней стран этого региона. В то же время он писал: «Отмеченные мною трагические элементы латиноамериканской цивилизации вселили в меня

убежденность в лучшем будущем человечества, хотя это и может показаться странным. Я не уверен, что характерные для Латинской Америки спонтанность, несдержанность и горлодерство не проявляются у европейцев и англосаксов, видимо, только в более замаскированном и извращенном виде. В то же время, Латинская Америка – это единственный в мире континент, где человек остался человеческим существом, где нет ядерного оружия и никто не думает о его разработке, где сохранился огромный запас заповедей, познаний и обычаев, выпестованных в христианском мире и направленных на единение человека с Богом и создание цивилизованных условий существования. Этот континент окажется однажды последним хранилищем и депозитарием христианских ценностей, которые на европейской прародине и в Северной Америке в результате пресыщения, заорганизованности и ослепления страхом и амбициями оказались выброшены на свалку»¹.

Слова, сказанные американским дипломатом 64 года назад, актуальны по сей день, поскольку *уважение к международному праву* в странах этого региона всегда было на достаточной высоте. В силу цивилизационно-культурных и исторических причин (о чем будет сказано ниже), оно сохранится и впредь, и это будет отнюдь нелишним для разбалансированного и отягощенного грузом проблем современного мира.

Корни *ибероамериканского правосознания* следует искать в религии и культуре Испании и Португалии. «Юристы-международники склонны особо отмечать силу *религиозной* интерпретации права в современных странах «традиционного распространения католицизма: в Европе – это

¹ Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 381.

Дж. Ф. Кеннан (1904 – 2005).

Италия, Испания и Португалия, в новом свете – страны Латинской Америки»¹. В Латинской Америке католическая религия, культура и основанное на них правосознание сохранились до наших дней в своем наиболее чистом виде. Неудивительно, ведь большую часть своей истории эти страны пребывали на «периферии» мировой географии, истории, экономики и политики, начав активно участвовать в глобальных процессах лишь где-то с 70-х годов прошлого века.

В основе *ибероамериканского правосознания* лежит преломление классического римского права через христианские принципы справедливости, морали и нравственности, которые разрабатывались в доктринах средневековых юристов. Все они, так или иначе, восходили, в конечном счете, к Абсолюту, божественному Откровению и т.д. Судья в этой системе может лишь *толковать* правовую норму, но

¹ Баскин Ю., Фельдман Д. История международного права. М., 1990. С. 169.

не создавать новую, поэтому к ней вполне применимо латинское изречение “*Non exemplis, sed legibus, judicandum est*” («Не конкретные примеры, а законы имеют юридическую силу»). Внести изменения в закон, отменить его или создать новый – процесс трудоемкий и, подчас, затратный. Недостатком является меньшая гибкость правовой нормы и, как следствие – ее меньшая адаптированность к меняющейся среде. Отсюда во многом проистекают и такие явления, как «правовой релятивизм» и даже «правовой нигилизм», свойственные для некоторых относящихся к этой системе стран. Жесткость писаного закона часто подталкивала людей к тому, чтобы обойти его, порой не совсем законным путем. Однако при всех недостатках романо-германской системы вообще и ее ибероамериканского «подвида», в частности, несомненное достоинство этой системы в том, что *норму права нельзя отменить в одночасье, с беспримерной легкостью создав на его месте отвечающий «злобе дня» прецедент*. В первую очередь это относится опять-таки к МП.

Отцом науки о международном праве считают доминиканского монаха, богослова, философа и юриста *Франсиско де Витория*, который впервые ввел в научный оборот понятие “*jus inter gentium*” (международное право). По Ф. де Витория, все государства *равноправны*. Ни император, ни папа поэтому *не являются владыками мира* (тут же «напрашивается» экстраполяция на текущие сюжеты). Индейцев и других «неверных», которые имеют с европейцами *равные права*, по словам испанского юриста (не будем забывать, что это писалось в годы активной колонизации Нового Света!) *нельзя насильственно обращать в христианство* (как замечательно это звучит в эпоху насильственной «демократизации»!) Применение вооруженной силы, согласно Ф. де Витория, может быть допустимо лишь при нарушении *естественных прав*, коими были “*jus commercii*” – право на сво-

бодную торговлю и “*jus communicationis*” – право на свободное мореплавание (чем не зачатки права экономической безопасности?). Продолжателем дела и идей Ф. де Витория был другой испанский богослов и юрист – монах-иезуит Франсиско Суарес (1548 – 1617). «Несомненной их заслугой, была борьба против частных войн, стремление ограничить произвол воюющих и ввести военные действия в юридические рамки»¹.

Многое в писаниях средневековых испанских юристов перекликается с международно-правовой доктриной и практикой латиноамериканских стран, выступающих против такой глобализации, которая «ущемляет суверенитет государства и размывает его национально-культурную идентичность»². Отсюда – традиционная вера латиноамериканцев в силу и возможности *государства* в лице сначала церкви, потом – военных и разного рода «харизматических» лидеров. Отсюда же и не менее традиционная популярность «левых», государственных, по своей сути, идей. На формирование латиноамериканской международно-правовой специфики оказывала воздействие и жестокая повседневная реальность: экономическая отсталость, бедность, социальное неравенство, внутривластная нестабильность, борьба с гегемонией «великих».

Идеи испанских юристов были перенесены за океан усилиями борцов за освобождение Латинской Америки – венесуэльцами Симоном Боливаром и Андресом Бельо. Учитель «Освободителя» – Андрес Бельо (1781-1865) был автором первого в Латинской Америке труда по международному праву («Принципы права народов», Сантьяго де Чили, 1823). Он отвергал позитивистское преклонение перед

¹ Баскин Ю., Фельдман Д. Указ соч. С. 105.

² Marinovic M. El Ról presencial de defense ante los desafios de desarrollo // Seguridad Estratégica Regional. Buenos Aires, 1995. N7. P. 59.

культом силы в науке о МП, предпочитая ему культ *справедливости*. Вмешательство одного государства в дела другого, в том числе и вооруженное, полагал он вслед за Ф. де Витория и Ф. Суаресом, должно быть не правилом, а исключением, оправдываемым лишь «правом на самозащиту», «обстоятельствами исключительного характера» и «явной и неизбежной угрозой его суверенитету»¹. Интересно, что капитальный труд венесуэльского юриста вышел в год одностороннего провозглашения президентом США Дж. Монро своей знаменитой доктрины (1823 г.)

Андрес Бельо

«Генералиссимус Америки» – *Симон Боливар* оказался удивительно актуален для нашего времени не только потому, что он отвергал всякие попытки автоматического переноса в конкретную цивилизационно-культурную среду чуждых культурно- поведенческих стереотипов и тем более –

¹ Bello A. Obras completas. T.X. Caracas, 1951-1962. P. 511.

стремление навязывать их извне. Задолго до Ф. Фукуямы («Сильное государство»), С. Хантингтона и др. он постулировал необходимость *предварительного наличия сильной государственной власти* как гарантии жизнеспособности демократического государственного устройства и независимой внешней политики. При этом «Освободитель» был далек от «юридического романтизма» и не критичного взгляда на природу человека, как бы возвращая тем самым в лоно политико-юридического дискурса понятие «первородного греха», которое было выведено за скобки сторонниками школы «отца» британского позитивизма – И. Бентама. «Несомненно, достойны похвалы люди, все устремления которых направлены к созданию законных институтов и социальному совершенству, но можно ли утверждать, что люди уже достигли вершин мудрости, что они обладают всеми добродетелями, что их жизненной потребностью является слияние власти и правосудия?»¹. На этом основании у

Симон Боливар (1783 – 1830)

¹ Актуальный Боливар. Сборник высказываний о властных структурах. Составитель: д.ю.н., проф. Лазарев М.И. М., 1996. С. 23.

Боливара возникла мысль, достойная стать основой внешнеполитической доктрины любого современного государства: *«наименьшее зло – это наибольшее благо»*.

Ж.-М. да Силва Параньос, барон де Рио-Бранко (1845-1912)

Недостатка в афористических изречениях, характеризующих специфику международно-правового менталитета латиноамериканцев, с тех пор явно не наблюдалось. Можно вспомнить слова как президента Мексики Бенито Хуареса (1806-1872): «Мир – это уважение права другого», так и менее известные, но не менее веские - министра иностранных дел Бразилии барона де Рио-Бранко: «Война – наименее достойный выход из ситуации». Саму историю Латинской Америки, в отличие от других регионов нашей планеты, можно определить как *историю правового разрешения внутрорегиональных споров и противоречий, нахождения правовых барьеров против вмешательства извне и подготовки условий для обеспечения регионального единства*.

Большинство войн, которые велись латиноамериканскими странами между собой в прошлом и позапрошлом веках, при всей их, подчас, жестокости и антигуманности (а бывают ли «гуманные» войны вообще?), не могут идти в сравнение с европейскими. Если вспомнить знаменитую формулу Клаузевица о том, что «война – это продолжение политики иными средствами», то можно утверждать, что между политикой и войной латиноамериканскими странами *традиционно выстраивалось гораздо больше правовых барьеров, чем в Европе*. При этом нельзя не отметить лидерства латиноамериканцев в разработке обширного инструментария средств и методов мирного разрешения международных споров: от переговоров и «добрых услуг» до челночной дипломатии, посредничества и арбитража. Весьма значителен и их вклад в закрепление общих принципов МП: суверенитета, равенства, невмешательства и территориальной целостности. Они *первыми в мире* пошли на реальное сокращение вооружений (1902, 1911), внедрили в международную практику принцип дипломатического убежища, разработали ряд важных новаций в морском праве, стали пионерами создания первой в мире зоны свободной от ядерного оружия («Договор Тлателолко» 1967 г.). Широкую известность получили имена латиноамериканских юристов-международников Л.-М. Драго, Х. Кальво, А. Дестефани и др. Неоспоримы заслуги латиноамериканцев и в сфере международного частного права: стоит вспомнить хотя бы первый в мире кодекс международного частного права – «Кодекс Бустаманте» (1928).

Бразилия – страна гигант (пятое место в мире по территории), граничащая со всеми странами Южной Америки, кроме Чили и Эквадора, в период 1898-1909 гг. *мирным путем* решила все свои территориальные споры, создав уникальный в своем роде прецедент. «Разрешение» территориальных споров между европейскими странами в тот период

шло, как известно, по совершенно другому пути. Право и здравый смысл в начале XX в. позволили латиноамериканцам не довести геополитическое противостояние, основанное на аргентино-бразильско-чилийском соперничестве, до «большой войны» в Южной Америке, в отличие опять-таки от «цивилизованной» Европы. А в самый разгар Второй мировой Бразилия не воспользовалась «историческим шансом» разгромить извечную соперницу – Аргентину, несмотря на недвусмысленное обещание поддержки со стороны авиации и флота США*. Таким образом, мирное – правовое и *добровольное (bona fides – лат.)* разрешение споров и конфликтов в Латинской Америке, в отличие от европейских стран, было скорее правилом, чем исключением.

Конечно, далеко не все в развитии науки о МП и в правоприменительной практике в Латинской Америке было столь благостно-однообразным. Интересы олигархических кланов, а затем и либеральной буржуазии, стремившейся, вопреки завещанию С. Боливара, копировать модель северного соседа, были далеки от идей социальной справедливости и латиноамериканской общности. Культ силы и философия «реальной политики», захватившие умы европейских и североамериканских политических деятелей с середины позапрошлого столетия, не обошли стороной и этот регион. Там также успели пустить корни идеи «жесткой» геополитики, индивидуализма и национализма, получили развитие позитивистские и нормативистские учения, более характерные для англосаксонской правовой тематики. Негативно на развитие внешнеполитических и международно-правовых доктрин латиноамериканских стран, а также на практику

* Этот факт стал достоянием общественности в результате публикации книги бразильского дипломата и разведчика С. Корреа да Коста «Хроника секретной войны» (Sergio Corrêa da Costa. Crônica de uma Guerra secreta. Rio de Janeiro, 2004).

разрешения конфликтов влияли попытки США и Великобритании использовать в своих интересах внутрорегиональные споры и конфликты, взаимное соперничество латиноамериканских стран и их борьбу за субрегиональное лидерство. Самая кровавая в Латинской Америке «Чакская война» (1932-1935) была связана с попытками проникновения американской «Стандард ойл» в спорную между Боливией и Парагваем область Чако. 2-я Тихоокеанская (или «Селитряная», 1879-1884) война между Перу и Боливией, с одной стороны, и Чили – с другой, стала результатом борьбы между компаниями Англии и США за обладание залежами селитры на тихоокеанском побережье Южной Америки.

Все попытки некритичной адаптации американской «модели» в Латинской Америке оканчивалась, как правило, плохо. Доктрина «превентивного удара» (*preemptive action*) была «апробирована» Колумбией в марте 2008 года*. Последовавшие за этим события заставили латиноамериканцев задуматься о том, сохранится ли в XXI веке в их регионе действительность принципа суверенитета, который на протяжении многих десятков лет делал его самым миролюбивым на нашей планете. Перенесенная на *цивилизационно-чуждую политико-правовую почву*, эта доктрина могла открыть «ящик Пандоры», применительно к региону, где сохраняются в «замороженном» состоянии многие территориальные споры, где еще слишком высок уровень внутривнутриполитической нестабильности, преступности и социального неравенства и где в новом столетии может резко обостриться борьба за обладание уникальными природными ресурсами.

* Колумбийская армия в порядке «превентивности» нарушила суверенитет Эквадора, нанеся ракетно-артиллерийский удар по его территории и высадив вооруженный отряд для захвата базировавшихся на ней боевиков ФАРК, что вызвало негативную реакцию других латиноамериканских стран и поставило под угрозу мир в регионе.

Не имея развитых связей за пределами Западного полушария и пребывая в тени «Доктрины Монро», большинство латиноамериканских народов фактически вплоть до начала 70-х годов XX в., *не являлись подлинными субъектами* мировой политики (единственным исключением стало их участие во 2-й Гаагской конференции мира 1907 г.). Соответственно, их региональные усилия по созданию прочной правовой основы МО оказывались *мало востребованы* на мировом уровне. Некоторые из региональных инициатив либо «переиначивались» Соединенными Штатами в своих интересах (например, «Доктрина Драго – Портера», 1907 г.), либо без колебаний выдавались Вашингтоном за свои «собственные». В 1933 г., на VII Панамериканской конференции в Монтевидео, США «рискнули» подтвердить принцип невмешательства, на принятии которого латиноамериканцы настаивали все 20-е годы; в 1961 г. президент Дж. Кеннеди выступил с идеей «Союза ради прогресса», которая в виде программы «Панамериканской операции» была сформулирована президентом Бразилии Ж. Кубичеком еще в 1958 году. И таких примеров можно привести множество. В результате развитие латиноамериканской школы МП носило малозаметный на фоне глобальных изменений характер. Однако его общий «баланс» был *однозначно позитивен*.

Закономерным следствием уважительного отношения к МП стала возможность лучше интерпретировать складывающуюся действительность и правильнее занимать позицию в расчете на перспективу. «В качестве примера оправданного применения силы, – писал известный уругвайский юрист-международник Э. Хименес де Аречага, – чаще всего приводят вмешательство по соображениям гуманитарного характера. По нашему мнению, соображения гуманитарного характера не превращают интервенцию в правомерный

акт»¹. В этих словах дан ответ на одну из наиболее сложных проблем мировой политики и права *за двадцать лет (!)* до того, как она приобрела драматизм, оформившись в доктрину «гуманитарной интервенции».

За *два года* до событий 11 сентября 2001 г. в «Белой Книге по вопросам национальной обороны Чили» говорилось о том, что «бум» исламского фундаментализма может стать результатом попыток насильственного привития традиционным обществам стандартов потребления и культуры одной цивилизации – западной². Необходимость последовательной борьбы с угрозой терроризма продиктовала латиноамериканским странам стремление к выработке и принятию юридически обязывающего определения понятия «терроризм», которое до сих пор отсутствует в мировой практике. К сожалению, эта инициатива до сих пор последовательно саботируется Соединенными Штатами.

Особый интерес представляет вклад в кодификацию и прогрессивное развитие МП крупнейшей страны региона – **Бразилии**. Этот интерес вызван не только тем, что сегодня ее можно считать неформальным центром находящейся в процессе становления латиноамериканской цивилизации многополярного мира.

В XVI – XVIII вв. в условиях борьбы с соседними испанскими колониями за разграничение территорий в Новом Свете португальские колонисты успешно использовали взятый из римского права принцип *uti possidetis* («владейте, чем владеете»), который успешно применяется в международно-правовой практике и поныне. Особняком стоит роль бразильской дипломатии в разработке обширного инструментария средств и методов мирного разрешения споров, в

¹ Хименес де Аречага Э. Современное международное право. М., 1983. С. 183.

² Book of the National Defence of Chile. Santiago de Chile, 1998. P. 67.

деле закрепления в режиме *jus cogens* (императивные нормы права) таких принципов, как равенство, невмешательство, территориальная целостность и самоопределение. Выступая в защиту этих принципов и против нападок представителей «великих держав», делегат Бразилии на 2-й Гаагской конференции мира Р. Барбоза сумел объединить вокруг себя представителей «малых» и «средних» государств, чем, фактически, положил начало тому, что впоследствии будет названо коллективной дипломатией «третьего мира».

В 30-е годы XX в. бразильская дипломатия приложила огромные усилия для мирного урегулирования региональных конфликтов в «Трапедии Летисия» между Перу и Колумбией (1932-1933) и «Чакской войны» между Боливией и Парагваем. Ей принадлежала огромная заслуга в деле разрешения в 1998 г. тянувшегося с 1941 г. территориального спора между Перу и Эквадором. Бразилия – инициатор создания международных *режимов безъядерных зон*. Ее усилия в этой области завершилась формированием первой в мире безъядерной зоны в густонаселенном районе Земли («Договор Тлателолко», 1967). С тех пор режимы безъядерных зон охватили собой большую часть планеты. То же относится и к режиму «зон мира». Первая из них была создана по инициативе Бразилии в Южной Атлантике в 1986 году.

Ведущие бразильские юристы-международники (Ж. де Бритту Мело, В. Маротта, П. Борба Казелла и др.) объясняют значительный вклад Бразилии в развитие МП особой *лузо-бразильской культурой компромисса*, основы которой были заложены еще в писаниях португальского (и бразильского) монаха-иезуита о. Жозе де Аншиета (1534 – 1597). Ж. де Аншиета – «Апостол Бразилии», возведенный в ранг святого Папой Иоанном Павлом II в 1980 г., считается основателем школы гуманитарных наук и автором многих новых идей, в том числе, в области права. «Культура компромисса» позволила Бразилии обеспечить мирное освобожде-

ние от владычества Португалии, отмену рабства и переход от монархии к республике. Она же помогла ей существенно смягчить последствия внутривнутриполитических потрясений в XX веке.

Сердцевиной бразильской доктрины МП можно считать признание невозможности изменить международно-правовую норму в одночасье, на потребу конъюнктурного интереса, либо «оперативно» истолковать ее вопреки изначально закладывавшемуся содержанию. В книге «Американская иллюзия» (1895) бразильский историк и юрист Эдуардо Прадо (1860-1901) провел четкую грань между юриди-

О. Жозе де Аншиета

ческим мышлением бразильца и североамериканца. У первого «оно основывается на уважении к морали и высшим ценностям жизни и свободы, наперекор агрессивности, культу силы и милитаризма», которым «пронизаны правосознание и вытекающая из него правоприменительная прак-

тика второго»¹. Отсюда – неприятие Бразилией бомбардировок США и странами НАТО Югославии в 1999 г., интервенции в Ираке, силовой политики в отношении Ирана и бомбежек Ливии. Бразилия отвергла антикубинский курс США, что не мешало ей, впрочем, критически воспринимать нарушение прав человека на Кубе, и в одностороннем порядке признала Палестинское государство в 2010 году. В условиях, когда международное право дает «сбои» (как, например, в случае с противоречием между принципами самоопределения и территориальной целостности), Бразилия предпочитает руководствоваться принципами справедливости и здравого смысла, всякий раз конкретно оценивая сложившуюся ситуацию*.

Эдуардо Прадо

¹ Prado E. A Ilusão Americana. Paris, 1895. P. 17.

* Бразилия не признает права на самоопределение жителей Мальвинских (Фолклендских) островов (1.800 чел.), считая, что острова должны принадлежать Аргентине, согласно принципам территориальной целостности и деколонизации. Не признала она и «независимость» края Косово, провозглашенную в одностороннем порядке в условиях военной оккупации этой части Сербии войсками НАТО. В то же время, она не осудила референдум в Крыму, где свыше 90% населения (около 2-х млн чел.) недвусмысленно высказались в пользу воссоединения с Россией.

На семинаре по проблемам БРИКС, который проходил осенью 2011 г. в Санкт-Петербурге, известный бразильский юрист-международник П. Борба Казелла с большим уважением отзывался об известном российском правоведе Ф.Ф. Мартенсе (1845 – 1909). По его мнению, Мартенс был «одним из наиболее известных и последовательных интернационалистов, которые выступали против подчинения права диктату силы и соображениям политической целесообразности». Как отметил бразильский юрист, «Поправка Мартенса» о «наименьшем ущербе», внесенная им в 1889 г. («государства обязаны даже в случае вооруженных конфликтов заботиться о безопасности и сохранении жизни гражданского населения, избегать причинения неоправданного вреда и оберегать историческое и культурное наследие народов»), «должна стать императивом наших дней»¹. В этой поправке российского правоведа усматривается много общего со словами С. Боливара о том, что «наименьшее зло является наивысшим благом». Как была бы востребована эта поправка применительно к событиям в Афганистане и Ираке, Ливии, Сирии, Украине...

Парадоксы нашей истории, последовательно «вымывавшие» из нее имена и дела «ненужных» с той или иной точки зрения людей, к сожалению, отразились и на науке о МП. Сложилось так, что имя Ф.Ф. Мартенса у нас известно сегодня, пожалуй, лишь «узким» специалистам. Когда некоторые ученые на Западе задумались о внесении корректив в концепцию «ответственности за защиту»* (*“Responsibility in*

¹ Правовые аспекты БРИКС. Сборник докладов и выступлений на научном семинаре 8-9 сентября 2011 г. Санкт-Петербург, 2011. С. 26.

* «В нескольких случаях силы НАТО превышали полномочия, данные им Советом Безопасности ООН. Следствием воздушных налетов становилось разрушение гражданских объектов и гибель мирных жителей, что впоследствии болезненно сказалось на отношении к операции со стороны общества, особенно в арабских странах» – так комментировал

protecting”), принятую НАТО в 1990-е годы с целью «облагородить» ставшую печально известной «гуманитарную интервенцию», они почему-то предпочли вспоминать неопределенный по содержанию принцип *debito modo* («должный образ действия»), взятый из средневекового канонического права, нежели более применимую к нашим дням «поправку Мартенса»*.

Ф.Ф. Мартенс

операцию НАТО в Ливии европейский эксперт А. Беблер (Современная Европа, 2012. № 4. С. 75).

* Выступление Ответственного секретаря по евроатлантическим связям правительства Италии Дж. де Робертиса на международной конференции «БРИКС в системе международных отношений: новый этап глобального партнерства» (Санкт-Петербург, 19 октября 2012 г.).

В контексте стремления отстаивать верховенство МП Россия и Бразилия совместно выступают за укрепление центральной роли ООН, утверждение коллективных начал в политике и мирное урегулирование международных конфликтов. Они отвергают практику «гуманитарных интервенций» и выражают готовность содействовать обновлению мировой экономики и политики с учетом происходящих в мире перемен на основе интересов всех стран. Россия высказала готовность поддержать кандидатуру Бразилии (а также Индии и ЮАР) на место новых постоянных членов Совета Безопасности ООН при условии сохранения прав и привилегий нынешних постоянных членов.

Не случаен интерес, который проявляется в Бразилии к России как к партнеру по БРИКС и стране, с которой у Бразилии, согласно всем подписанным за последние годы двусторонним документам, «наблюдается близость или совпадение подходов по наиболее актуальным проблемам современности». Констатация этого факта обнаруживает наличие долговременной *цивилизационно-культурной основы сотрудничества* между нашими странами, в том числе и в понимании и применении основных принципов и норм МП.

Особо следует сказать о тех перспективах, которые открываются в сфере *политики безопасности*.

На фоне неоспоримой важности сотрудничества в сфере безопасности России с такими граничащими или близкими к ней странами, как Китай и Индия, часто приходится слышать разговоры о том, что, мол, «далекая» от нас Бразилия вряд ли может представлять для России с этой точки зрения какой-либо интерес. На наш взгляд, эта позиция игнорирует сразу несколько важных реальностей. Во-первых, при всей важности борьбы с такими угрозами как трансграничный терроризм и экстремизм, нельзя забывать и о тех угрозах, которые сегодня находятся как бы в «тени», но могут обостриться уже с 20-х годов текущего столетия. Во-вторых,

процесс глобализации, сближающий континенты, интенсифицирующий товарообмен и потоки информации, активно стирает грани между странами «близкими» и «далекими», партнерами «традиционными» и «нетрадиционными». И, наконец, в-третьих. Как уже отмечалось, в отстаивании принципов и норм международного права сотрудничество таких стран, как Бразилия и Россия, невозможно переоценить.

Есть, однако, одно направление, где формулирование общей политики России и Бразилии в сфере безопасности носит наиболее императивный характер. Речь идет об обеспечении *природно-ресурсной, экологической и энергетической безопасности*, а также о сотрудничестве в сфере *информационного взаимодействия*. Можно согласиться с мнением тех, кто говорит о том, что акцент мирохозяйственного развития постепенно начинает переноситься с вопросов торговой либерализации на проблемы, связанные с «публичными ценностями», в первую очередь - с запасами энерго- и экоресурсов планеты, которые, в отличие от ценностей «частных», вряд ли могут быть решены на базе стихийно формирующихся рынков. «Внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов... Усилится глобальное информационное противоборство..., обострятся мировая демографическая ситуация и проблемы окружающей среды... В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы»¹. Эти положения «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года» созвучны тем, которые были сформулированы в «Стратегии национальной обороны» Бразилии 2008 года. Угрозы и риски, связанные с

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, с. 11.

экологической и природно-ресурсной безопасностью, раскрываются там как грядущая борьба за «запасы пресной воды, обширные участки открытого моря, источники энергии и космическое пространство»¹.

Среди ареалов, которые могут представлять собой наиболее «лакомый кусок» для тех, кто желает «перераспределить» богатства других стран в свою пользу, называется Амазония (примерно 52% территории Бразилии) как регион, обладающий уникальным по значению биоразнообразием, богатейшими гидро- и минеральными ресурсами, но при этом имеющий наименьшую плотность населения на 1 кв. километр. Это также обширные акватории Южной Атлантики в районе штатов Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и Эспириту-Санту, где сосредоточены крупные запасы нефти (до 70 млрд баррелей) – так называемая «Голубая Амазония»².

Конкретизация угрозы, которой отличается бразильский документ, позволяет четче обозначить проблему. Действительно, плотность населения на богатых самыми разнообразными ресурсами территориях актуальна как для Бразилии, так и для обширных регионов российского Заполярья, Сибири и Дальнего Востока. Россия обладает 13% разведанных мировых запасов нефти, 98% которых сосредоточено за Уралом; 23% мировых запасов угля, 68% которых расположено в Сибири, Заполярье и на Дальнем Востоке; 45% природного газа, из которых 95% находятся за пределами ее европейской части; и, наконец, она располагает 11% мировых запасов пресной воды, 89% которых сосредоточено в озере Байкал и великих сибирских реках. Особое внимание необходимо обратить на запасы пресной воды, по которым Россия и Бразилия – два самодостаточных государства-гиганта занимают первое и второе место в мире, а

¹ Strategy of National Defence. Brasília, 2009.

² Zibechi R. Brasil Potencia, Bogotá, 2012. P. 147.

Южная Америка в целом является ее крупнейшим в мире резервуаром. Как отмечалось в книге перуанской исследовательницы М. Брукманн, пресная вода превратится вскоре в самый востребованный ресурс на планете, в том числе, учитывая ее всевозрастающее значение для поддержания и воспроизводства эко- и биосистем, а также для развития новых технологий (добыча сланцевой нефти и газа). При этом наибольший дефицит пресной воды, согласно подсчетам М. Брукманн, вскоре начнет испытывать такая страна, как Соединенные Штаты. В этом смысле, отмечает она, вопрос установления эффективного контроля над ресурсами пресной воды, связанными, помимо всего прочего, с перспективами научно-технического развития, экологической и др. безопасности государства, напрямую затрагивает его суверенитет¹.

Семь бразильских штатов, входящих в бассейн р. Амазонка, имеют среднюю плотность населения в 3,35 чел. на кв. км, а самый большой из них - Амазонас, площадью 1 млн 567 тыс. кв. км, имеет плотность всего 1,79 чел. на кв. километр. При этом плотность населения в таких российских регионах, как Республика Саха (Якутия) и Красноярский край, колеблется от 1 до 10, а в большинстве случаев составляет 1 чел. на кв. километр.

Эти цифры активно используются сегодня различными «аналитическими структурами» для создания имиджа «бесхозности» богатейших в мире территорий, разумеется, в целях их «более эффективного международного освоения». Можно процитировать переведенную на русский язык книгу американских авторов Ф. Хилл и К. Гэдди. Их вывод: «России необходимо «сжаться» - не в смысле уменьшения территориальных параметров (физико-географические пре-

¹ Bruckmann M. Recursos naturales y Geopolítica de la Integración Sudamericana. Caracas, 2012. P. 21.

делы), а в смысле рационального уменьшения экономико-географических пределов»¹. То есть, здесь прямо имеется в виду необходимость ограничения *экономического суверенитета* России. А отсюда недалеко до тезиса о передаче права хозяйствовать на этих территориях экономически более «эффективным» субъектам, т.е. ТНК, с сохранением за Россией права «поднадзорности», хотя и это право, со временем, при отсутствии *реального* суверенитета, очевидно, может быть ею утеряно.

Таким образом, Бразилия и Россия – это два, по сути дела, единственных в мире *самодостаточных государств* с точки зрения обладания наиболее широким спектром природных ресурсов, находятся, фактически, «в одной лодке», готовясь столкнуться с глобальной борьбой за передел ресурсов Земли. Неслучайно *Национальная стратегия обороны Бразилии* от 18 декабря 2008 г. констатирует, что «Бразилия будет пристально следить за безоговорочным соблюдением своего суверенитета в амазонском регионе и препятствовать попыткам наложения любых ограничений извне на решения, касающиеся сохранения, развития и обороны этого региона». «Бразилия не позволит физическим или юридическим лицам служить проводниками иностранных – политических или экономических – интересов, преследующих цель ослабления там ее суверенитета. Только Бразилия считает себя вправе распоряжаться регионом Бразильской Амазонии как в интересах всего человечества, так и в своих собственных интересах». Ради этого она готова придать своим конвенциональным вооруженным силам (в первую очередь - сухопутным) «некоторые атрибуты, свойственные неконвенциональным», поскольку, только обладая такими атрибутами, гласит цитируемый документ, ее ВС «смогут

¹ Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. М., 2007. С. 237.

оперировать в широком спектре условий, которые могут возникнуть в будущем»¹.

В этом – немалый потенциал политико-правового взаимодействия между Бразилией и Россией в XXI в., когда, по видимому, не столько уровень развития демократии и даже не наличие или отсутствие социальных контрастов, а *способность или неспособность эффективно контролировать собственную территорию*, будет определять характер глобального позиционирования таких восходящих стран - гигантов, как Россия, Бразилия, Индия, Китай и ЮАР. При этом очень многое в их позиционировании будет зависеть от того, насколько последовательно они смогут придерживаться *собственной стратегии развития применительно к проблемам энергетики и экологии*, при условии, что такая стратегия, не подверженная конъюнктурным изменениям, будет иметься у них в запасе.

Стоит обратить внимание и на такой новый аспект мировой политики XXI в., как возрастающий интерес к освоению так называемых «общих пространств» Земли (*common spaces*): океанического, воздушного, космического, приполярного и информационного. Реалистически относясь к опыту прошлых лет, можно согласиться с российским автором в том, что «взаимодействие в рамках общих пространств предполагает не столько межгосударственное сотрудничество в их освоении, сколько соперничество за принципы их раздела», причем «увеличение их числа (напр., киберпространство – Б.М.) порождает новые формы межгосударственных или даже транснациональных конфликтов»². В этом плане можно обратить внимание на со-

¹ National Strategy of Defence. Brazil, 2008. Brasília, 2008. P. 13, 14. См. также: Amazônia Brasileira ameaçada – http://www.defesabr.com/MD/md_amazonia.htm

² Фененко А. Международное соперничество за освоение новых пространств // Международные процессы, 2010. №1. С. 28.

глашение между РФ и Бразилией от 14 мая 2010 г. о сотрудничестве в информационной сфере. Оно свидетельствует о понимании обеими странами важности совместного противодействия попыткам представить в искаженном свете их внутреннюю и внешнюю политику, в том числе с целью добиться «де-суверенизации» каких-то их территорий, либо принудить их к отказу от своих суверенных прав.

Российско-бразильское сотрудничество в политико-правовой сфере и в области безопасности потребует, разумеется, большей координации правовых систем прежде всего в рамках такой структуры, как БРИКС, и достижения лучшего взаимопонимания наших народов, не последнюю роль в котором будет играть, в конечном счете, их отношение к праву, т.е. – правосознание.

5. Россия: «У ней «особенная статья»

Говоря об «особенной статье» России, Ф.И. Тютчев наверняка имел в виду и особое отношение россиян к такому феномену, как право. Но более предметно об этом высказался ныне всеми уже забытый поэт-юморист Б. Алмазов:

*Широки природы русские:
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.*

«Правовой нигилизм» в России – это явление отнюдь не сегодняшних дней. Отсюда и многие наши внутренние проблемы, которые так роднят нас с латиноамериканскими странами. Но это не мешает нам совместно и последовательно отстаивать идею верховенства МП. После событий на Кавказе в августе 2008 г. в России углубилась заинтересованность в ликвидации существующих в МП многочис-

ленных лакун (вопросы миротворчества и «миростроительства», определение терроризма, статус комбатантов и не-комбатантов, пределы «ответственности за защиту» и гуманитарные аспекты экономических санкций, проблемы региональной безопасности и т.д.), которые создают лазейки для его релятивизации в интересах наиболее сильного глобального актора. События 2014 г. на Украине заставили нас еще серьезнее задуматься о правовом наполнении таких принципов, как «самоопределение» и «территориальная целостность», права гражданского населения в ходе внутри-страновых конфликтов, правовое обеспечение «гуманитарных коридоров» и пр.

Выше мы пытались найти истоки «уважительного» отношения к МП со стороны латиноамериканских стран и, в частности, Бразилии. Попытаемся сделать то же самое в отношении России.

Не секрет, что многие аналитики, даже из числа стран БРИКС, опасаются, что участие в формате БРИКС «проблемной» России может его «скомпрометировать». Их опасения основаны на неуверенности по поводу *соответствия архетипа России* главной цели объединения, понимаемой как «трамплин» для подъема новых стран-цивилизаций до уровня «великих держав». Однако было бы странно, если бы участие России в БРИКС не вызывало у наших партнеров тех же самых вопросов, которые волнуют самих россиян: «Кто мы: «Запад» или «Восток»? «К какому будущему мы стремимся?» и «Чего мы ждем от мировой политики?» К тому же, негативный исторический «шлейф», накопившийся за годы существования и императорской России, и СССР, и даже так называемой «новой» России (который, к тому же частенько сознательно гипертрофируется нашими внутренними и внешними недоброжелателями), казалось бы, не должен свидетельствовать в пользу сотрудничества с приверженцами «мирного восхождения».

Широко распространившееся на «бытовом» уровне недоверие к России служит своеобразной «подушкой безопасности» для тех, кто заинтересован и дальше последовательно демонизировать ее образ, одновременно ставя под сомнение и перспективы ее участия БРИКС. К сожалению, прививавшаяся нам столетиями привычка смотреть на себя глазами Запада и наш «дрянной стыдишко за самих себя» (Ф.М. Достоевский), во многом потворствуют этому. Трудно требовать от иностранца знания российской истории, учитывая, что толком ее до сих пор не знают и многие россияне. Ведь большинство из них также готовы считать внешнюю политику России в XIX и XX вв. однозначно «колонизаторской» и «империалистической». При этом как на Западе, так и в самой России, либо очень поверхностно, либо совсем никак не учитывается особая специфика российского менталитета и, соответственно, – правосознания.

Историю и внешнюю политику России можно понять, если принимать в расчет элементарные интересы безопасности огромной континентальной равнины, почти лишенной таких естественных границ, которые обеспечивали бы защиту ее центра от постоянных «экскурсий» с Запада и опустошительных набегов с Востока и Юга¹. Об этом писал в своей «длинной телеграмме» Дж. Кеннан в 1946 г., на это же указывают сегодня такие авторитетные британские историки, как, например, Р. Мэсси, П. Хопкирк и Ф. Лонгворт². Не стяжательство заморских «благ», не сверхзадача во что бы то ни стало обратить «туземцев» в свою веру, а интересы элементарного *выживания нации*, заставляли русских осваивать пространства Сибири и Дальнего Востока и «распеча-

¹ См. напр.: Имидж России и его восприятие в Бразилии. М.: ИЛА РАН, 2009.

² Massie R. Peter The Great. His Life and World. N.Y., 1980; Longworth Ph. Russia's Empires. Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin. London, 2005.

тывать» выходы к Балтийскому и Черному морям. В то же время вряд ли безопасность островной Британии зависела от состояния дел в Индии, Восточной и Южной Африке или где-нибудь на Андаманских островах, Франции – от положения в Индокитае, а США – от направления общественной мысли в Пуэрто-Рико, на Кубе или Филиппинах.

Ф. Лонгворт предпочитает говорить об «освоении», а не о «колонизации» Россией своих пространств, о том, что в своей политике русские «были свободны от чувств национального превосходства и расовых предрассудков». Основу прошлых и нынешних противоречий между англосаксонским Западом и Россией этот британский автор усматривает в применении Западом априорных теорий к *непонятым для него* (Курсив мой – Б.М.) стране и народу¹.

Среди тех западных историков, кто попытался избежать «априорности», можно упомянуть исследователя эпохи «Большой Игры» на Востоке П. Хопкирка. «В конце концов, – писал он, – Россия не делала ничего, чего не делали бы остальные европейские государства. В основе ее политики лежала стратегия. Так же как Балтика была ахиллесовой пятой России в противостоянии с Англией, слабым местом Британии являлась Индия. Создание Россией опорных пунктов в Центральной Азии просто укрепляло ее переговорные позиции»².

Конечно же, не все войны, которые вела императорская Россия, можно было назвать «справедливыми», а их методы – гуманными. Но, подчеркнем еще раз: строительство заморских колониальных империй сначала Испанией, Португалией и Голландией, а затем – Англией, Францией, Германией, Италией, Японией и США *вообще никак* не было свя-

¹ Longwoth Ph. Russia`s Empires, p. 135, 322.

² Hopkirk P. The Great Game. On Secret Service in Central Asia. London, 2006. P. 315.

зано с вопросами их национального самосохранения. Что касается методов, то вряд ли массовые казни британцами участников индийского национального восстания в 1858 г.^{*}, истребление ими в концлагерях мирных жителей Трансвааля и Оранжевой республики во время англо-бурской войны 1899 – 1902 гг. или кровавое подавление американцами восстания на Филиппинах в 1889 г., хоть чем-то отличались в лучшую сторону от последствий взятия войсками генерала Скобелева крепости Геок-Тепе в 1881 году.

В.В. Верещагин. «У крепостной стены» («Пусть войдут!»).
Фрагмент картины.

* «Мы вели себя там, как дикари, давя наших врагов, как червей. Некоторые офицеры заранее запасались веревками, чтобы на месте вешать бунтовщиков – процесс, который доставлял им видимое удовольствие» (Brandon P. *The Rise and Fall of the British Empire*, p. 134).

Наконец, могла ли политика великой европейской державы в век «классического империализма» быть *не* империалистической? Может быть, и могла бы. Но тогда Россию – огромную многонациональную и мультиконфессиональную страну с колоссальными природными богатствами ждала бы участь терзаемых Западом когда-то могучих империй Востока: Китая, Персии и Османской империи. И тогда человечество наверняка лишилось бы того вклада, какой Россия внесла в развитие мировой науки и культуры в XIX и XX веках.

Это относится и к упоминавшимся выше особенностям национального правосознания. В годы кризиса набатом звучат слова русского философа и юриста П.И. Новгородцева (1866 – 1924): «Мир переживает величайший кризис правосознания», самое главное в котором – это «кризис неверия, кризис культуры, оторвавшейся от религии, кризис государства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого, оторвавшегося от родства с законом Божеским»¹.

П.И. Новгородцев

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 547, 557-558.

Статья Новгородцева «Демократия на распутье», изданная в Берлине в 1923 г., довольно точно, на наш взгляд, отражает «межеумочное» состояние современной России. «Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма». Нужна, писал русский юрист, «какая-то высшая духовная сила, которая могла бы спасти демократию от переживаемого ею кризиса, и вместе с тем такой силы она не находит», поскольку «абсолютный рационализм имеет столь же мало шансов стать новой религией, как и позитивизм»¹

В известной «Гарвардской речи» (1978) А.И. Солженицына был вскрыт главный, по его мнению, порок современного Запада: когда «любой конфликт решается юридически». «Если человек прав юридически, — ничего выше не требуется. После этого никто не может указать ему на неполную правоту и склонять к самоограничению, к отказу от своих прав, просить о какой-либо жертве, бескорыстном риске — это выглядело бы просто нелепо», потому что... «все стремятся к экспансии». «Общество, ставшее на почву закона, но не выше, — писал великий русский писатель, — слабо использует высоту человеческих возможностей. Право слишком холодно и формально, чтобы влиять на общество благотельно». «Юридический эгоизм западного мироощущения окончательно достигнут — и мир оказался в

¹ Там же. С. 577.

жестоким духовном кризисе и политическом тупике. И все технические достижения прославленного Прогресса, вместе и с Космосом, не искупили той моральной нищеты, в которую впал XX век, и которую нельзя было предположить, глядя даже из XIX»¹. Пожалуй, именно в этой речи А.И. Солженицына хорошо раскрывается специфика исторического отношения России к МП, когда в отличие от внутреннего права, основанного на формальном принуждении, каре и санкции, требуется что-то *высшее*, а именно, *добровольность, сознательность и чувство «высокой» справедливости, которое не ограничивается сиюминутным практическим интересом.*

Здесь, похоже, и коренится то общее, что объединяет Россию с философией права и правосознанием ибероамериканских народов. И в Латинской Америке, и в России а) *внутреннее правоприменение* всегда носило довольно ущербный характер, в основном, в силу *изоморфизма* (подмена недостаточно выявленного «своего» привлекательным, но беспочвенным «чужим»); и б) – уважение к *международному праву*, как основанному на *добровольности* и «*вечных*» *принципах*, всегда было на должной высоте. Но есть все же и довольно существенные отличия. На наш взгляд, нормативная функция МП в России подвергалась гораздо большим искажениям по сравнению с Иberoамерикой в силу того, что понятия об абстрактном «Благе», «Справедливости» и «Правде» зачастую ставились у нас гораздо выше не только понятия о норме как таковой, но иногда даже выше представлений о *безопасности*.

Если, разумеется очень условно, считать, что ибероамериканская правовая философия основывалась на *подчинении прагматического интереса каким-то внешним (в основном, религиозным) нарративам, то в православной*

¹ Там же.

российской правовой философии эти нарративы были, как правило, сфокусированы вокруг неких вселенских мега-идей («Третий Рим», «Священный Союз», Коммунистический Интернационал), которые носили общепланетарный, религиозно-светский характер. Самым последним примером такого рода является попытка проведения М.С. Горбачевым «глобальной» внешней политики на основе доктрины так называемых «общечеловеческих интересов и ценностей», которая не только не встретила понимания на Западе, но и нанесла ущерб интересам безопасности самого СССР.

Если в отношении к МП представителей англосаксонского цивилизационного архетипа прагматический интерес является практически *всем*, а в ибероамериканском католическом правосознании он - производное от установленной догмы, то в российском правосознании этот интерес иногда представлял малозначительной величиной.

Очень многие войны императорской России и СССР, которые не были напрямую связаны с вопросами элементарного выживания, обуславливались *мессианским* (Н. Бердяев и др.) характером русского народа и некой *вселенской идеей*, подчинявшей себе прагматический интерес, а в ряде случаев – даже и саму безопасность (Крымская война, Первая мировая). «Национальный эгоизм» русских принимал при этом подчас малопонятную для западного менталитета форму *отречения от насущного и конкретного «своего» ради какого-то дальнего и почти недостижимого «общего».* Удовлетворение от наличия и преследования этого абстрактного «идеала» иногда котировалось русскими *выше, чем радость от овеществленного интереса.*

Со времен монаха Филофея наша «вселенская идея», конечно же, многократно «усохла» и мимикрировала под реальность. Но ее умозрительности при этом отнюдь не убыло. Новой мега-идеей в 90-е годы прошлого столетия стал

транснациональный либерализм. Парадокс состоял в том, что само целостное и безоговорочное принятие этой заимствованной идеи безо всяких коррективов применительно к национальной специфике (наподобие того, как в свое время нами была воспринята другая западная по своему происхождению идея – марксизм), как раз и стало следствием национальной специфики.

Российский либерализм «вместо того, чтобы исходить из твердых оснований национальных ценностей и национальных интересов так, как они сложились исторически..., один в один повторил логику большевистского отношения к России, бескомпромиссно и отчаянно на протяжении десятилетий пытавшегося сбросить с «корабля истории» все историческое в нации и национальное в России – лишь на том основании, что оно не вписывалось в доктринальные основы марксизма»¹. В этом и, подчеркнем, *только в этом*, и заключалась вся его «российскость». В результате приходится согласиться с теми, кто считает, что либеральный проект модернизации России «содержит национально-невменяемую составляющую». *Суть трагедии русского либерализма в том, что в отличие, например, от англосаксонского, он предельно внационален, а потому и бесперспективен.* Сказанное относится и к правовой культуре, все надежды на подъем которой в либеральных умах связываются с импортом готовых идей с «передового Запада». Но такой импорт предполагает *вытеснение права за пределы ценностей и смыслов национального существования.* Ратуя за вычищение геополитического поля России от ценностей и смыслов исторической и национальной России, либерализм, принятый «целиком», в его «аутентичном» западном варианте, способен лишь породить противоречия глубоко-

¹ Козин Н. Вызов русской идентичности // Стратегия России, 2011. №8. С. 59.

го залегания – вокруг отношений права и свободы, права и морали.

В душах русских людей, привыкших к тому, что право должно быть подчинено некой «цели», в этом случае воцаряется полный разлад. *Приняв разумом то, что они не способны принять сердцем, многие и, к сожалению, в первую очередь – молодые люди, пустились «во все тяжкие», уверовав, что легкая жизнь, безграничное потребление и развлечения – это и есть ее тот самый искомый «смысл».*

И действительно, витальность России на сегодняшний день все еще оставляет желать лучшего. Мы пока удерживаем лидирующие позиции по числу разводов, количеству беспризорников и умалишенных. До недавнего времени в наших тюрьмах было около миллиона заключенных. В России, согласно статистике, каждый третий мужчина и каждая шестая женщина умирают в связи со злоупотреблением алкоголем¹. Недопустимо высока и статистика самоубийств. Коррупция, чиновничий «беспредел», полицейский произвол, низкий уровень деловой и общей культуры, высокий – преступности, социальная апатия и инфантилизм молодежи, готовой чем угодно заполнять пустоту в своих душах, включая призывы к новой «революции», – вот краткий перечень проблем, которые унаследовала Россия. Закономерен вопрос: может ли страна с «непредсказуемым» прошлым, не имеющая национальной идеологии, постоянно пытающаяся копировать чужой опыт и мало интересующаяся своим, видеть себя в списке «восходящих» стран?

Наступившая у нас в 90-е годы «сумасшедшая легкость бытия» сплошь и рядом граничила с моральным надрывом, что совсем не случайно. Избавившись от марксизма, «за достижение цели мы приняли то, что составляет верх эгоизма» (*Ф.М. Достоевский*). Отчаяние от «недополученного»

¹ Демографические перспективы России. М., 2008. С. 462.

одних, пресыщение от сверхпотребления других при почти полном пренебрежении к закону и порядку вкупе с алко-, нарко- и прочей «компенсаторикой». Это состояние начало исправляться у нас лишь относительно недавно.

Очевидно, что «без утверждения жизненных ценностных ориентиров, адекватных отечественным традициям, России не справиться с нынешним социальным, политическим и идейным разбродом. Только установление общественного консенсуса по поводу действительно значимых ориентиров и целей, духовных и нравственных опор, поможет объединить тот креативный потенциал российского общества (ученые, инженеры, квалифицированные рабочие, сельчане, желающие нормально трудиться на земле), который в России пока еще существует, но который политически и морально дезорганизован и постепенно размывается»¹. А это значит, что **без определения «Русской идеи» или, хотя бы, ее основных компонентов («куда» и «зачем» идти и «что делать») – не обойтись**. При этом, как это ни покажется кому-то «странным», в российской духовной ойкумене существует, и уже давно (!), весьма богатый и разработанный, но, к сожалению, до сих пор *маловостребованный* пласт идей в виде философского и правового наследия предков, которое способно дать ответ на многие вопросы нашего бытия. Проблема в том, что, в отличие от многих других великих европейских наций, мы, россияне, *очень не любим сами себя**. Отсюда и наш знаменитый дефицит на пророков в

¹ БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. Сборник докладов и выступлений на международной конференции М., 2010. С. 158.

* Здесь было бы полезно сравнить англо-бурскую (1899 – 1902 гг.) и русско-японскую (1904 – 1905 гг.) войны. В первой Британская империя вела войну с разномастно-вооруженной армией малообученных пастухов и скотоводов. Несмотря на поражения от пастухов на начальном этапе, на то, что интересам Британии не противоречило существование

своём отечестве, избыточные критицизм и самобичевание, бездумное стремление заимствовать чужое.

По князю Е.Н. Трубецкому, русская душа от «возвеличивания быстро переходит к отчаянию». Но можно ли надеяться на то, что и обратный процесс может пойти столь же быстро? Да, но только в том случае, *если понятие модернизации для нас не будет связано ни с геометрической прямолинейностью Маркса, ни с все разлагающим релятивизмом его либеральных собратьев по «сверхнациональному» мифотворчеству, а сами мы научимся, наконец, больше любить себя и в своих планах на будущее будем опираться на собственные национальные ценности.*

Начавшаяся с петровских времен и не окончившаяся по сей день подмена смысловых и ценностных ориентиров

демократических (!) Трансвааля и Оранжевой республики, ее «прогрессивная общественность», с которой пытаются брать пример наши либералы, почему-то не считала эту войну ни «империалистической», ни «позорной», и, разумеется, не жаждала поражения своего Отечества. Это позволило Англии с помощью самых жестоких средств (концлагеря, захват и казни заложников) и войск, стянутых со всех концов империи, довести-таки эту войну до победы.

В справедливой войне с Японией (Россия нуждалась в развитии Сибири и Дальнего Востока, а для этого – в незамерзающем порте на Тихом океане) нашей стране пришлось столкнуться с хорошо обученной и высокодисциплинированной кадровой армией и современным флотом, который был построен на английских верфях. Вероломное, без объявления войны нападение Японии на Порт-Артур, сразу вызвавшее энтузиазм нашей «прогрессивной» общественности, которая тут же отправила письмо микадо *с пожеланием победы Японской империи*, в комментариях не нуждается. «Революция», затеянная во время войны, не позволила России довести ее до победы, которая была уже близка, т.к. к 1905 г. в финансовом плане империя микадо уже стояла на коленях, а на Дальний Восток начали прибывать кадровые и хорошо обученные российские части. Такая же ситуация аналогичным образом воспроизвелась и в годы Первой мировой войны, окончившейся для России октябрьским переворотом и затянувшимся на десятилетия кровавым большевистским террором.

собственного цивилизационно-культурного развития, дорого обошлась России. Потенциально самая богатая в начале XX в. и бурно развивавшаяся страна, население которой по подсчетам Д.И. Менделеева к началу следующего столетия должно было составить 450 млн, вошла в него в качестве «переходной экономики» с населением в 142 миллиона*.

Императивом наших дней является воспитание, в первую очередь – среди молодых россиян, *сочувствия и любви* к своей стране, основанных на *правильном понимании причин стоящих перед нею сегодня проблем*. Если в основу развития государства закладывать фактор *человека*, а не экономическую систему или политико-философскую модель (мы это уже проходили!), то без такого – *духовного в своей основе* – воспитания, невозможно представить себе Россию как «восходящую» державу XXI века.

* С 1897 по 1914 гг. число жителей России увеличилось на 47 млн человек – с 116 до 163 млн (без учета жителей Финляндии и Польши). Во время Гражданской войны в России погибло от 12 до 13 млн, насильственная коллективизация, голод и репрессии унесли с собой еще 10 миллионов. Свыше 27 млн погибли на Великой Отечественной. Со второй половины 60-х годов смертность в СССР начала медленно, но верно, превышать рождаемость. После «демократизации» и либеральных «реформ» 90-х годов 25 млн русских оказались за пределами России. Итого, за XX век немотивированные потери России, не объясняемые никакими естественными причинами (рождаемость и смертность) составили около 65 млн человек (Перевезенцев С. Россия. Великая судьба. М., 2009. С. 642).

Русские философы: князь Е.Н. Трубецкой,^{*} Н. Бердяев, Вл. Соловьев, П.И. Новгородцев, И.А Ильин, и юристы: Б.Н. Чичерин, Г. Гинс, Л.И. Петражицкий, Ф.Ф. Мартенс – это лишь некоторые имена тех, кто в отличие от «западников» с их всегда готовой к употреблению доктриной, старались нащупать *универсальные связи между всеми представителями рода человеческого, а не только выстроить однонаправленный «спасительный» мостик к цивилизации Запада.*

Но как же все-таки быть с правосознанием? Ведь русский, «какого бы он звания не был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство», – писал А.И. Герцен. «Это тяжело и печально, – продолжал он дальше, – но для будущего – это огромное преимущество. Ибо это показывает, что в России позади видимого государства не стоит его идеал, государство невидимое, *анофеоз существующего порядка вещей*»¹ (Курсив мой – Б.М.). Ну, уж если даже такой «западник», как Герцен, сумел: а) разглядеть хоть что-то хорошее в «правовом нигилизме» россиян и, б) узреть червоточину западного правосознания, разъедающую «мир Прометей», то это значит: а) что для нас еще не все потеряно и, б) что, выстраивая новую систему общественных отношений, России совсем не обязательно во всем подражать Западу.

^{*} Стоит напомнить мнение Е.Н. Трубецкого о том, что «если человек есть только временное, преходящее сочетание атомов материи, то проповедь уважения к человеческой личности, к ее достоинству и свободе есть чистейшая бессмыслица: об уважении к человеку можно говорить только в том предположении, что человек есть сосуд безусловного, носитель вечного, непреходящего смысла жизни» (Трубецкой Е.Н. О христианском отношении к современным событиям // Новый мир, 198. №7. С. 201).

¹ Приводится по: Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 127.

«У всякого народа, – писал А.И. Ильин (1883 – 1954), – есть своя особая «душа», и помимо нее государственная форма непостижима». «Человеческое правосознание возникает иррационально, оно развивается исторически, оно подлежит влиянию семьи, рода, религиозности, страны, климата, национального темперамента, имущественного распределения и всех других социальных, психологических, духовных и материальных факторов. С этой точки зрения можно было бы говорить, например, о «морском» правосознании греков и англичан и о «континентальном» правосознании у русских и китайцев; о религиозном правосознании магометан и о безрелигиозном правосознании современных социалистов-коммунистов, о родовом правосознании древней гражданской общины и о безродном правосознании современных республик и т.д. И нет ничего опаснее и нелепее, как навязывать народу такую государственную форму, которая не соответствует его правосознанию (например, вводить монархию в Швейцарии, республику в России, референдум в Персии, аристократическую диктатуру в Соединенных Штатах)»¹.

Кто-то, наверное, мог бы упрекнуть И. Ильина в излишней «религиозности» и «монархизме», но всякому искренне переживающему за Россию должна быть небезразлична та *цена*, которую ей пришлось заплатить за «введение» у нас *так de facto и не состоявшегося* республиканизма (имеется в виду свержение монархии)*. Историческим приговором

¹ Ильин И. О монархии и республике // Вопросы философии, 1989. №4. С. 127-129.

* Не следует думать, что монархию в России удалось упразднить «декретом», если И.В. Сталина многие считают аналогом Ивана Грозного, а М.С. Горбачев утверждал, что имел полномочий «больше, чем даже последний русский царь». Стоил ли такой квази-«республиканизм» тех жертв, которые нам пришлось положить на алтарь призрачного «прогресса»?

всем нашим – и старым, и новым – революционерам звучат слова Ильина об отсутствии у них «чувства ответственности». «Им и в голову не приходит, что они судят о неизвестном, как о чем-то простом и ясном; – что они не знают ни веры, ни правосознания, ни хозяйства, ни истории, ни соблазнов того народа, судьбами которого они хотят распоряжаться; – что все политические суждения их отвлеченны и схематичны, а по отношению к России беспочвенны и претенциозны; – что у них нет никакого политического *опыта*, а есть только заимствованная на Западе политическая *доктрина*»¹.

Право само по себе, в отсутствие «высокой» идеи, мало что значит для русского человека. Чтобы быть действенным регулятором общественных отношений, оно должно «слу-

Иван Ильин

жить» чему-то помимо чисто-прагматических интересов. *«Зазор», существующий между правовым нигилизмом*

¹ Ильин И. Цит. произв., с. 113.

внутри страны и уважением к международному праву вне ее, России необходимо уменьшить «в разы» путем наполнения системы внутреннего права духовным содержанием.

Русскую «национальную идею» не надо *искать*: она лежит на поверхности*: в XX в. Россия *трижды* спасла мир: дважды от захвата Европы Германией и один раз – от коммунизма с его «мировой революцией», с колоссальными жертвами впитав и «переварив» его в себе. И эта заслуга, наверное, не так плоха, чтобы не стать предметом национальной гордости. В ней нет ничего искусственного, если даже У. Черчилль отмечал особую роль, сыгранную Россией в Первой и Второй мировых войнах, а Э. Хобсбаум считал Советский Союз «спасителем либерального капитализма на Западе, благодаря тому, что создал необходимый стимул для реформирования капитализма и отхода его от ортодоксии «свободного рынка»¹. На нашу долю остается творчески, *с учетом особенностей и запросов национального менталитета*, обобщить пережитое, а не отбросить его, как это пытаются сделать некоторые для того, чтобы вновь «начать все с чистого листа» (концепция так называемой «новой» России). «Здоровая психика нации не может быть основана на исключении прошлой истории из сферы собственного опыта новых поколений. Стремление отбросить прошлое жестоко мстит за себя, порождая невротизм и психологическую неустойчивость. Освобождение от чувства неполноценности, основанного на комплексе вины, должно

* «В России истина почти всегда имеет характер почти фантастический. В самом деле, люди сделали, наконец, то, что все, что налжет и перелжет себе ум человеческий, им уже гораздо понятнее истины, и это сплошь на свете. Истина лежит перед людьми по сту лет на столе, и ее они не берут, а гоняются за придуманным, именно потому, что ее-то и считают фантастичным и утопическим» (Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 1989. С. 86).

¹ Hobsbawm E. The Age of Extremes. London, 1994. P. 84.

произойти не за счет забвения прошлого, а путем его критической переработки, сохраняющей нормальную способность к переживанию трагических моментов истории»¹. К сожалению, эти слова, сказанные еще в начале 1990-х, не получили пока реального воплощения. Может быть, бурные события XX века и целенаправленное «выкорчевывание» в России наиболее интеллигентных, здравомыслящих и работоспособных людей из сферы общественной деятельности, а то и из самой жизни, так негативно повлияли на состояние нашего генофонда, что усугубили консерватизм мышления правящих элит?

Либералы, призывающие копировать опыт Запада* и, в частности, США, почему-то «опускают» такой важный фактор исторического становления и развития американского государства и общества, как *патриотизм* американцев, их *вера в свою страну и ее миссию в мире*. Для России они считают это излишним. Мы же полагаем, что поверившая, наконец, в себя Россия поверит и в свое глобальное предназначение, не сводящееся лишь к обеспечению исключительно «прагматических» интересов в их западном понимании. Российский прагматизм как нечто, соответствующее интересам национального развития, заключается в сочетании национального и интернационального. Он – в синтезе национального дискурса и «всемирной отзывчивости»

¹ Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1995. С. 144.

* «Чем активнее и громче звучит голос модернизированной России, тем сильнее на передний план выходит ксенофобия, антизападничество, неприятие всего нового и современного – секуляризма, радикального искусства, равноправия сексуальных ориентаций, ювенальной юстиции» (“Pro et Contra”, 2012. №3). Это удивительное отвержение всего российского (совсем в духе большевизма!) по принципу «кто не с нами, тот – против нас» и пиетет в отношении всего западного иллюстрирует идейную скудость и неспособность к самостоятельному мышлению того «класса», который почему-то взял на себя смелость именоваться «креативным».

(«всемирном счастье»), которые, по Ф.М. Достоевскому, так нужны русскому человеку, чтобы «успокоиться»¹. В этом смысле содействие России перестройке мировых экономических и политических отношений, укрепления *морально-нравственных устоев* межчеловеческого и междоцивилизационного общения представляется крайне актуальным не только с точки зрения укрепления международных позиций нашей страны, но и для преодоления ее внутренних проблем.

6. На изломе эпох

Право само по себе – это еще не гарантия от войн. Несмотря на бурное развитие его институтов и международно-правовой науки на Западе, «многополярный мирпорядок» образца XIX – начала XX столетия после почти ста лет общеевропейского мира все же окончился глобальным конфликтом, за которым почти сразу последовал другой. Третьей мировой войны удалось избежать, опять-таки, благодаря не праву, а равновесию страха перед всеобщим ядерным апокалипсисом.

В системе глобальной политики постоянно присутствовал *изъян*, который не позволял считать ее *правовой* в полном смысле этого слова, и этим изъяном было «анклавное» существование международного права, как права «цивилизованных» держав, на фоне обширного пространства вне права и политики в виде колониальных и полуколониальных территорий. Становясь универсальным, МП постепенно приобретало необходимую нюансировку, связанную с влиянием «поднимающихся» стран и народов. Но даже сегодня оно неспособно адекватно отражать складывавшиеся в мире реалии, поскольку там, в основном, еще господствует

¹ Достоевский Ф.М. Искания и размышления. М., 1983. С. 75.

западноцентричное отношение к нему. Современная доктрина МП, соответствующая эпохе «великих держав», но не «великих цивилизаций», все еще сохраняет подходы, свойственные для западного мировидения, несмотря на радикальные перемены, происшедшие в мире. Некоторые отголоски давнего деления государств на «цивилизованные» и «нецивилизованные», до сих пор сохраняются в мировой практике, о чем свидетельствует, хотя бы, привилегированное положение ведущих стран Запада и Японии в международных политических и финансовых институтах. Лишь жесткие последствия мирового финансового кризиса заставили мировое сообщество начать, да и то, весьма «неподатливо», пересматривать сложившееся неравноправие.

Становление новых цивилизационных полюсов неизбежно подразумевает и разное отношение людей разных архетипов к глубинному восприятию одних и тех же проблем, при том, что различий в их поверхностном восприятии, как правило, не наблюдается (напр.: «терроризм – это зло», «с глобальным потеплением надо бороться» и пр.) Поэтому призывы, раздающиеся на широком международном уровне, в ООН и т.д., а также многие юридические инструменты конфликто разрешения (документы, структуры) зачастую оказываются «беззубыми», ибо ради сохранения видимости единства мнений по той или иной проблеме их авторы намеренно не касаются ее сути. Чего стоил, например, с точки зрения реальной борьбы с терроризмом такой документ, как Межамериканская антитеррористическая конвенция 2003 г., из которой по настоянию США было исключено определение терроризма? Как можно, с одной стороны, говорить о необходимости борьбы с наркотрафиком, а с другой – стимулировать спрос на них пропагандой гедонистического бытия? Как стремиться к нераспространению ОМП, ратуя за «относительность» понятия суверенитет? Или «противодействовать» международному терроризму,

навязывая остальным государствам собственные стандарты «морали» и нравов? Невозможно ограничивать протекционизм, вводя у себя новые запретительные тарифы, бороться с глобальным потеплением, наращивая вмененное потребление и т.д.

Императивы глобального взаимодействия диктуют необходимость нахождения межцивилизационных подходов к пониманию глобальных проблем современности и новых, все более адекватных средств противодействия им. Иначе, в условиях расширения пропасти между словом и делом, мир ждет серьезные катастрофы. Для выработки таких подходов требуется сотрудничество уже не столько «старых» и «новых» великих держав, сколько их взаимодействие как *полюсов межцивилизационного общения, выражающих интересы и ценности того цивилизационного ареала, неформальными центрами которого они являются, либо стремятся стать.*¹

Новые полюса на сегодняшний день, в основном, представлены форматом БРИКС: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР. Они на 80% или даже 90% совпадают с теми центрами глобальных цивилизаций - культур, которые были выделены в трудах С. Хантингтона, а еще раньше – К. Ясперса, А. Тойнби, А. Броделя и др. Не исключено, что к этим государствам могут прибавиться другие. Межцивилизационное общение – *это не фантазия, а реальность современного мира*, в котором помимо государств и наряду с ними в разнообразные контакты самого разного уровня каждый день и каждый час вступают экономические и финансовые институты, религиозные, предпринимательские, общественные объединения и т.д., и, наконец, отдельные люди - *как представители своих цивилизаций и культур*. На основе контактов гражданских обществ, представляющих

¹ Международные процессы, 2009. № 3. С. 60-67.

различные цивилизации Земли, формируется глобальное гражданское общество. Сам режим бесчисленных международных транзакций, когда предпринимательская этика одной стороны накладывается на предпринимательскую этику другой, свидетельствует о начале нового этапа международных отношений, когда их сердцевиной становятся не столько межгосударственные, сколько *межкультурные* контакты. «Настоящее решение требует создания более широкой коалиции с привлечением частного сектора, негосударственных групп, больших городов и целых областей, а также средств массовой информации. В глобализированном, демократизированном и децентрализованном мире необходимо достучаться до отдельной личности, чтобы она изменила привычное поведение». При этом «в условиях, когда власть диверсифицируется и рассеивается, еще большую значимость приобретает законность, потому что она является единственным способом обращаться ко всем неравноправным действующим лицам на мировой сцене».¹ Очевидно, что залогом глобальной законности XXI в. должна стать такая система, где *правовое сотрудничество государств и народов будет опираться на цивилизационно-культурное взаимодействие личностей и обществ*. Но рассчитывать на то, что такая законность возникнет сама собой и что на ее пути нет и не предвидится трудностей, значит ставить себя на место сторонников утопии о «конце Истории».

Применение силы в мировой экономике и политике, как отмечали Дж. Най и многие другие исследователи, в наши дни все больше становится *контрпродуктивным* (особенно, военной, учитывая невозможность применения ОМП и негативные для их инициаторов итоги «войн низкой интенсивности»). Не дает столь желаемого «эффекта» и излюб-

¹ Закариа, Ф. Постамериканский мир будущего. М., 2009. С. 60-61

ленное оружие США – экономические санкции против «неудобных» режимов. Но, ведь, именно сила принуждения была той пружиной, которая «выбросила» Запад наверх в глобальной межцивилизационной гонке в XVI в., и с тех пор помогала сменяющим друг друга разным его представителям, удерживать власть над миром. Сегодня ситуация начинает меняться. Отсюда мы, наверное, можем предположить, что цивилизация Запада, в основном, *уже выполнила отводившуюся ей в Истории человечества роль*. Ее «потенциал восхождения», как отмечали В.М. Давыдов и А.В. Бобровников в монографии «Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике», в основном, исчерпан¹. Это мнение разделяется многими, в том числе и целым рядом западных ученых. Очевидно, что теперь «Ветер Истории» (удачное выражение Шарля де Голля), подул в другую сторону, доказывая нам на целом ряде примеров *востребованность новых философий и основанных на них новых практик борьбы с глобальными угрозами*. Сегодня инновации нужны не только (и даже не столько!) в сфере материального производства, сколько *в духовной сфере жизни людей и в вопросах глобального мироустройства*. При всех различиях в уровнях экономического развития, религиях, культурах, истории и политическом устройстве Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР эти различия следовало бы с данной точки зрения воспринимать *не в негативном, а в позитивном ключе*. А естественную тягу этих стран к сотрудничеству в рамках БРИКС следовало бы считать *закономерным отражением некой ранее сформировавшейся универсальной востребованности*. Суммируя результаты некоторых уже проведенных исследований на тему БРИКС, спе-

¹ Давыдов В.М., Бобровников А.В. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении) М., 2009.

циалисты ИЛА РАН определились с принципиальным подходом к этому новому явлению в мировой экономике и политике. Они считают БРИКС *«одной из ключевых структур, выражающих тенденцию движения к многополярности, которая в состоянии сыграть позитивную роль в нейтрализации риска переходности»*¹.

Многие «минусы» БРИКС, на наш взгляд, часто выглядят как «плюсы». «Ведущие региональные державы, - отмечалось в одном российском исследовании, «в принципе не интегрируемы в глобальную иерархическую систему без их предварительного преобразования, снижающего (хотя бы частично) потенциал их развития и самостоятельности. Элиты ведущих региональных держав слабо интегрируемы в элиту «западного сообщества»... Ведущие региональные государства не готовы к созданию собственных устойчивых сфер влияния за пределами сопредельных регионов. Они не очень стремятся брать кого-нибудь под свою опеку и тем более делать это в противовес действиям США и их союзников. В отличие от СССР они не являются сверхдержавами в полном смысле и не стремятся распространять свои идеологические установки и политическое влияние в глобальных масштабах, открыто бороться за раздел сфер влияния с США в тех регионах, которые не входят в зону их жизненно важных интересов. Не обладая соответствующими возможностями и идейно-политической мотивацией, они не стремятся вести игру с «нулевой суммой» в которой каждый проигрыш оппонента является победой, а собственный проигрыш – победой противника»².

¹ Давыдов В.М. «БРИК – виртуальный проект или закономерная реальность?» // БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. Сборник докладов. М., 2010. С. 35.

² Международные процессы, 2009. №1. С. 11-12.

Ну, и хорошо! – отметим мы. Мир как никогда нуждается в обновлении: старые методы политики контрпродуктивны и становятся все более нетерпимы. В появлении формата БРИКС нами усматривается хорошая возможность добавить «свежей крови» в мировую политику, чтобы вывести ее из тупика самовоспроизводящихся и саморазрушительных формул. Любая коррекция политики БРИКС хотя бы в одном из тех направлений, на которые указывает автор вышеприведенной статьи, заведомо поставила бы крест на самой «мягкой» парадигме восхождения этих стран, заодно покончив с надеждами на то, что такое восхождение в принципе возможно. Интерес к БРИКС, демонстрируемый правительствами, общественностью, академическим миром и СМИ объясняется просто. Его скрытая или открытая мотивация – в поиске людьми ответа на сакраментальный вопрос: *способно или неспособно окажется «мягкое» восхождение новых глобальных игроков, которые не относятся к цивилизации англосаксонского Запада, «перенастроить» мировой оркестр в направлении большей сыгранности?*

О том, что старое не сдает своих позиций без боя, свидетельствуют попытки некоторых западных аналитиков, признающих реальность цивилизационного дискурса, сделать вид, что ничего не происходит. Авторы комплексного трехтомного исследования под редакцией П. Каценштайна¹, посвященного памяти С. Хантингтона, «грозились» пойти дальше своего шефа в углублении цивилизационной metody, в том числе и как утверждал сам П. Каценштайн, путем «преодоления западного либерального интернационализма и евроцентричной модели мира». На наш же взгляд, в ре-

¹ *Civilizations in World Politics. Plural and Pluralist Perspectives*, Routledge, 2010; *Anglo-America and its Discontents. Civilizational Identities Beyond East and West*, Routledge, 2012; *Sinicisation and the Rise of China. Civilizational Processes Between East and West*. Ed. by P. Katzenstein. Routledge, 2012.

зультате произведенных работ обнажилась идея произвести на свет некую новую, слегка модернизированную версию все той же модели. Это можно квалифицировать как попытку выстраивания Западом некой «генеральной линии», призванной нейтрализовать рост влияния и востребованности иных цивилизационно-культурных парадигм.

Центральный тезис П. Каценштайна и Дж. Курта, который не совпадает с «политико-реалистическим», по их мнению, подходом С. Хантингтона, заключается в том, что цивилизации сами по себе «плюралистичны», а мир «плюралистических цивилизаций» встроено в более широкий контекст «цивилизации нашего времени» или «цивилизации модерна» (“a Civilization of Modernity”). Эта сложная конструкция – что-то вроде крыши, венчающей собой строение из «цивилизационных кирпичей», призвана утверждать *«индивидуализм, плюрализм, экуменизм и более свободное ощущение неких общих моральных устоев»*¹ (*Курсив мой – Б.М.*) Согласимся, что в этой фразе нет ничего того, что отличало бы «цивилизацию модерна» от знакомых всем «морально-этических устоев» цивилизации Запада.

Авторы, рассматривая основные, по их мнению, мировые цивилизации (это – «Англо-Америка», Европа, китайская, японская, индийская и «афро-евразийская» цивилизации) оставляют без внимания впервые выделенную С. Хантингтоном из недр «коллективного Запада» латиноамериканскую. О Латинской Америке в этом «триптихе» вообще говорится крайне скудно и мимоходом. Призывы Б. Боу и А. Санта Круса, обращенные к американцам и мексиканцам, предать, наконец, забвению свои «старые нарративы» и начать думать о себе как о «североамериканцах», выглядят наивно. Их послыл отражает собой распространенный факт игнорирования западной, прежде всего, американской по-

¹ Civilizations in World Politics, p. 2.

литической мыслью, истории международных отношений в пользу политкорректной теории. Приводимый ими пример «исторического примирения» между Германией и Францией в данном случае попросту ненаучен, ибо он не учитывает того обстоятельства, что вряд ли французы и немцы когда-нибудь ощутили бы себя «общеевропейцами» в отсутствие «угрозы с Востока» и стремления США обеспечить единство Запада в жестких условиях «холодной войны».

Недоумение вызывает надежда этих же авторов на «конструктивную переработку» «основных составляющих идеи панамериканизма» (“Western Hemisphere Idea”), корни которой уходят вглубь XIX века. За последние 150 с лишним лет никакие географические, экономические и военно-стратегические «императивы», упования на «общность интересов Америк» и их «совместные институты» (ОАГ, Межамериканский совет обороны и т.д.), никакие широко-вещательные инициативы США в отношении своих южных соседей не смогли (и теперь можно уже смело сказать, что не смогут) наполнить практическим содержанием идеологему панамериканизма. Наоборот, понятие «латиноамериканская цивилизация» сегодня становится все более актуальным, а представление о Латинской Америке как о «сфере влияния» США отошло в глубины истории.

Отнюдь не случайно на место цивилизации «единого Запада», от которого начинают откалываться все более крупные куски (следующий – «Старая» Европа? – Авт.), Дж. Курт ставит политику «прав человека», которая способна «находить отклик в самых разных и порой очень непростых странах и культурах», поскольку она «шире по своему географическому и культурному охвату, чем концепция, культуры «белого человека». Дж. Курт предельно откровенен, считая основой этой политики «потребительский инстинкт и индивидуальные права», но, никак, (он оговаривает это специально!), не «обязанности». «Тотальная» идеология ин-

дивидуализма способна, по его мнению, «проникать во все поры общества и взламывать любые, в том числе и цивилизационно-культурные барьеры». «К 90-м годам XX столетия, – излагает далее Дж. Курт, – США стали государством-цивилизацией, центральным звеном новой «цивилизации модерна». Они выработали особый свод правил и возвели их в ранг светской религии, которую нельзя назвать «христианством», скорее, неким «Новым Просвещением» - индивидуалистической и антихристианской религией».¹ Нынешний исторический момент американский профессор называет эпохой «сопротивления стран «Осевого времени» «цивилизации модерна», и считает, что «осевые» страны (он называет Китай, Индию и Иран) будут использовать любые средства в войне против государства, которое представляется им «языческим и анти-цивилизационным». «Но это наше государство», – заключает Дж. Курт, готовый дать отпор обнаглевшим «осевикам». Взгляды Дж. Курта следует признать смелыми и откровенными, однако очевидно, что его «цивилизация модерна» в отличие от якобы отвергнутой им «цивилизации белого человека» лишь немного изменяет цвет кожи ее «передовых носителей», сохраняя в основе их жизненное кредо.

«Сверхзадача» почти всех авторов рецензируемых книг - в стремлении преодолеть С. Хантингтона на новом уровне западной политкорректности, чтобы признав *формальное равенство* всех цивилизаций и культур, сохранить лидирующую роль западной (а точнее – протестантской англосаксонской) в качестве надстроечной и надвременной «цивилизации модерна». Для этого акцентируются различия на *микро-уровне внутри* отдельных цивилизационных архетипов (так, англо-американским, американо-канадским и пр. отношениям посвящена отдельная книга) при весьма по-

¹ Civilizations in World Politics, p. 64.

верхностном освещении *межцивилизационных* различий на *макро-* уровне (отсутствие латиноамериканской цивилизации, почти полное игнорирование специфики исламской и православной).

Исключение было сделано для Китая. Ему посвящен третий том, озаглавленный «Синизация и подъем Китая». «В отличие от Европы, где государства развивались в условиях постоянной угрозы своему существованию, – отмечал проф. Д. Канг (США), – страны Восточной Азии развивались с расчетом на сотрудничество с Китаем. Если в Европе чем сильнее становилось государство, тем более оно было предрасположено к войнам, то в Азии сильное государство являлось гарантом стабильности. При этом страны Восточной Азии зародились раньше многих европейских и просуществовали дольше». Изучение специфики Китая и его ближайших соседей, способно, по его мнению, существенно обогатить теорию и практику международных отношений¹.

С тем, что «китаецентричный мир» оставался «на удивление мирным в течение длительного времени», согласен и П. Каценштайн, хотя дальше он предостерегает, что Китай «может добиваться создания мирового порядка, весьма отличного от того, каким представляют его себе либералы на Западе»². Он, как и проф. Сю Дзин (США) говорит о присутствии у китайцев «чувстве суверенитета и территориальной целостности», воспитанном десятилетиями вмешательства Запада в их внутренние дела и об их нежелании действовать подобными же методами («пять принципов» мирного сосуществования – *«панча шила»*), об особом конфуцианском видении мира (единство, иерархичность) и пр. При этом оба этих ученых делают на первый взгляд практически однозначный прогноз относительно перспектив «встраиваимо-

¹ Ibid. P.113.

² Sinicisation and the Rise of China, p. 71.

сти» Китая в структуры будущего миропорядка. «Подъем Китая не будет ни разрывом с прошлым, ни возвращением к нему, скорее – комбинацией прошлого и будущего» (Сю Дзин); «Китайский культурный, экономический и военный подъем лучше всего отождествляется с понятием «комбинация», чем с понятием «разрыв» или «возврат» (П. Каценштайн).

Сама идея «комбинации» отторжения не вызывает, ибо только на *равном и взаимоприемлемом сочетании культур, исторических традиций и правоприменительных практик различных стран и народов может быть основан будущий миропорядок*. Однако смысл проведенного нами небольшого исследования капитального труда западных политологов заключается в том, чтобы показать *какой* видят эту «комбинацию» с Китаем (Индией, Россией, Бразилией, Ираном и пр.) сторонники «цивилизации модерна», когда закладывают в ее основу супер-индивидуалистические ценности Запада, и самое главное: *какими методами* хотят добиться встраивания оригинальных цивилизаций и культур в столь милый их сердцу «глобальный контекст»?

В главе с красноречивым названием «Самураи спешат на помощь Хантингтону», Д. Лехени (США) рассуждает о японской цивилизации, противопоставляя такие, казалось бы, близкие между собой понятия, как «бунмэй» – «цивилизация» и «бунка» – «культура». Американизация Японии после второй мировой войны привела к тому, считает этот автор, что «бунка» (американизованная культура) возобладала над «бунмэй», и в жертву экономическому процветанию была принесена «национальная идентичность» – основа всякой цивилизации¹.

Другой страной с собственной ярко выраженной цивилизационно-культурной идентичностью, которая, *опять-*

¹ Civilization in World Politics, p. 121-123.

таки в результате войны с Западом вынуждена была оставить за собой религию и привычки обывателей, кухню, традиции и пр., фактически отдав ему на откуп внешнюю политику и политику безопасности, до недавних пор была (и отчасти все еще остается) Турция. То есть, суть предложенной Н. Каценштайном и др. авторами «комбинаторики» в том, что излюбленный Западом силовой подход вновь закладывается в основу теперь уже якобы «нового» мирового порядка!

Для П. Каценштайна, Дж. Курта и пр. цивилизации – это всего лишь «свободные конфигурации», «созвездия», «комплексы» «не зафиксированные в пространстве-времени и слабо интегрированные внутри». В отличие от Хантингтона, который считал цивилизации «сплоченными и готовыми действовать», «пост-хантингтонианцы» ставят их в зависимость от «процессов» и «практик». Но сегодняшние «процессы» и «практики» во внешней политике большинства стран – это ни для кого не секрет! – определяются почти исключительно по меркам *всего лишь одной* цивилизации. Это значит, что «по большому счету», целью теоретизирования П. Каценштайна и пр. является сохранение глобального статус кво, политкорректно прикрытого легким «цивилизационным» флером.

Но есть пример более практического свойства. Вряд ли кто-то может усомниться в том, что чем больше мир говорит о «толерантности», тем чаще он начинает сталкиваться с самыми дикими проявлениями абсолютной *нетолерантности*, если не сказать прямо – *дикости* в быту, в отношениях между религиями и культурами, партиями и движениями, этносами и государствами и пр. Тезис Хантингтона о пришествии «нового варварства», похоже, становится все более актуальным. Это не удивительно, поскольку *tolerare* в переводе с латинского означает «терпеть», а бесконечно терпеливых людей в природе *не бывает*. Не предьявляя,

якобы, «претензий» к другим, Запад стремится только к одному: избежать прямых вопросов *к самому себе*. И делается это ради сохранения все еще благоприятного для него статус-кво в мировой экономике, политике и праве. Очевидно, что отнюдь не «терпимость», а только *понимание* специфики представителей другой культуры: их религии, традиций, привычек, национальных особенностей и пр., способно стать основой для относительно безболезненного *принятия* их в лоно такой культуры, как западная. Но это невозможно без *беспристрастного* – научного (!) подхода к проблеме, который предполагал бы отказ от «политкорректных» (строго говоря – антинаучных) представлений о неком все

С. Хантингтон (1927 – 2008)

общем «равенстве» (в смысле одинаковости всех и вся), о «единстве ценностей» (непрерывно «европейских») и устремлений людей (неизбежно материальных). Это было бы невозможно и без отказа от одностороннего понимания гражданских свобод (как, в первую очередь, гарантии прав

неких «меньшинств»). Тем не менее, политкорректные «установки» на культуру, внешнюю и внутреннюю политику, секс и быт, работу и отдых, получение и подачу информации продолжают внедряться в сознание людей, ошибочно считающих себя «свободными». Этим занимаются многочисленные СМИ, повсеместно расплодившиеся «гуру» от шоу-бизнеса, профессионального спорта и «мира моды», маститые «аналитики» и «специалисты», экономисты и юристы. Практика показывает, что разнообразие источников информации совсем не обязательно есть гарантия ее *качественного разнообразия*.

«Телевидение и глянцевого журналы давно создали образ «достойной жизни», главными героями которой являются обеспеченные и независимые молодые люди. Если в 1970-80-е гг. производители равнялись на запросы семейных людей среднего возраста, то теперь их маркетинговые стратегии направлены на лиц до 25 лет^{*}. Молодых людей гораздо легче склонить к эмоциональному и престижному потреблению, чем людей других возрастов. Навязывая юношам и девушкам ненужные, часто неоправданно дорогие товары и услуги, продавцы играют на их желании выделиться в компании сверстников, подтвердить свою значимость и высокий социальный статус. Быстрая смена коллекций побуждает молодых людей покупать новые, актуальные именно в этом сезоне вещи в придачу к уже имеющимся таким же. Новым явлением конца 1990-х стало престижное детское

^{*} В нашей более ранней работе «Сила права или Право силы? Международная безопасность (латиноамериканский ракурс)» мы уже предпринимали попытку раскрыть экономические и морально-психологические основы навязываемого («вмененного») потребления, а также установить зависимость, существующую между этим явлением, распространением гедонистического образа жизни, ростом потребления наркотиков среди молодежи и состоянием защищенности людей в условиях «потребительской демократии» (М.: ИЛА РАН, 2004. С. 18- 30).

потребление. Развлекательные детские клубы и парки, посещение которых обходится в десятки раз дороже, чем поход в музей, превратились в норму жизни»¹.

Расплата не заставляет себя долго ждать. Неустанная погоня за «престижем», нарастающий разрыв между представлениями о жизненных стандартах и возможностями их реализации, отсутствие в головах каких-то других идей, кроме чисто-потребительских, одних ведет к подавленности и отчаянию, других – к наркотикам, сектам и экстремизму. Общее неудовлетворительное морально-психологическое состояние западных социумов подтверждается таким «неполиткорректным» показателем, как *статистика самоубийств*. В 2000-е годы этот показатель зашкаливал в «благополучной» Бельгии (21.1 на 100 тыс. чел.), Финляндии (20.3), Франции (18.0), Австрии (16.9), Швеции (13.2), Норвегии (11.5), США (11.0). Наконец, в Южной Корее и Японии (самые высокие показатели среди развитых государств) он достигал, соответственно, 23.8 и 24.0. При этом большинство развивающихся государств занимали места в нижней части этой грустной таблицы. Для сравнения: Бразилия – 4.3, Мексика – 4,0, Доминиканская Республика – 1.8, Перу – 0,9². Это если не залезать в статистику разводов, роста наркомании и преступности, числа умалишенных. Читатель здесь наверняка заинтересуется российской статистикой. К сожалению, как раз именно в этом аспекте наша страна ни в чем не отстает от самых «передовых». Ее показатель за 2007 г. - 32,1³.

¹ Буторина, О. «Европа без Евросоюза?» // Россия в глобальной политике, 2011. № 6. С. 184.

² <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm>

³ Демографические перспективы России, с. 502.

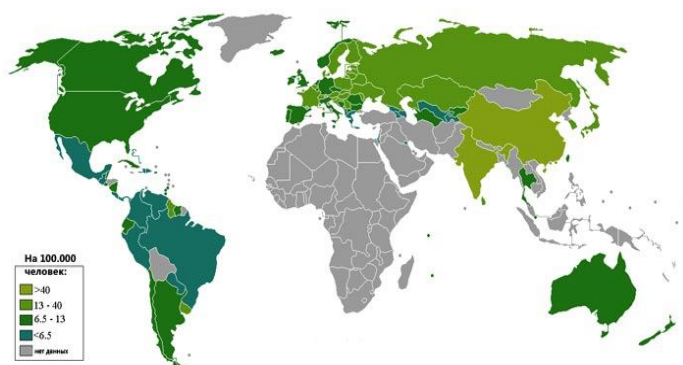

Таблица взята из «Помощь проекту жизни»
(<http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm>)

Главной проблемой современного Евросоюза, по мнению О. Буториной, является «утрата европейской идеи», той самой, «которая скрепляла бы чувство солидарности европейцев и их *готовность вместе противостоять опасности*» (курсив мой – Авт.). «Невнятность европейской идентичности» – следствие изъятия из текста европейской конституции еще на стадии подготовки упоминания о христианских корнях Европы, замалчивания «наследия крестовых походов, противоборства пап и императоров, Ренессанса, церковной реформации и религиозных войн, колониализма и Просвещения», истории мировых войн, социалистического периода и т.д. в обмен на «универсальные («для всех – значит, ни для кого») ценности», не отвечают на вопрос: «Что значит быть европейцем сегодня?». В Договоре о ЕС ни разу не упоминаются *обязанности* граждан Евросоюза, хотя их права изложены весьма подробно*. То есть, каждый отдельный житель там, действительно, в первую оче-

* Повсеместному акцентированию разнообразных «прав» в ущерб обязанностям без которых, по сути дела, невозможна реализация каких-либо «прав» вообще, положил начало такой документ, как «Всеобщая декларация прав человека» 1948 г.

редь представляется, скорее, как *потребитель* прав, нежели как гражданин, отвечающий словом и делом за судьбу единой Европы. «Высокая цель, достижению которой человек готов посвятить себя и свою жизнь, таким образом, незаметно растворяется в череде оплаченных счетов и выигранных скидок»¹.

Наверное, пока еще трудно согласиться с таким довольно безапелляционным выводом автора о том, что «даже если кризис будет преодолен, нравственная травма, полученная европейским обществом, не оставит объединению никаких шансов на выживание в следующие 10-20 лет»². Да и предлагаемые ею рецепты, (изменение форм управления, формирование общей для всех политической площадки, становление широкой дискуссии о целях и задачах, преодоление демократического дефицита) не вызывают особой уверенности. Однако согласимся, что сегодня трудно представить себе выдвижение в ЕС какой-то новой цели, кроме намерения «потреблять больше», какой-то другой задачи, кроме окончательного «освобождения» его граждан от последних моральных скреп и ограничителей. Пожалуй, сама попытка ЕС найти себе нового (старого) врага в лице России в связи с событиями на Украине, есть ни что иное, как стремление вернуться во времена «холодной войны», когда у европейцев имелась хоть какая-то более или менее внятная цель.

Успехи, достигнутые «евроскептиками» на выборах в Европарламент в июне 2014 года, отнюдь не удивляют. Мало того, они были *предсказуемы*. Поэтому стоит задуматься над тем: не станут ли они началом конца европейской интеграции, появившейся как ответ на «угрозу с Востока» и всту-

¹ Буторина, О. Указ. соч. С. 188.

² Там же. С. 192.

пившей в «период полураспада» после того, как этой «угрозы» не стало?

Манкурт*

(1292231276 mankurt ipg <http://procella.ru/uploads/posts/2010-12>)

Настоящие выводы из кризиса 2008-2013 гг. не были сделаны потому, что они затрагивают *цивилизационно-культурные пласты, лежащие в основе цивилизации Запада*. Следовательно – они не будут сделаны *никогда*. Не случайно, что наиболее реалистически-настроенные европейские

* В романе Ч. Айтматова «Буранный полустанок» («И дольше века длится день»), предназначенному в манкурты пленнику обривали голову и надевали на неё *шири* – кусок шкуры с вьюной части убитого верблюда. После этого ему связывали руки и ноги и надевали на шею колодку, чтобы он не мог коснуться головой земли; и оставляли в пустыне на несколько дней. На палящем солнце *шири* съёживалась, сдавливая голову, волосы врастали в кожу, причиняя невыносимые страдания, усиливаемые жаждой. Через какое-то время жертва либо гибла, либо *теряла память о прошедшей жизни и становилась идеальным рабом*, лишённым собственной воли и безгранично покорным хозяину. Манкурт не знал, кто он, откуда родом, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери — одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом. Лишенный понимания собственного Я, манкурт, *с хозяйственной точки зрения обладал целым рядом преимуществ*. Он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен. Он никогда не помышлял о бегстве. Согласно толковому словарю русского языка Ефремовой: «Тот, кто забыл свое прошлое, отказался от своих национальных обычаев, традиций, ценностей, потерял нравственные ориентиры» ([http:// dic.academiic.ru/dic.nsf/efremova/276365](http://dic.academiic.ru/dic.nsf/efremova/276365)).

аналитики (в частности, французские – см. предыдущую главу) ищут для Европы нового «врага», который вновь, как в начале 50-х гг. XX в. смог бы мобилизовать ее силы. Такого же нового врага и для Европы, и для самих себя ищут сегодня и Соединенные Штаты. Витальность США как неформального центра силы цивилизации коллективного Запада, как полагал американский ученый Дж. Киршнер, серьезно пострадала после ухода с исторической сцены их главного конкурента – СССР, что сразу же отразилось на состоянии их экономики и политики. Таким образом, пресловутая «толерантность» есть лишь следствие утери Западом его вселенского противника в глобальной конкурентной борьбе и, возможно, – предпосылка для возобновления этой борьбы на новом уровне («Великие Войны Духа» Ф. Фукуямы). Вопрос лишь в том, как скоро *ненависть* придет на смену этой натужной «толерантности», и окончательно обрушит все то, что еще осталось от мирового порядка...

На фоне рассмотренных выше «тентативных» попыток обосновать реверсию старого, особняком стоят «лобовые». Дж. Фридман – сторонник создания Соединенными Штатами «всемирной империи», для строительства которой, по его мнению, хороши любые средства если они оправданы «морально» (разумеется, с точки зрения американской морали!) Этот горячий сторонник маккиавеллизма считает, видимо с учетом нынешнего кризиса, что Европа – «это уже не самое главное» и призывает резко нарастить мощь США, как «абсолютного лидера», в том числе и путем резкого усиления президентской власти¹ (скатывание в авторитаризм? – Авт). Практические шаги, предпринимаемые в этом направлении, хорошо известны.

Вопрос о том, способны ли окажутся Соединенные Штаты, руководствуясь, как это предлагает Дж. Най, «умной си-

¹ Friedman, G. La Próxima década. Barcelona, 2011.

лой» (“*smart power*”),¹ вступить в конструктивный альянс с новыми «восходящими странами», будет рассмотрен ниже. Однако уже сейчас стоило бы прислушаться к мнению колумбийского ученого К. Гарсиа Тобона, который обвинил цивилизацию Запада в «антимодернизме». «Если западный мир не спустится со своего эгоцентричного пьедестала, не преодолеет собственный аутизм и не начнет воспринимать мир как вместилище различий, если он по-прежнему будет навязывать свое господство, то совершит крупную историческую ошибку»².

Проф. Дж. Най

Но можно ли сегодня в корне пересмотреть философию силы, которая возвеличила цивилизацию Запада и в течение пяти с лишним веков помогала ему сохранять свое господство? Не приведет ли «возвышение» этих «других» к их (справедливым?) попыткам *отомстить* Западу за века унижения и эксплуатации? Ведь, «лидеры Запада часто за-

¹ Nye, J. *The Future of Power*. N.Y., 2011.

² Carlos García Tobón. *China su larga marcha hasta la globalización*. Bogotá, 2009. P. 34.

бывают об этом, тогда как представители других цивилизаций не забудут об этом никогда»¹.

Уважительное отношение к международному праву Бразилии и «глобализм» с изрядной долей *визионерства* России способны, на наш взгляд, преодолеть инертность и ограниченность евроцентризма, добавив позитива в мировую политику. Но как поведет себя Китай? Не секрет, что именно этот участник формата БРИКС приковывает к себе самое пристальное внимание аналитиков и мировой общественности.

7. «Китайский синдром»

Появление понятия «желтая опасность» некоторые приписывают Наполеону, который считал, что пока Китай «спит», все идет «как надо», но «хуже будет, когда он проснется». Германский император Вильгельм II, пугал «цивилизированную Европу» «желтой опасностью» в начале XX века. Характерно, что мнение о Китае, как о потенциальной или реальной угрозе отстаивалось именно теми, кто сам сверг Европу и мир в серию глобальных войн. Но и сегодня большинство комментариев западных аналитиков посвященных Китаю, проникнуты смесью непонимания, восхищения и страха, а во многих подспудно воскрешается понятие «желтой опасности». Американский ученый А. Фридберг, например, аргументирует невозможность установления взаимопонимания между США и Китаем «фундаментальным расхождением их интересов» и призывает Соединенные Штаты «проявлять твердость в отношениях с ним»². Более «миролюбиво» настроен Дж. Айкенберри, который

¹ Huntington, S. The Clash of Civilizations? P. 39.

² Россия в глобальной политике. Сентябрь-октябрь 2012. №5. С. 150, 157.

полагает, что Китай, рано или поздно, начнет «играть по либеральным правилам», хотя и считает, что его восхождение станет «величайшей драмой XXI века»¹. Ответ на вопрос, почему доселе мирное восхождение Поднебесной вызывает столь смешанные чувства на Западе попытался дать Гарсиа Тобон: «Потому что Китай намерен освободить США от их роли «оси», вокруг которой сегодня движется мир, и готов сделать это методами, отличными от применявшихся до сих пор, в том числе и Соединенными Штатами, а именно: мирно, осмысленно, долговременно и на основе равноправного сотрудничества»².

Но насколько можно доверять мнению тех, кто столь доверительно относится к «мирному восхождению» Поднебесной? На сегодняшний день на Западе все-таки больше тех, кто испытывает к ней недоверие. Находятся, в частности, и такие, кто не считает нынешнюю торгово-экономическую и финансовую политику Китая достаточно «мягкой». Они приводят примеры демпинга дешевых китайских товаров, заниженного курса юаня, экономической экспансии КНР в странах Африки, Азии и Латинской Америки^{*}. Не станем, однако, приравнивать экономическую политику, которая, как показала практика, помогла вывести из состояния бедности миллионы людей в этих странах к колониальным захватам и войнам «великих держав». Если сегодня Китай и «ворует» некоторые технологии и патенты Запада, то не стоит забывать, что тот же Запад в свое время украл у китайцев бумагу, компас, порох, фарфор, и пр., «заплатив» им за все это неравноправными договорами в XIX и XX веках.

¹ Foreign Affairs, 2008.

² Carlos García Tobón. Op.cit. P. 259.

* Напр. выступление проф. Лиссабонского университета А. Маламуда на международном симпозиуме в г. Саламанка «БРИКС: Бразилия – восходящая держава», 8 апреля 2011 года.

О фундаментальном расхождении не просто «интересов», но «цивилизационных ценностей» между Китаем и Западом весьма аргументировано говорит бразильская исследовательница Ана Жагуарибе. Она напоминает, что геополитической «сверхзадачей» императорского Китая было удерживать «варваров» вне пределов своих границ, при том, что сам он, веками сохраняя политико-культурное единство и ассимилируя захватчиков, не прибегал к колониальным захватам, даже несмотря на наличие мощной армии и флота в годы правления династии Мин (1430-е гг.). Все это «весьма существенно контрастирует с универсалистским видением американцев и вестфалианскими традициями политического суверенитета, распространенными в Европе», – отмечает бразильский синолог¹. Да и «патриарх» американской дипломатии и политической науки Г. Киссинджер согласен с тем, что «универсалистская парадигма политического суверенитета США – это постоянная антитеза парадигме долгосрочного планирования Китая, веками озабоченного состоянием своей территориальной и экономической безопасности»².

«Величайшей драмой» XXI в., по нашему мнению, является не «восхождение» Китая в мировой «табели о рангах», а то, что более глубокие и предметные *знания* о нем и, соответственно, *понимание* его цивилизационной специфики (истории, религии, философии, культуры) все еще остаются уделом достаточно узкого круга специалистов. Да и те знания, которые проникают на «массовый» уровень, как правило, проходят сквозь фильтры западного мировидения. Определенную роль в этом играют также мало осознанные, но, в то же время, подспудно присутствующие в сознании людей рецидивы «бытового» расизма, которые заставляют

¹ Política Externa. São Paulo, 2011. N2. P. 237.

² Kissinger, H. On China. N.Y., 2011. P. 356.

представителей цивилизации Запада делить мир по принципу «мы» и «они». Это в равной степени относится и к пониманию ими специфики латиноамериканской, индуистской и африканской культур. В определенной степени то же самое можно сказать и об отношении англосаксонского Запада к российской культуре и российскому мировидению.

Не случайна в этом плане и та, поистине удручающая, скудость вариантов встраивания Китая в глобальный контекст, которые предлагаются западными политологами. Это – либо «реалистический», когда Китай, накопив силы, бросает вызов сложившемуся статус-кво путем «жесткой силы», наподобие того, как это делала в начале XX в. Германия (Дж. Курт, А. Фридберг, Дж. Фридмэн), либо «либеральный», когда Поднебесная «мягко» встраивается в существующий прозападный миропорядок на правах *de facto* подчиненной цивилизации (П. Каценштайн, Дж. Най, Дж. Айкенберри и др.). Приводимые ими при этом примеры Японии, Южной Кореи и, реже, – Турции, вполне красноречивы. Но ни та, ни другая альтернативы, по нашему мнению, не будут иметь места не только потому, что цивилизационно-культурная самобытность Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР не позволяет им принять «западные ценности» в чистом виде. Главное, что ни та, ни другая альтернативы *не способны содействовать решению глобальных проблем, поскольку они не гарантируют обновления мировой политики.*

Латиноамериканские авторы, пишущие о Китае, считают необходимым условием будущего миропорядка предложение им собственных инструментов и методов решения этих проблем. *Дефицит нового* – вот что (а не только и не столько экономика) реально беспокоит и Дж. Ная, когда он пишет, что «Рим разложился изнутри», а «современный Рим» (то есть «коллективный Запад» во главе с США) по-прежнему продолжает придерживаться устаревших пред-

ставлений о силе¹. Но кто сегодня способен придать миру этот «импульс нового» если не страны БРИКС?

В работах западных политологов стало уже общим местом упоминать фразу средневекового военного теоретика Сун-цзы о том, что лучшим генералом является тот, кто не выиграл ни одного сражения. Она на несколько столетий упредила «стратегию не прямых действий», которую в XX веке отстаивал британский военный историк Лиддел Гарт, и может считаться установочной для появившейся еще позднее теории «мягкой силы» Дж. Ная. Однако в понимании последнего «мягкая» (в другом варианте «умная» – *smart* - сила) – это средство для обеспечения информационно-культурного доминирования США, навязывания «ценностей» американского образа жизни и идеологических установок «цивилизации модерна» («индивидуализм, плюрализм, экуменизм и более свободное ощущение общих моральных устоев»). Не случайно КВП Российской Федерации 2013 г. упоминает о возможности использования «мягкой силы» «в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках гуманитарных проектов, связанных с защитой прав человека за рубежом».

Специфику «мягкого» китайского вклада в формирующийся миропорядок Дж. Купер Рамо видит в другом: в «стереоскопическом» видении современных проблем, в воспитанной веками способности китайцев принимать во внимание их *исторический фон и детали* и не форсировать их решение в угоду конъюнктуре. В качестве иллюстрации американский исследователь привел пример, когда двум группам американских и китайских студентов показали од-

¹ Nye, J. Op. cit. P. 162.

ну и ту же картину и попросили и тех, и других описать увиденное. Американцы увидели центральную фигуру, абстрагируясь от мелких деталей. Китайские студенты начали с второстепенных, скрупулезно перечислив их все, а затем уже назвали центральную. В этом примере хорошо отразилась специфика американского восприятия* глобальных проблем, когда, например, такое комплексное явление, как международный терроризм редуцируется до размеров конкретной личности или организации, проблема наркоторговли сводится почти исключительно к производству наркотиков, преступность, миграции, бедность и пр. объясняются отсутствием в той или иной стране демократии американского образца.

Одномерное видение, соблазн «простых» решений, растратажированный Голливудом культ героя, решающего все проблемы разом и в одиночку спасающего мир – все это мы видели не раз не только в кино, но и в мировой политике и экономике. Дж. Купер Рамо и другие авторы (Н. Фергюссон, Х. Вельтцер, Г. Тобон и др.) считают, что конфуцианство, которое лежит в основе китайской цивилизации и «объединяет все со всем», позволит миру преодолеть редуционизм Запада, а заодно и «изжившее себя наследие Аристотеля», которое предлагает разложить явление по час-

* «Американцы, – отмечал известный специалист в области кросс-культурной коммуникации и методам ведения бизнеса Р. Льюис, – не понимают других благодаря изоляционизму и замкнутости, как географической, так и умственной. Они пребывают в мощных и всеохватывающих «культурных черных дырах», во власти убеждений такой силы, которая не дает оспорить эти убеждения. Эти культурные черные дыры не дают возможности провести внимательный анализ культур и программ других народов и стран. Если вы верите в американскую мечту, то вам уже не нужны какие-либо программы и идеи» (Льюис, Р. Столкновение культур. М., 2013. С. 122)

тям, для того, чтобы *проше* (курсив мой – Б.М.) постичь целое»¹.

Некоторые западные правоведы и политологи также стараются сегодня глубже вникнуть в специфику международно-правовой доктрины КНР, констатируя, что ее краеугольным камнем является уважение к принципам суверенитета и невмешательства во внутренние дела. В этом смысле, полагают они, риторика, которая ставит «права человека» выше принципа суверенитета для китайцев «абсурдна и не может быть применена на практике»². Очень многие отмечают влияние религиозной философии конфуцианства, подчеркивая такие важные ее составляющие, как уважение к авторитету, иерархичность, четкость представлений о Добре и Зле, приверженность мирному решению противоречий и конфликтов. «Китай, – отмечал португальский ученый А. Каррису, – не менее «морализаторская» держава, чем США, но ее «морализаторство» имеет исключительно внутреннее применение и не носит столь же прозелитистского характера»³.

Но не «растеряет» ли Китай по мере продвижения к высотам мировой иерархии своей привычки «поспешать не торопясь»? Иначе – не являются ли методы «жесткой» силы неизбежным атрибутом всех «власть придержащих»? Как отмечал российский исследователь А. Кокошин, Китай в своем регионе был «единственной супердержавой, соизмеримой по степени могущества и влияния с Римской империей. С его уникальным сочетанием цивилизационной непрерывности и цикличности, он приобретал роль сверхдержавы на протяжении примерно двух тысяч лет несколько раз»⁴.

¹ Cooper Ramo, J. The Age of Unthinkable, p. 153.

² Segurança Internacional. Perspetivas analíticas. Lisboa, 2013. P. 281.

³ Ibidem. P. 290.

⁴ Международная жизнь, 2002. №9-10.

Идеализм в восприятии Китая, наверное, столь же опасен, как заведомо негативное восприятие его подъема. «В Китае, конечно же, были лидеры, которые противились войнам, но были и такие, которые к ним активно прибегали. «Реалисты», – пишет Ян Моррис, – ссылаются на то, что «осторожная» внешняя политика КНР после Корейской войны, объяснялась не столько конфуцианством, сколько военной слабостью»¹. С 2006 г. военный бюджет КНР увеличивался ежегодно на 16%, и на сегодняшний день эта страна занимает 2-е место в мире по расходам на вооружения (119 млрд долл. – 2011 г.)², намереваясь обогнать абсолютного «рекордсмена» – Соединенные Штаты, уже к 2020 году. Многие обозреватели указывают на то, что начало второго десятилетия нового века ознаменовалось обострением территориальных споров Китая с Японией (о-ва Спратли) и Вьетнамом (Парасельские о-ва).

Выступая на международной научной конференции по БРИКС, проходившей в мае 2014 г. в Рио-де-Жанейро, делегат КНР проф. Хао Чжан заявила, что видит свою страну безусловным лидером этого формата, учитывая ее несопоставимую с остальными экономическую и финансовую мощь. Отношение Пекина к БРИКС, по мнению китайской исследовательницы, будет строиться по принципу «три основы (Россия – Китай – Индия) – два крыла» (Бразилия – ЮАР). С учетом новых геополитических реалий XXI века, три континентальные страны БРИКС (своеобразный «новый хартленд») в процессе своего «восхождения» будут остро нуждаться в океанической проекции. Как Бразилия, располагающая 8,5 тыс. км атлантического побережья, так и ЮАР, расположенная на «стыке» Атлантического, Индийского океанов и Антарктиды, могут гарантировать конти-

¹ Ian Morris. Why the West Rules – For Now. London, 2011. P. 589-590.

² Ежегодник СИПРИ. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 197.

ментальной «тройке» такую проекцию с точки зрения обеспечения свободы морских торговых путей и, возможно, работы по срыву планов «нового римленда» (Англо-Америка) по их эвентуальному блокированию. Не секрет, что важнейшую роль в мире вскоре будет играть свобода доступа к ресурсам моря, полезным ископаемым континентального шельфа и океанского дна и обостряющаяся в связи с этим глобальная конкуренция. А о том, что такая конкуренция неизбежно *будет* обостряться свидетельствует «Военно-морская стратегия Великобритании» где акватории Арктики и Антарктики, Южно-Китайского, Красного, Средиземного и Карибского морей, Персидского и Аденского залива, Северного морского пути (Sic! – Б.М.) и др. считаются «стратегически – важными» для Британского флота¹.

Геополитика, конечно же, остается геополитикой, и трудно (да и неуместно) рассчитывать на то, что страны БРИКС не будут принимать в расчет геополитические и геоэкономические императивы нашего времени. Думается, однако, что даже если бы Китай и захотел встать на рельсы «великодержавности», то его свобода маневра на этом пути сегодня была бы гораздо более ограничена по сравнению с XIX-м и XX-м веками. Времена беззастенчивого упоения «жесткой силой» если еще и не миновали, то вероятно, что этот процесс уже «пошел». Ее безоглядное использование становится признаком деградации и упадка. В этих условиях неизбежно изменяются представления о *лидере* и *лидерстве*, как в региональном, так и в глобальном смысле. Если по Дж. Айкенберри лидерство – это все еще «власть или сила», а осуществлять лидерство – «значит принуждать других делать, то, что в ином случае они бы не стали делать»²,

¹ The UK National Strategy for Maritime Security. HM Government, London. May 2014.

² Political Science Quarterly, 1996. N3.

то А. Богатуров определяет регионального лидера, как *государство, которое при наличии признанного авторитета на основе «мягкой силы» способно претворять в жизнь собственное видение международных отношений, учитывая при этом интересы других стран, не нанося, при этом, вреда собственным интересам»*¹. И так, или грубое принуждение, или учет интересов. Эта дилемма отражает в себе даже не столько даже цивилизационное различие между Западом и Востоком, сколько *принципиальную разницу между прошедшей и наступающей эпохами*. Очевидно, что дело только во времени, которое потребуется людям для осознания необратимости происходящих перемен. По нашему убеждению, это произойдет, конечно же, далеко не завтра, а за столь длинный срок в мире может случиться очень многое.

Другим важным фактором, который может предотвратить скатывание Китая на путь гегемонизма («исторической мести»), способен стать сам процесс формирования многоцивилизационного мира. «Будущий мир будет управляться на основе межцивилизационного сотрудничества, или же не будет управляться вообще. В этом мире государства-центры соответствующих цивилизаций сами будут гарантировать порядок внутри своих цивилизационных ареалов и договариваться с центрами других цивилизаций»². Появление БРИКС, как, по сути дела, первой *иноцивилизационной альтернативы (альтернатив) Западу* может рассматриваться в качестве первого шага на пути построения многоцивилизационного мирового порядка.

Но и на этом пути немало подводных камней. Первый - отсутствие явно выраженного центра в одной из наиболее влиятельных и бурно развивающихся цивилизаций нашей

¹ Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы, 2006. №3.

² Huntington, S. The Clash of Civilizations, p. 156.

планеты – *исламской*, что усложняет функционирование системы с точки зрения «адресности» контактов, учитывая остроту противоречий между христианской, индуистской и конфуцианской цивилизациями, с одной стороны, и миром Ислама (внутри которого также усиливается расслоение) – с другой. Налицо и неблагоприятные исторические наслоения, противоречия стратегического и тактического порядка и, наконец, религиозные, культурные и пр. различия между самими членами БРИКС – группировки, которая, к тому же, пока не приобрела характера юридически оформленной международной структуры. Не следует также сбрасывать со счетов и противодействие «восхождению» БРИКС со стороны «Англо – Америки», которое по мере развития и совершенствования формата БРИКС, приобретения им структурных характеристик и т.д., по нашему мнению, будет только возрастать.

8. БРИКС: искомая альтернатива?

Акроним «БРИК» привился в международном политическом лексиконе начиная с 2001г, когда прогноз инвестиционного банка «Голдман анд Сакс» вывел Бразилию, Россию, Индию и Китай на передовые позиции в мировой экономике и политике к середине XXI века^{*}. С тех пор появилось не-

^{*} Было бы, однако, неверным считать БРИКС «плодом» теоретических построений аналитиков из «Голдмэн Сакс». Как уже неоднократно указывалось, генезис объединения восходит к идее «треугольника» Россия – Индия – Китай, выдвинутой министром иностранных дел РФ Е.М. Примаковым в 1997 г., к его задаче налаживания стратегического партнерства с Бразилией («Декларация о принципах отношений между Российской Федерацией и Бразилией, устремленных в XXI век), а также к стремлению Бразилии обеспечить преференциальное сотрудничество «стран-гигантов», проявившемуся еще в период администрации Ф. Эн-

мало новых редакций этого прогноза, а также исследований, проведенных другими структурами (в том числе – разведывательным сообществом США), где этот вывод уточнялся, дополнялся, конкретизировался. На тему БРИКС и в России, и за рубежом было написано немало работ и были проведены сотни международных конференций. Саммиты глав государств БРИКС стали международной реальностью, начиная с 2009 года (Екатеринбург). Необходимость развития долгосрочного сотрудничества по линии БРИКС фигурирует в системообразующих документах внешней политики и политики безопасности всех государств, входящих в эту группировку. В России – это «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2009 и 2013 годов и «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

В 2011 г. формат БРИК пополнился представителем Африки – ЮАР, и группировка преобразовалась в БРИКС. В 2014 г. на саммите в Форталезе (Бразилия) было принято историческое решение о создании Банка БРИКС с уставным капиталом в 100 млрд. долл. и Резервного валютного фонда для финансирования совместных проектов и дистанцирования от доллара как универсального платежного средства.

Список для попадания в БРИКС не закрыт, и шансы могут получить другие государства (например, Аргентина, Индонезия, Мексика). Но здесь мы сталкиваемся с неким внутренним противоречием, которое оставалось относительно малозаметным вплоть до тех пор, пока под влиянием глобального кризиса темпы роста БРИКС не начали замедляться. Начались разговоры о том, что парадигма восхождения БРИКС исчерпала себя, и что XXI век обойдется «без

рике Кардозо (1994 – 2002 гг.) В этом случае становится очевидным неконъюнктурный характер этого формата.

сюрпризов». Но, оставим на время экономические выкладки.

Как мы пытались показать выше, главное для БРИКС – это, все-таки, не экономика, при всей той важности, которую она играет в международном позиционировании государств. Главное – это совместный, возможно в чем-то еще интуитивный, поиск ими *альтернативной модели развития*, основанной на утверждении многополюсности в глобальной политике, сбалансированности в экономике и торговле и попытках внедрения элементов социальной справедливости в политике внутренней, поскольку ***основным вкладом БРИКС в формирующийся новый мировой порядок до сих пор является парадигма «мягкого» восхождения, отличная от парадигмы восхождения «великих мировых держав» прошлых эпох.***

Что нового могут внести БРИКС в формирующийся миропорядок?

Наиболее позитивным следствием включения их в мировую политику нам видится *укрепление роли государства* как важного регулятора экономической и социальной жизни и разработчика основанной на принципе суверенитета доктрины универсального международного права. Та цивилизационная парадигма, которую навязывает сегодня миру «Англо-Америка», отводит государству малозначительную роль, представляя его не столько как агента, сколько как потенциальную помеху интересам общества. В ходе глобального кризиса заявления о необходимости пересмотра этой парадигмы прозвучали уже не только с высоких трибун, но начали подтверждаться и в реальной политике на примере ряда антикризисных мер, поскольку масштаб решаемых проблем оказался не по силам частному бизнесу даже на его самых «верхних этажах». «Теперь стало ясно, – отмечал немецкий ученый Х. Вельтцер, – что модели, предлагаемые ОЭСР, не могут служить обязательной основой для станов-

ления и развития новых социумов, поскольку происходящие в них процессы на практике могут принимать формы, весьма отличные от тех, которые до сих пор казались нам незбылемыми»¹.

Разумеется, трудно ожидать, что нынешний кризис круто развернет «мейнстрим» в противоположном направлении – от неолиберализма к дирижизму. Но уже сейчас очевидно, что даже при восстановлении мировой экономики нового отката к неолиберализму ожидать не приходится. Развитие мировой экономики вероятнее всего пойдет по пути синтеза – сочетания конструктивных решений «классического» либерального толка и неокейнсианских, социал-демократических подходов. К тому же, учитывая императивы XXI века и, прежде всего, усложнение «старых» глобальных проблем и появление «новых», посткризисный период, очевидно, будет связан с усилиями по модернизации государства, с наращиванием его работоспособности и насыщением современными средствами управления. В этом смысле *цивилизационная синергия* – сплав государственного и частного, индивидуального и коммунитарного начал может быть способна создать в мире особый креативный настрой, который выдвинет «страны – гиганты» в авангард назревших перемен.

Страны БРИКС уже предложили новые рецепты перестройки механизмов глобального регулирования, которые отчасти начинают преобразовываться в реальность. Формирование «Большой двадцатки» («Г-20») стало признанием новой реальности: относительного ослабления потенциала традиционных центров и тенденции к возрастанию веса и влияния формирующихся новых. В расширенном составе одного из «клубов» глобального регулирования теперь представлены восходящие гиганты Азии – Китай и Индия,

¹ Weltzer, H. Op. cit. P. 123.

новая промышленная держава в лице Южной Кореи. Представительная латиноамериканская «фракция» включает Бразилию, Мексику и Аргентину.

На лондонском саммите «двадцатки» (апрель 2009 г.) наряду с уточнением общих целей стали просматриваться некоторые контуры коллективных действий. Тонус нового экономического мировосприятия восходящих стран направлен теперь на усиление механизмов регулирования и работоспособности международных финансовых институтов, наряду с расширением их репрезентативности, на стимулирование роста мировой торговли и отказ от протекционизма, на возобновление масштабного кредитования, темпов экономического роста и занятости, на обеспечение общего «включающего, зеленого и устойчивого» подъема в мировой экономике.

Однако в этой связи возникает вопрос: готовы ли неформальные структуры в лице «Г-8», «Г-20» и БРИКС дополнить и укрепить собой формальные, и прежде всего – ООН, или же, наоборот, они могут лишь урезать их правосубъектность с переводом общеглобального дискурса на «сетевой» уровень (НАТО, ВТО, БРИКС, региональные институты), как это предлагают сделать некоторые аналитики (Ф. Фукуяма, Дж. Най, Дж. Фридмен)? Ведь создание в 1975 г. в Рамбуйе (Франция) «неформальной» «Большой семерки» – самого первого из сегодняшних «клубных механизмов» ставило цель обойти существующие бюрократические барьеры (в первую очередь, в лице ООН) и при наличии общей политической воли выйти на приемлемые для Запада решения проблем. Таким образом, можно считать, что формат БРИКС, с одной стороны, укрепляет и дополняет существующие международные институты, а с другой – демонстрирует «ограниченность их возможностей»¹.

¹ Международные процессы, 2012. №2. С. 103.

Остается, пока, нерешенным и другой вопрос: как долго продлится «мягкое» восхождение БРИКС и «примыкающих» к ним? Станет ли оно в конечном итоге новым посылом “*Urbi et Orbi*” («Городу и миру»), или же, под воздействием жесткой реальности откатится на привычные рельсы? Отчасти мы уже пытались ответить на этот вопрос применительно к Китаю. Не будем забывать, что за единственным, пока, исключением – ЮАР, *все* страны БРИКС, включая Бразилию, входят в первую десятку государств с наибольшими тратами на вооружения и, похоже, что в стратегии восхождения они не собираются уповать исключительно на «добрую волю» (что совершенно понятно) со стороны нынешних «мэтров» мировой экономики и политики.*

На сегодняшний день не решен, по сути дела, вопрос об отношениях между БРИКС и «коллективным Западом», вернее «Англо-Америкой». Эти отношения до сих пор остаются в значительной степени неопределенными и непредсказуемыми на фоне общего, достаточно негативистского, восприятия Западом этого формата. При этом очевидно, что «существующая международно-правовая нормативная система не способна противостоять неправовым решениям Запада, а линейная политика защиты западных интересов сохранит глобальный характер и будет опираться на реализацию мирового лидерства США, их военно-технологический потенциал»¹. Несмотря на многочисленные заверения саммитов БРИКС о ненаправленности против третьих стран,

* Внимание наблюдателей, в частности, привлекло то положение «Стратегии национальной обороны Бразилии» (декабрь 2008 г.), где в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности страны впервые рассматривается государство, «обладающее многократным военным превосходством».

¹ Трансатлантизм и БРИКС: перспективы стратегического сосуществования. Центр евроатлантической безопасности Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, М., 2012. С. 2-3.

этот формат и дальше будет восприниматься как некий противовес глобальному влиянию Запада. Отсюда – его намерение игнорировать БРИКС, скептическое восприятие им возможностей влияния этого формата на состояние мировой экономики и политики и попытки повлиять на формирование предубеждения в отношении БРИКС среди соответствующим образом настроенных слоев общественности внутри самих БРИКС, в том числе и внутри России.

Наверное, не секрет, что от перспектив взаимодействия БРИКС и Запада в немалой степени будет зависеть судьба многих нынешних формальных структур глобального сотрудничества, в том числе и ООН. Специалисты МГИМО отмечали, что «учитывая приверженность БРИКС принципам и нормам международного права, центральное место в повестке дня отношений «пятерки» с США могли бы занять задачи расширения договорно-правовой основы взаимоотношений, дальнейшего развития практики решения международных проблем исключительно на правовых началах»¹.

Это пожелание представляется нам, все же, несколько оторванным от действительности. С учетом особенностей правосознания Соединенных Штатов, попытки рассматривать Вашингтон в качестве приверженца международного права и многосторонней дипломатии, вызывают ассоциацию со злостным нарушителем ПДД, который ратует в пользу ограничения скорости. Что же остается? Конфронтация? Невольно вспоминаются прогнозы Ф. Фукуямы о «Великих войнах духа» и строки С. Хантингтона о «конфликте цивилизаций»...

Сегодня необходимо задуматься над проблемой нахождения правильного соотношения между парадигмой «мягкого» восхождения новых глобальных величин (помимо БРИКС специалисты отмечают еще и так называемую «Г-

¹ Там же. С. 12.

11») * и тем, что США, ЕС и Япония *«уже в полной мере реализовали свой потенциал восхождения»* (курсив мой – Б.М.), когда при всем желании США сохранить доминанту «монополярной модели», ее можно отнести преимущественно к 90-м годам прошлого столетия.

П. Брейгель-старший. Слепые.

В монографии В. Давыдова и А. Бобровникова этот тезис – один из центральных. Бразилец Роберто Тейшейра да Коста с конкретными цифрами в руках также отмечает «ослабление Соединенных Штатов в качестве глобального экономического лидера, трудности, испытываемые ЕС в деле консолидации своего политического веса и относительную потерю Японией своей глобальной значимости как факторы, которые создают принципиально новую ситуацию на

* Автор акронима «БРИКС» Дж. О'Нил считает, что в эту группу входят Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Южная Корея, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Турция и Вьетнам.

мировой шахматной доске»¹. Академик Н.А. Симония считает, что «Соединенные Штаты уже давно прошли пик своего могущества, и настойчивые усилия сохранить сверхдержавность только ускоряют их движение по наклонной плоскости»², да и эксперты «Голдмэн Сакс» не спешат пересматривать свои прогнозы. «Срок годности» клуба западных демократий давно истек», – утверждает Дж. О`Нил³.

Известно, что старое не сдает своих позиций без боя, и прежние пассажиры в элитном «поезде Истории» вряд ли готовы с легкостью уступить свои места в «первом классе» пассажирам из «третьего». Можно согласиться с мнением В.М. Давыдова о том, что переход к многополярному миропорядку «неизбежно чреват определенными рисками, которые неоднократно демонстрировала история при перераспределении сил и влияния на мировой арене»⁴. И даже если предположить, как это делает И. Сафранчук, что БРИКС «станет дополнением глобальных институтов», при *его же* рекомендации им не входить «даже на самых выгодных условиях» в эксклюзивный «клуб» Запада и «стараться выдвигать альтернативы тем ценностям, которые он воплощает»⁵, трудно отделаться от мысли, что намерение БРИКС «не дружить против кого-то» так и останется благим пожеланием. Действительно, не выдвигать альтернатив, идущих вразрез «ценностям Запада», для БРИКС невозможно. Это

¹ Política Externa. Mar/Abr/Mai 2011. N4. P. 118.

² Симония Н.А. Социально-экономические аспекты глобального лидерства // Международные процессы, 2010. №3. С.16-29.

³ Дж. О`Нил. Карта Роста. М., 2013. С. 178.

⁴ БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. Сборник докладов и выступлений на международной конференции М., 2010. С. 35.

⁵ BRIC in the New World Order. Perspectives from Brazil, India and China (Ed. Nandan Unnikrishnan and Samir Saran), New Delhi, 2010. P. 9.

чревато «потерей лица» и неизбежным приговором новому формату.

Секретарь Департамента по экономическим вопросам правительства Индии А. Шеел напоминает, что корни нынешнего и будущих глобальных кризисов лежат в области, «которая традиционно не является предметом для дискуссии» (а это область тех самых «цивилизационных» ценностей!) и предвидит в этой связи неизбежное приближение «идеального шторма» в мировой финансовой системе, если человечество, например, не найдет равнодействующую между госрегулированием (привычным для БРИКС) и свободной рыночной экономикой («священная корова» Запада)¹. В том же «списке» планы БРИКС перейти на взаиморасчеты в национальных валютах и пр.

Глобальный кризис, затронувший все без исключения экономики мира, не мог не коснуться и БРИКС. Везде, включая Китай, упали темпы роста ВВП, увеличилась инфляция, усилилась внешняя задолженность, обострились социальные проблемы. Это дало повод противникам БРИКС заговорить о «начале конца» формата, с попытками подвести под эти утверждения научную базу*. Особенно в этом плане стали выделяться труды ведущего специалиста корпорации «Морган Стенли» Р. Шарма. В книге «Восходящие страны. В поисках экономического чуда», вышедшей в США в 2012 г., он предрек скорый конец восхождению БРИКС, в «пику» им акцентируя внимание на экономических успехах таких стран, как Южная Корея, страны Пер-

¹ Ibid. P. 49.

* Скоропалительность таких попыток наводит на мысль об их политической подоплеке. По мнению Дж. О'Нила даже если прирост ВВП, например, в Китае упадет с 10 до 7-8% (что и происходит в настоящее время), то КНР догонит США к 2027 г., а совокупный продукт всех стран БРИКС превысит аналогичный «Г-7» к 2040 году (Дж. О'Нил. Карта Роста, с. 35-36).

сидского залива, Польша, Чехия и страны Балтии. Красной строкой в его монографии проходит мысль о том, что «классический Запад» (США, Канада, страны ЕС и Япония) далеко не исчерпали свой потенциал восхождения и все «новое» в мире XXI века окажется хорошо всем знакомым «старым»¹.

Экономические выкладки, приводимые автором, его аргументация, основанная на сухих цифрах, по-видимому, вряд ли могут вызвать удивление у читателя, давно привыкшего к экономоцентричному объяснению большинства социальных феноменов. Однако сам автор, то ли памятуя о том, что с чисто-экономических позиций не удалось ни предсказать возникновения глобального кризиса, ни более или менее точно предвидеть его течение и перспективы окончания, то ли отдавая дань последним культурологическим «веяниям», похоже, не слишком настаивает на «голом экономизме». В начале своей книги он охотно соглашается даже с тем, что «никто не может с точностью предсказать, какие факторы способствуют, а какие препятствуют развитию национальных экономик»². В своем неприятии так называемой «кабинетной» экономики Р. Шарма – что весьма симптоматично – совпадает с автором концепции БРИКС Дж. О'Нилом, для которого одинаково неприемлем «ленивый консенсус» тех экономистов, которые в начале 80-х гг. прошлого столетия полагали, что и следующее «не будет резко отличаться от недавнего прошлого и настоящего»³.

Пытаясь не прослыть «кабинетным экономистом», Р. Шарма прибегает к довольно рискованным утверждениям. В отношении России он считает, что «некоторые страны

¹ Sharma, R. Países Emergentes. Madrid, 2013. P. 290.

² Ibid. P. 12.

³ О'Нил, Дж. Карта роста. М., 2013. С. 126.

слишком велики для успешного развития»¹ (забывая, что и США, и Канада, и Австралия, да и вторая экономика современного мира – Китай – далеко не «карлики»). Что касается Китая, то американский исследователь предельно откровенен: «более медленное развитие Китая ослабило бы его агрессивность, снизило бы геополитические трения, торговые и финансовые противоречия и уменьшило бы повсеместные страхи насчет «пробуждающегося дракона». В целом, это было бы не так уж плохо»². Сходство между Индией и Бразилией он видит в том, что «бразильцы и индусы больше похожи на итальянцев, чем на немцев», потому что «шумны, склонны к невыполнению обещаний, предельно неформальны в общении и непунктуальны». И именно это делает их объединение в конгломерате «восходящих» стран «мало-обещающим»³. Утверждение, согласимся, «балансирует» на грани расистского, несмотря на то, что его автор – этнический индус.

Р. Шарма полагает, что для преодоления наметившегося «затухания» роста БРИКС им следует, ни много, ни мало, отказаться от тех цивилизационных характеристик своих моделей развития, которые являются частью их *архетипа*. Его «рецепт» для Индии, например, – перевод общественных связей с личностной на нормативную основу, для Бразилии – прекращение вмешательства государства в социальную сферу, для Китая и России «дело», буквально, «за малым». Им, просто-напросто, необходимо изменить *менталитет* большинства населения.

Выписывая «рецепты» такого рода, автор даже не подозревает, что противоречит собственной идее о невозможности точного указания факторов, препятствующих или со-

¹ Ibid. P. 37.

² Ibid. P. 55.

³ Ibid. P. 63.

действующих развитию национальных экономик. Он не считается, например, с тем, что бичуемая им «закрытость» экономики Бразилии, в свое время помогла ей обзавестись практически всеми современными отраслями промышленности и избежать феномена «деиндустриализации», характерного для большинства развитых стран. Ведь самые мощные на сегодняшний день корпорации этой страны, снижавшие известность во всем мире: «Петробраз» и «Эмбраэр» зародились как государственные корпорации. То же самое можно сказать о госкорпорации ЭМБРАПА, которая вывела эту страну в первую десятку мировых производителей сельхозпродукции.

Р. Шарма «не замечает», что столь критикуемый им акцент на стабильность в «путинской России», помогает ей избегать гораздо более серьезных проблем, чем замедленные темпы роста ВВП, что для развития такой страны, как Китай, долгосрочные вложения в инфраструктуру гораздо важнее, чем извлечение краткосрочной прибыли, и т.д. При этом американский ученый почему-то сбрасывает со счетов усиление экономической взаимозависимости между развитыми и «восходящими» странами, которую он не в силах отменить даже несмотря на свою очевидную нелюбовь к БРИКС. Ибо факт остается фактом: замедление роста БРИКС стало одной из причин того, что биржи США, ЕС и Японии в 2013 г. отметили худшие показатели с января 2010 года.

На этом фоне совсем не случайно противопоставление им Индии и Бразилии ...Польше и Чешской Республике (!), несмотря на всю *колоссальную* разницу между этими странами. Именно здесь Р. Шарма предстает перед нами как «кабинетный экономист» худшего рода, не принимающий никакие цивилизационно-культурные детерминанты развития. «Сверхзадача» американского автора ясна: посеять сомнения в перспективах восхождения БРИКС не просто как

будущих «гигантов» мировой экономики (при том, что *de facto* они уже стали таковыми), а как *стран-цивилизаций*, идущих на смену цивилизации Запада.

Вот и эксперты американской исследовательской компании «Кэпитал Экономикс» спешат «отправить БРИКС на пенсию» и называют новых потенциальных лидеров, которыми, по их мнению, могут стать Нигерия, Филиппины, Мексика и все та же Польша¹. При этом все они склонны концентрироваться только на показателях прироста ВВП, абстрагируясь от серьезных внутренних проблем первых трех стран из этого списка. И самым красноречивым примером этого, на наш взгляд, является, пожалуй, Мексика.

Эта страна, превратившаяся в результате вхождения в НАФТА в 1994 г. в пример того, что получило название «рост без развития», демонстрирует сегодня процесс роста социально-экономического расслоения на фоне весьма «благополучных» в целом макроэкономических показателей. Отличавшаяся когда-то независимой и активной внешней политикой, Мексика стала проводником влияния США в Латинской Америке. Это неудивительно, ведь 80% внешнеторгового оборота этой на сегодняшний день 10-й экономики мира, приходится только на одну страну – Соединенные Штаты Америки. Рост организованной преступности, которая захлестнула в начале XXI века северные штаты Мексики, заставил некоторых аналитиков заговорить о ней чуть ли не как о «неудавшемся государстве». При этом многие из тех, кто в свое время активно поддерживал вступление Мексики в НАФТА, сегодня высказывают разочарование в этом шаге². Не случайно, что некоторые аналитики считают необходимым отказаться от такого показателя, как

¹ Независимая газета, 28.02.2014.

² См. Например: Castañeda, J. NAFTA`s Mixed Record // Foreign Affairs, Feb. 2014.

процент роста ВВП, полагая, что он не отражает сути того, что должно вкладываться в понятие «экономическое развитие» в условиях современности*.

Но, даже не это сейчас не самое главное.

Мир в XIX и XX уже неоднократно был свидетелем впечатляющего экономического восхождения таких стран, как, например, Великобритания и Германия, США и Япония, Южная Корея и Сингапур. Сегодня мы присутствуем при рождении других центров экономической силы за рамками БРИКС. Но *никогда еще до сих пор* появление очередного экономического гиганта, будь то в Европе, Азии или Америке, *не влияло существенным образом на изменение основных парадигм глобального развития*. Очевидный факт необходимости проведения таких перемен сегодня неоспорим, однако осуществить их по силам только *странам-гигантам, центрам мирового цивилизационного развития*, но никак не Польше, Филиппинам или даже Мексике, при всем нашем уважении к этим государствам.

Очевидно также, что для БРИКС в наши дни наступает своеобразный «момент истины». В условиях ухудшившейся мировой конъюнктуры, экономическая «ипостась» БРИКС, связанная с генезисом этого формата, на наш взгляд, должна временно отойти на второй план и уступить место политической и духовной. Это, кстати, отражает и отмеченную многими исследователями тенденцию к усилению именно политической составляющей БРИКС. «Что касается международной политики, – отмечал министр иностранных дел РФ С. Лавров, – то позиция стран БРИКС по сирийскому

* Выступая на Международном семинаре «БРИКС в XXI веке» в Рио-де-Жанейро в мае 2014 г., представитель Бразилии С. Пиньейро Гимараш, поддержанный делегатами России, Индии, ЮАР и Китая сказал, что этот «общепринятый» показатель отражает тот основной посыл нелиберальной экономики, согласно которому «экономика – сама по себе, а интересы людей – сами по себе».

вопросу и в целом по процессам арабской весны разделяется подавляющим большинством государств. Это было не реакцией на положение в мире США, какой-либо другой страны или блока стран, а естественным процессом становления полицентричного мира»¹. Действительно, трудно представить, чтобы какие-то другие страны, даже демонстрирующие завидный экономический рост, смогли бы заменить собой БРИКС в качестве системообразующих центров становления такого мира.

Экономоцентричное восприятие мира несет в себе, помимо всего прочего, серьезные ограничители. Оно, как правило, слишком привязано к конъюнктуре, что обрекает его на сиюминутность, слишком абстрагируется от социокультурных, политических, идеологических и др. аспектов человеческого бытия, и целиком игнорирует присутствие факторов *иррационального начала* в повседневной жизни. С этой точки зрения на экономиках БРИКС, конечно же, рано «ставить крест», точно так же как рано провозглашать явление миру новых экономических лидеров, в значительной степени использующих эффект «низкого старта» (который, в основном, уже был использован БРИКС). Перспективы же БРИКС, как нам представляется (в том числе – и экономические), отныне все больше будут связываться не только с вопросами собственно экономики, сколько с проблемой *мотивации, духовного и морального лидерства в философии современного бытия и с пропагандой собственных политических, ценностных и морально-этических ориентиров*.

С Р. Шарма можно, пожалуй, согласиться лишь в одном: когда он говорит, что «не столько политическая система, господствующая в той или иной стране, сколько мотивация ее народа и способность ее лидеров предвидеть будущее

¹ Независимая газета, 28.02.2014.

является залогом успешного экономического развития»¹. Примеров тому – множество. Это и США, с почти «поголовным» патриотизмом населения и его верой в будущее своей страны, и Бразилия с утвердившейся в ее народе вере в ее «великое будущее», и СССР с успехами индустриализации 30-х годов и завидными темпами роста 50-х*. Что касается нынешнего Китая, то о нем Дж. О'Нил написал следующее: «Я люблю путешествовать в Китай и наблюдать оптимизм его народа. Этот оптимизм контрастирует с цинизмом и негативом, постоянно встречаемым на Западе, где люди, кажется, перестали испытывать энтузиазм по поводу будущего»².

Когда О'Нил говорит, что «людей, настроенных оптимистично в отношении России найти трудно» то, кажется, здесь надо было бы добавить: «не столько, даже, за рубежом, сколько в самой России». И это при том, что маститый экономист утверждает: «Из всех стран БРИКС только одна Россия имеет шанс оказаться в числе богатых стран и даже подняться на уровень крупных европейских экономик» с учетом ВВП на душу населения»³. В отличие от Р. Шарма, О'Нил не призывает Россию к отказу от национального менталитета, очевидно хорошо понимая, что это *невозможно*. Наоборот, он считает, что «*понимание* (курсив мой – Б.М.) менталитета российского народа останется важной задачей для США» и что «ЕС (и США) должны мыслить шире во всем, что касается России»⁴. Призыв автора акро-

¹ Sharma, R. Países Emergentes, p. 199.

* При том, что экономика СССР развивалась в том числе – за счет разорения деревни и рабского труда заключенных ГУЛАГА, энтузиазма «молодых строителей первых пятилеток» и тех, кто в кратчайшие темпы восстанавливал разрушенное войной хозяйство, отрицать невозможно.

² О'Нил, Дж. Карта роста, с. 85.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 167.

нима «БРИКС» к России сводится, по сути дела, к тому, чтобы *не отказываясь от своего менталитета, традиций, привычек и культуры, преодолеть, наконец, тяжелое историческое наследие, которое заставляло россиян с оправданной долей неверия и опаски воспринимать очередные «начинания» некоторых ее правителей в XX веке, поверить, наконец, в свою страну, отнестись с оптимизмом к ее будущему, что само по себе станет ее успехом в XXI столетии.*

Такой подход поможет России избавиться от двух ее экономически самых острых проблем, связанных с менталитетом, но не обусловленных им в конечном счете. Это – разница в доходах населения при чрезмерном и бессмысленном потреблении «нуворишей», глядя на которое «некоторые россияне сравнивают нынешнее положение своей страны с эпохой заката Римской империи»¹, и связанное с этим хроническое бегство капиталов за границу. Очевидно, что оба эти явления имеют не столько экономический, сколько *социально-психологический и культурный характер*. Они основаны на негативном историческом опыте, отсутствии у людей четких жизненных ориентиров и их неуверенности в завтрашнем дне.

Если *духовные факторы* (вера в будущее, оптимизм народа и его желание получать образование и трудиться в своей стране) в том или ином их наборе, наряду с материальными предпосылками, начнут «котироваться» в качестве долгосрочных факторов развития БРИКС, то очевидно, что именно «сфере духа», ранее существенно недооцененной, должно уделяться сегодня повышенное внимание в России и в других странах БРИКС.

Готовность или неготовность Запада к грядущим переменам – это еще один фактор, который будет определять содержание ближайших десятилетий. «Если разви-

¹ Sharma, R. Op.cit. P. 114.

тые страны настроены на улучшение международных институтов путем сотрудничества со странами БРИКС, то членам «Г-7», в особенности европейцам, придется отказаться от части своей власти. Это потребует отказа от гордыни и трезвой оценки ситуации. От того, смогут ли устоявшиеся лидеры пойти навстречу странам БРИКС в мировой политике, будут зависеть, выиграют они или проиграют от этого необратимого изменения мирового порядка»¹, – отмечал Дж. О'Нил.

С учетом сказанного выше, позицию России в мировой политике пока что следует считать *недостаточно определенной*. Очевидно, что речь должна идти о необходимости выработки ею долгосрочной внешнеполитической стратегии в контексте заявленного стремления добиваться перестройки глобальной и региональных систем политической, экономической, экологической и информационной (кибернетической) безопасности. С этой точки зрения представляется необходимым пересмотр некоторых кажущихся кому-то «незыблемыми» стереотипов относительно выбора партнеров в глобальном развитии. России предстоит дать, наконец, ответ на традиционно трудно решаемый для нее вопрос: с кем она? С восходящим Востоком (к которому по многим ценностно-культурным и этическим показателям относится и Латинская Америка) или со столь уважаемым нами, но демонстрирующим признаки «нисходящей» цивилизации Западом, в первую очередь, – с его наиболее авторитетной, но *цивилизационно чуждой* нам англосаксонской частью, которая, к тому же, совершенно не настроена принимать Россию в этот закрытый «клуб»? Думается, что сама История, с ее элементом *случайности*, который встроен в некую *закономерность*, подсказывает ей нужный ответ.

¹ Дж. О'Нил. Указ. соч. С. 150.

Последние два десятилетия показали, что в своем намерении сохранить и упрочить господство над миром, лишив Россию остающегося в ее руках средства глобального сдерживания (ракетно-ядерный потенциал) и завладеть «критической массой» наиболее востребованных ресурсов планеты, Вашингтон все чаще прибегает к наиболее экстремальной трактовке протестантской этики, смысл которой сосредоточивается вокруг достижения «жизненного успеха» любой ценой. При этом критерий «эффективности» неизменно ставится им выше критериев морали, права, справедливости, а порой даже и здравого смысла. Именно «эффективность», понимаемая как свобода от каких бы то ни было «искусственных ограничителей» ради скорейшего достижения нужной «цели», делает отряды УЧК в Косово, организацию «Братья-мусульмане» в Египте, исламских фундаменталистов в Ливии и Сирии и, наконец, бандеровских боевиков на Украине ближайшими союзниками Вашингтона в его глобальной политической игре. А если вспомнить, что и раньше США не брезговали использовать в своих меркантильных интересах бывших нацистов, опираться на диктаторские режимы в Латинской Америке и Азии, поддерживали Сомосу и Пол Пота, Трухильо и Пиночета, южновьетнамских генералов и чеченских террористов, то парадигма «успеха любой ценой» все отчетливее начинает вырисовываться в качестве основы внешней политики этой страны. Активное применение информационного и кибероружия, методов ведения психологической войны сегодня многократно облегчают эту задачу.

Соответственно, следует ожидать, что попытки «майданизации» неугодных Вашингтону государств, в том числе – и БРИКС, не прекратятся, а, наоборот, многократно усилятся, если не будут получать с их стороны достойного информационного и др. противодействия. Нетрудно представить, какое будущее ожидает мир, если отношения между госу-

дарствами будут основываться не на международном праве, понимаемом как совокупность общих для всех договорных норм и обычаев, а на новом издании права «цивилизованных» («демократических», «свободолюбивых», «англоговорящих» и пр.) народов, в основе которого будет лежать подогнанный под «злобу дня» прецедент. Такое право будет соответствовать эпохе XIX века и той ложной «многополярности», которую сегодня пытаются выдать за подлинную. История, однако, демонстрирует, что попытки маргинализации целых рас, народов и цивилизаций заканчиваются для организаторов таких попыток плачевно.

Системно – цивилизационные и исторические различия в отношении к праву и правоприменительной практике, существующие между Россией и Западом («Англо-Америкой»), пока затрудняют для нас возможности поиска равноправного *партнерства* с ним по широкому кругу международных проблем. При этом, однако, сохраняются надежды на *сотрудничество* по некоторым из таких проблем, где у нашей страны присутствует четко обозначенный интерес, подкрепленный реальной силой. Однако следует иметь в виду, что любые юридически-обязывающие договоренности с англосаксонским миром со временем могут существенно «потерять в цене», если в глобальной политике будет преобладать тенденция к сохранению единственного полюса в лице США и (автоматически) – к прогрессирующей деградации авторитета ООН и международного права. Любые договоры и соглашения в деле обеспечения международной безопасности, начиная от СНВ и заканчивая договоренностями в сфере борьбы с наркотрафиком и оргпреступностью, могут оказаться ничтожными в условиях прогрессирующей анархизации МО и падения авторитета МП, в частности, такого принципа, как «договоры должны соблюдаться». А это произойдет в том случае, если усилия США по сохранению глобального доминирования не будут

сбалансированы контр – усилиями со стороны России и нарождающихся полюсов современного мира в формате БРИКС.

Сегодня, по-видимому, еще нельзя дать четкого ответа на вопрос: возможна ли вообще серьезная перестройка мировой экономики и политики в кратко- или даже среднесрочной перспективе. Отнесем это на долю *«Стихийно-сознательного Начала»*, управляющего Историей человечества с незапамятных времен. Мировое сообщество, по-видимому, должно пройти немалый путь, прежде чем с помощью этого Начала выработает адекватные формулы глобального регулирования. И похоже, что людям еще потребуется ряд серьезных уроков для того, чтобы отойти от «национальных эгоизмов».

Пытаясь представить себе возможную конструкцию многоцивилизационного мира, основанного на принципах кросс-культурного взаимодействия и опирающегося на адаптивные международно-правовые структуры, мы видим в качестве ее фундамента ценности, разделяемые, в той или иной степени, католической, православной, протестантской, иудаистской, мусульманской, конфуцианской и буддийской культурами. Создание такой конструкции видится нам *главной задачей формирующегося на сегодняшний день нового глобального миропорядка*. Взаимодействие культур в рамках этой модели будет основываться не на акцентировании различий и противоречий, как это до сих пор было в практике человечества, а на установлении схожестей и параллелей между ними. «Что если нам, например, задаться целью сотрудничать с Китаем в самых различных областях не концентрируя 90% усилий на выявлении и решении суще-

ствующих разногласий?»), – спрашивает, например, Дж. Купер Рамо¹.

Сама постановка вопроса таким образом ставит, на наш взгляд, перед странами БРИКС новую важную проблему – выработки и согласования собственных *базовых ценностей*, способных наполнить новым содержанием такие, казалось бы, привычные и устоявшиеся за 500 с лишним лет господства Запада понятия, как, например, «демократия», «свобода», «права человека», «прогресс», «развитие», «рынок» и т.д. В самом деле, говорить о какой-то «истернизации» и «саутизации» на основе неизменных в своей основе и «вечных» западных ценностей было бы абсурдно. Отсутствие альтернативных ценностей у БРИКС, как «союза реформаторов», в его диалоге с Западом сделает этот диалог заведомо односторонним. Ведь подлинный смысл «нового прочтения» цивилизационной теории С. Хантингтона «постхантингтонианцами» (Н. Каценштайн, Дж. Курт и др.) как раз и заключается в предложении построить «многополярный» и даже «многоцивилизационный» мир на монооснове западных ценностей, чтобы увековечить глобальное господство «Англо-Америки» на необозримо долгое время.

Каковы могли бы быть эти альтернативные ценности? В своем наиболее общем виде они предстают перед нами уже сегодня в виде *универсальности норм международного права, недопущения гегемонизма и неравенства в международных делах, принципа равной безопасности для всех, коррекции интересов индивида и общества в сторону последнего, в том числе – с учетом интересов защиты среды обитания, исправления дисбаланса между «правами» и «обязанностями» человека, его «свободами» и «ответственностью» и т.д.*

¹ Cooper Ramo, J. A Era do Imprevisível. Lisboa, 2009. P. 132.

Поставленная задача с учетом как старого исторического наследия, так и стоящих перед людьми новых глобальных проблем, разумеется трудна и успех в ней далеко не гарантирован. Чтобы претворить поставленные задачи в жизнь, человечеству, очевидно, придется пойти на серьезные жертвы, отказаться от многих привычных стереотипов, изменить модель своего поведения, производства и потребления, а вместе с этим, по-видимому, – трансформировать и *саму свою культурную матрицу*.

Вот тут Читатель мог бы упрекнуть автора в противоречии. «Как же так? Ведь выше он говорил о необходимости бережного отношения к национально-культурной идентичности стран и народов и о недопустимости взламывания «цивилизационных кодов», теперь, что же, призывает к обратному?» – Нет. Вопрос состоит в том «ради чего» и «как» трансформировать эту матрицу, которая на деле представляет из себя *западную* модель производства-потребления, спроецированную силовым путем на весь остальной мир. Трансформировать ее необходимо в интересах не только одной, пусть на сегодняшний и день пока и самой «продвинутой» цивилизации, а всего человечества во всем его цивилизационном многообразии. И не привычным, силовым путем, а постепенно и с помощью «мягкой силы». Однако памятуя о том, что старое еще никогда никому не сдавалось без боя, а все более или менее устойчивые режимы международного сотрудничества, начиная с Вестфальского мира, до сих пор устанавливались в результате крупномасштабных войн и конфликтов, мы пока что воздержимся от слишком оптимистических прогнозов.

Э. Баталов в монографии «О философии международных отношений» (М., 2005), пишет: «...На деле получалось так, что, как раз пройдя через крупномасштабные войны, заново поделенный и переделанный мир делал очередной шаг на пути к интеграции. Так было после второй мировой войны.

И так было после первой холодной войны»¹. Далее он задает «сакраментальный» вопрос: «Значит ли это, что к сущности международных отношений причастен не только мир, но и война?», и сам же отвечает на него: «Нет никаких оснований ожидать, что государственно-организованное и легитимизированное массовое насилие одного мирового актора против другого перестанет быть причастным к сущности международных отношений»².

От себя добавим сюда же и такую не совсем «политкорректную» мысль о том, что войны, конфликты и связанная с ними гонка вооружений в XX веке *дали мощный толчок* научно-техническому прогрессу. Ни для кого не секрет, что в основе развития кораблестроения, авиации, телекоммуникаций, информатики, космических, биотехнологических и пр. исследований лежали почти исключительно запросы военных. Например, Интернет, открывшийся для бытовых нужд в 90-е годы, сначала зародился как секретный проект в недрах американского ВПК в 60-е. А что говорить о строительстве дорог, мостов, портов и аэропортов, о прокладывании новых путей в таежных дебрях и через безграничные просторы океанов, об объединении разрозненных бесконечно враждовавших между собой средневековых королевств, герцогств и княжеств и создании на этой основе единых государств и государственных объединений? Вся эта пестрая амальгама геополитики, технологий, знаний и колоссальных усилий людей в самых разных частях планеты с древнейших времен и до наших дней основывалась в первую очередь на *страхе* – факторе исторического развития, который людям еще предстоит оценить в полной мере.

Что же, значит войны, конфликты и международная напряженность неизбежны и, может быть, даже *необходимы* и

¹ Э. Баталов. О философии международных отношений. М., 2005. С. 53.

² Там же. С. 53-54.

в будущем? Это звучит как приговор, тем более, что Э. Баталов далеко не одинок в своих выводах.

Отдавая дань истории человечества как истории войн, усомнимся, все же, в том, что войны *и впредь* будут играть роль таких «катализаторов» общепланетной интеграции. Напрашивается мысль, что подобный вывод – результат не до конца развеявшейся убежденности в том, что все на свете свершается благодаря *сознательной воле человека*, в том числе – и *злонаправленной*, поскольку ***постулирование линейности и благости развития материально-технического прогресса на протяжении всей истории человечества делало избыточной его морально-этическую квалификацию.***

Однако *после* далеко не всегда означает *вследствие*, тем более, что История, на наш взгляд, свидетельствует и *о постоянном присутствии в ней некоей альтернативы гонке вооружений и войнам как демиургу общественного развития.* И если «жесткая сила», а тем более войны, способные поставить под угрозу не только существование отдельных стран, но теперь уже и всего человечества, с течением времени становятся абсурдны, то у нас все же остается слабая надежда на то, что *стихийно-сознательное начало*, направляющее волю людей, все-таки учтет это обстоятельство и перенаправит ее, наконец, в другое русло.

«На Западе стало привычным делом критиковать БРИКС, – отмечал мексиканский экономист Ф. Стейнберг, – с той точки зрения, что это, мол, искусственный конструкт, в котором предпринята попытка соединить несоединимое, где единственное, что объединяет его участников – это недовольство мировым экономическим порядком, созданным США и основанном на институтах их глобального доминирования. Факт, однако, остается фактом. В БРИКС входят 40% населения Земли, а их экономика – это четверть миро-

вого ВВП. И если они продвинулись в осуществлении каких-то своих инициатив, то мир ожидают реальные перемены»¹.

Очевидно, что речь здесь идет о той самой Надежде. Той, которая не покидала людей с незапамятных времен и которая помогала им выжить несмотря ни на какие природные и политические катаклизмы. Отменить эти катаклизмы люди, очевидно, не в силах. Но никто не может лишить их Надежды, если, конечно, они сами этого не захотят.

Вместо послесловия

Автор уже закончил работу над этой книгой, когда в свет вышла новая монография Яна Морриса «Война. Чем же она полезна?» (Лондон, 2014). Не отреагировать на труд одного из наиболее перспективных молодых западных историков, ранее сделавшего себя «имя» весьма интересной книгой «Почему правит Запад? Во всяком случае, пока» (она неоднократно цитировалась в данной работе, а один ее абзац был даже взят в качестве эпиграфа) оказалось невозможным.

«Рискованное» название не вызвало особого удивления. Оно и понятно: книгу надо продавать. По мере прочтения, однако, мне становилось все более и более «зябко». Неужели же были правы Маркс-Энгельс-Ленин, когда утверждали, что в ходе развития общего кризиса капитализма он неизбежно начинает сбрасывать с себя «хитиновые покровы демократии», открывая всему миру свое «звериное нутро»? Судите сами.

Войны, пишет Ян Моррис, создавая в течение тысячелетий «все более крупные общественные структуры, все более сильные правительства и все более стабильные основы

¹ <http://www.infolatam.com/2014/07/15/los-brics-en-busca-de-una-gobernanza-economica-alternativa/>

безопасности (*Sic!* – Б.М.), обогатили мир»¹. Автор все время подчеркивает, что он взирает на войны, которые вело человечество с древнейших времен, в «долгосрочном плане» и с максимально отстраненных позиций, однако это не делает его позицию менее аморальной и антинаучной. Ведь в столь «долгосрочном» плане доказать, кажется, можно уже все, что угодно...

В «вечном» споре между Гоббсом и Руссо симпатии автора явно на стороне Гоббса, ведь по его словам это именно «левиафаны» (государства) делают жизнь людей «безопаснее и богаче»². Ну, что же. Может быть. Но как-то странно, что никто иной, как Гоббс – апологет сильного и авторитарного государства в отличие от доселе любимого либералами вольнодумца Руссо – сторонника максимальной свободы, свободы «по-Американски», столь почитаем «сегодняшним» Яном Моррисом. Ведь по его словам Нобелевскую премию мира надо было присудить «не только одному Барраку Обаме, а всем американским президентам, начиная с 1945 года»³. Как тогда примирить апологетику «либеральных» Соединенных Штатов с «государствоцентризмом» Гоббса? Не отражают ли сегодняшние взгляды Яна Морриса некой новой тенденции, когда условиях практически глобальной дискредитации неолиберальной идеи США готовы предложить миру некий «либеральный» авторитаризм во внутренней и внешней политике?

Пойдем дальше. Мягко «пожутив» США за «ошибки», совершенные ими в их азиатских войнах, Ян Моррис тут же объявляет, что тактику ген. Петреуса – командующего войсками США в Ираке нельзя сравнивать, например, с такти-

¹ Morris, Ian. War. What is it Good for? The Role of Conflict in Civilization, from Primates to Robots. London, 2014. P. 9.

² Ibid. P. 25.

³ Ibid. P. 345.

кой британского генерала Китченера во время англо-бурской войны. Ведь тогда были концлагеря, массовые казни заложников, расстрелы военнопленных.... Ну, что же. Нам, наверное, остается только радоваться, что в наши дни Инквизиция не сжигает людей на кострах за инакомыслие, а тихо-мирно залезает в их персональные компьютеры, похищает «неугодных» в других странах, организует информационные агрессии и блокады. Кстати, за бортом этого «блестящего» сопоставления остаются десятки тысяч загубленных жизней ни в чем не повинных иракцев, тюрьма «Абу-Грейб» и концлагерь в Гуантанамо, появление еще более радикальных исламистских движений, «вскормленных» США и продуцирующих новые войны и т.д., но все это, наверное, лишь «*collateral damage*» – неизбежная дань «утвердившимся» (!?) в Ираке «свободе и демократии».

Дальше – больше. Человек, который еще совсем недавно писал о том, что в 2050 году в мире произойдет неизбежное перераспределение сил, когда новые цивилизации и культуры придут на смену западной¹, вдруг обнажил радикальную метаморфозу сознания. Теперь он страстно мечтает о сохранении в мире гегемонии США – этого единственного имеющего «право» на одностороннее применение силы «глобокопа» (по аналогии с роботом-полицейским из фильма «Робокоп»), вплоть до того самого «Звездного часа» в истории человека, когда его мозг породнится с компьютером (!) и все на свете различия – «половые, расовые, классовые, языковые, образовательные и пр. – все сольется в памяти единого общеглобального суперорганизма – суперкомпьютера» (от «*Pax Americana*» – к «*Pax Technologica*»)². Вот только тогда, считает американский ученый, на земле

¹ См. статью Яна Морриса в сборнике “L’Histoire de L’Occident. Déclin ou metamorphose?” // Le Monde. Hors-série, sept. 2014. P. 149-150.

² Morris, Ian. War, p. 383.

окончательно исчезнут всякие предпосылки для войн и конфликтов. То есть нам опять предлагается некий новый вариант «конца Истории», только теперь с заходом не через либеральную демократию (успевшую за эти годы серьезно дискредитировать себя), а через развитие био- и информационных технологий.

Но до этого «рая» (а его пришествие, по Моррису, состоится, как ни странно, опять-таки все в том же 2050-м году) человечеству еще предстоит пройти через ряд испытаний, связанных с попытками новых восходящих глобальных игроков в лице Китая оспорить власть «глобокопа». Такие попытки, считает американский ученый, чреватые третьей мировой войной и уничтожением всего человечества, ибо Китай, по его мнению, в процессе своего возвышения просто «обречен» пройти путь, пройденный Германией в XX веке (несмотря на то, что в своем труде он буквально пятью страницами ранее признает особую конфуцианскую этику Китая, основанную на миротворчестве).

Его призыв к США – не выпускать из рук знамя «глобокопа» и бороться против всех, кто противится этому до тех самых пор, пока не наступит «подходящий момент» («окомпьютеривание человека» или «очеловечивание компьютеров»). А для этого американцы должны «привести в порядок свои финансы, обеспечить уверенный экономический рост и опережающее научно-техническое развитие». И еще: «выдвинуть на политическую авансцену таких общенациональных лидеров, которые сумели обеспечить победу США в «холодной войне». Это нелегкая задача¹, – резюмирует автор. И нам трудно с ним в этом не согласиться.

А что же насчет «Золотого Века» «людей-суперкомпьютеров»? Кому-то эта фантастическая идея может показаться «прогрессивной». Но, не спешите. «Новый

¹ Ibid. P. 392.

порядок открытого доступа» по Яну Моррису (“*Open access order*”) изначально «не может включать в себя всех на равных условиях. И не все будут готовы включаться в него добровольно»^{*}. Что же предлагает нам американский историк? Верный своей манере проводить глубокие исторические параллели, он сравнивает предстоящий процесс с историей колонизации европейцами американского континента (истребление индейцев) или с массовым завозом из Африки в Америку негров – рабов. Насилие, жестокость, ну, что же? Это не смущает нашего автора. Ведь, «в конечном счете» эти жестокости с материальной точки зрения себя оправдали...¹.

«Новая» философия Яна Морриса на самом деле стара, как мир. Она вся целиком сводится к формуле Гегеля: «все действительное – разумно, а все разумное – действительно». Таким образом войны, которые вело человечество начиная с Каменного века были полезны только потому, что мы сегодня живем богаче и лучше^{**}. В этом смысле отнюдь не удивительно, что и Гитлер предстает у него, скорее, таким «рабом обстоятельств», вынужденным делать то, на что его толкала некая «Невидимая Рука истории» (по аналогии с «Невидимой Рукой рынка»)².

Ну, что же. Разочарование в понравившемся было авторе (не будем останавливаться на возможных причинах, которые побудили Яна Морриса столь радикально изменить

* С этой точки зрения разоблаченный Сноуденом факт тотального отслеживания АНБ США персональных данных людей по всему миру – это, несомненно, один из признаков надвигающегося «прогресса».

¹ Ibid. P. 387.

^{**} Гегель, как известно, был апологетом войн, считая их полезными для «оздоровления духа нации». Вслед за ним, и марксисты возвели войны и революции в разряд «локомотивов Истории». Ян Моррис поразительно не оригинален.

² См. Ibid. P. 264-271.

взгляды) не мешает нам с удовлетворением отметить правоту некоторых наших идей. Во-первых, войны *действительно* толкали вперед развитие цивилизации (но, в первую очередь только одной – западной). Во-вторых, такое развитие носило в основном *материальный и технократический характер*, угнетающий важные компоненты *духовного развития*. В-третьих, *детерминизм*, присущий западному мышлению, намеренно исключает всякие другие прочтения истории, основанные на иных, кроме материальных, ценностных представлениях и на иных, помимо чисто *прометеистских*, поведенческих установках. Элемент «иррационального» («Невидимая Рука» истории, рынка и пр.) здесь не изъят, но *изначально задан, идеологически выверен и не предполагает альтернатив саморазвития*. «Материальный прогресс оправдывает все» - именно эта идея на самом деле имеется в виду, когда некоторые западные теоретики говорят нам о том, что «история не знает сослагательного наклонения». В-четвертых, как показывает практика и как свидетельствуют попытки теоретического «обоснования» (Ян Моррис и др.) безальтернативности однополюсного мира, он отнюдь не собирается сдавать своих позиций многополюсному и многоцивилизационному просто так, без боя. Нынешний переходный период будет неизбежно характеризоваться обострением многоуровневой борьбы между отживающим свой век правом силы и нарождающейся силой права, что диктует новым акторам необходимость скорейшего объединения своих сил и выработки собственной - самостоятельной и позитивной – идеологической и правовой платформы. И, наконец, в-пятых. По мере углубления системного (цивилизационного) кризиса Запада в лице «Англо-Америки» и столь же системного подъема других центров силы (цивилизаций) следует ожидать усиления авторитарных тенденций во внутренней («гоббсианство») политике США и авантюризма и агрессивности в их внешней полити-

ке («глобокопство»). По-видимому, вопрос о содержании и социокультурной детерминации понятий «свобода», «демократия» и «права и обязанности человека» приобретет в этом контексте еще более важное значение, равно как и проблема защиты морально-нравственных и правовых начал в политике от попыток упразднить их в угоду односторонним интересам. В этом же смысле все острее (если не в мировых медиа, то, во всяком случае, в академической и общественной среде) будут ставиться вопросы о том, насколько правомерно считать США истинно демократическим государством.

Б.Ф. Мартынов

**«ЗАПАД» И «НЕ-ЗАПАД»: ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ... БУДУЩЕЕ**

Макет – И.М. Вершинина
Обложка – А.В. Рускол

Книга печатается в авторской редакции

Подписано в печать 3.02.2015.
Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16.
Физ. печ. л. 10,75. Уч.-изд. л. 6,2.
Заказ № 3. Тираж 200 экз.

ПЛ ИЛА РАН 115035 Москва, Б. Ордынка, 21
Тел.: (495) 951-53-23, факс: (495) 953-40-70
E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основанный в 1961 г., ИЛА РАН является ныне крупнейшим европейским центром, ведущим комплексные фундаментальные исследования экономических, социально-политических, международных и культурологических аспектов современного развития государств и народов Латино-Карибской Америки, а также стран Иберийского полуострова – Испании и Португалии.

Институт изучает актуальные проблемы сотрудничества России с указанными странами, разрабатывает перспективные направления оптимизации отношений с ними на двусторонней и многосторонней основе.

ИЛА занимается также консультационной работой по заказам государственных, общественных и частных организаций, культурно-просветительской, образовательной и издательской деятельностью.

За годы своего существования Институтом выпущено более 500 монографий и сборников статей. Ежегодно публикуется в среднем около 10 различных наименований. ИЛА издает ежемесячный журнал «Латинская Америка» и ежеквартальный журнал «Iberoamérica» на испанском языке. Периодически публикуется научный бюллетень «Аналитические тетради ИЛА РАН». Библиотека Института, насчитывающая около 100 тыс. томов, является одной из самых крупных в мире по современной проблематике Латино-Карибской Америки.

ИЛА РАН поддерживает связи с более чем 200 зарубежными научными центрами, осуществляет свыше 40 соглашений и программ о научном сотрудничестве с университетами и исследовательскими центрами Латино-Карибской Америки, США, Европы и Азии.

В Институте ежемесячно проводятся научные конференции, симпозиумы, круглые столы и семинары с участием российских и зарубежных ученых. Осуществляется подготовка специалистов высшей квалификации на уровне кандидата и доктора наук.

Адрес: Москва, 115035, Б. Ордынка, д. 21
Тел.: (495) 951-5323, 953-4639, факс: (495) 953-4070

E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru

<http://www.ilaran.ru>